

Серия “Близнецы Миллиардеры”

ЗАМЕНА В ИГРЕ

М.Т. СТОУН

BestRomanceBooks

Пролог

В «Упоение властью» Трей Эддисон отправился в Женеву (Швейцария), чтобы доставить инсайдерский доклад генеральному директору корпорации, в которую он инвестировал деньги. Его подруга с привилегиями, Лив, ходила за ним по пятам, прося взять с собой ее подругу Мэнди Грей.

Мэнди оказывается Амандой Грей, знакомой из далекого прошлого Трея. На самом деле, двадцать лет назад их семьи были весьма близки. Однако одним судьбоносным вечером отец Трея предал их и в последующие месяцы начал уничтожать их семейный бизнес. Семья Мэнди была вынуждена переехать за тысячу миль и полностью отказаться от той жизни, которую они вели раньше. Это была одна из причин, по которой Мэнди оказалась на этом рейсе.

Вслед за смертью отца, Лив бросает Трея, и он признается, что его тянет к Мэнди. После нескольких дней, проведенных в Нью-Йорке и наполненных стрессом: на Трея обрушиваются папарацци, он подвергается опросу со стороны правоохранительных органов и даже собственный брат-близнец обвиняет его в убийстве отца.

Стремясь избежать обострения ситуации, он и Мэнди решают уехать ненадолго в Монако, чтобы насладиться Гран-при Формулы-1. Вскоре после приземления, отец Мэнди настаивает на разговоре с Треем и сообщает ему, что у него и матери Трея был роман, который продолжался и в то время, когда он родился.

Возможно ли, чтобы Мэнди оказалась его сводной сестрой? Неужели все так совершенно запутано?

Глава 1

Мэнди

Даже если Трей приуменьшает масштаб этого, он выглядит так, словно его ударили. Сидя в задней части лимузина, я пытаюсь найти адекватное предположение тому, что же мой отец мог сказать ему. Миллион различных мыслей проносится в моем мозгу, но это не значит, что у меня куча скелетов в шкафу или что-то в этом роде. *Какого черта?*

— Каждый третий здесь — миллионер, — говорит Трей, видимо, чтобы поддержать видимость беседы. — Это единственное место, где на душу населения приходится миллионеров больше, чем в Цюрихе и Женеве.

— Это объясняет такое количество яхт, — отвечаю я, глядя в окно автомобиля.

Мои мысли все еще скачут, и я вдруг ощущаю себя неловко из-за того, что между нами существовала такая невероятная химия. Это чувство можно сравнить с тем, что мы вдруг стали чужими. Я сжимаю телефон в руке, полная решимости высказать отцу все, что у меня на уме, как только у меня появится такой шанс.

— Я любил это место, когда был маленьким, — Трей произносит это тоном, пронизанным печалью. — Для меня оно было даже в детстве намного лучше, чем Диснейленд.

— Где бы ты ни появился, ты видишь огромные яхты, блестящие спортивные автомобили и быстрые мотоциклы. Что здесь могло не нравиться? Не говоря уже о всех этих великолепных отелях с прекрасными песчаными пляжами. Это место, безусловно, выглядит

как площадка для богатых парней.

Часть меня съеживается при мысли о мужчинах среднего возраста, чрезмерно загорелых, нацепивших на себя ювелирные изделия и расхаживающих только в плавках.

— И рай для золотоискательниц.

Он говорит с улыбкой, наполненной болью.

— Что сказал отец?

Я сразу почувствовала, что мое кровяное давление подскочило.

— Ты действительно думаешь, что я охочусь за твоими деньгами?

— Нет! — он смеется, закрывая глаза и откидывая голову назад на спинку сидения. —

Неужели ты думаешь, что твой отец рассказал бы, что его дочь — золотоискательница?

— Ну, если бы он так сказал, то это была бы неправда. После того, как моя семья потеряла все, я решила никогда не позволять деньгам или их отсутствию контролировать свое счастье. Любовь или счастье нельзя купить.

Я вдруг подумала о том, что отец мог сказать ему.

— Я уже сказала тебе, почему я пошла в юридическую школу. Что и Виктор и Глория Оллред вдохновили меня перейти на другую сторону и дать отпор (*прим. пер. Речь идет о книге Глории Оллред под названием «Дать отпор и победить»*).

— Да. Я знаю. Тем не менее, я не понимал, насколько ты увлечена этим.

Трей поворачивается к окну, избегая встречаться со мной глазами.

— Правда? Я провела три года в юридической школе и пошла работать в Комиссию! Это немаленькие, незначительные шаги.

Он что, сейчас издевается надо мной?

— Твой отец полностью уничтожил нас. Ты не думаешь, что я должна была быть достаточно увлечена этим?

— Я знаю.

Он протягивает руки и берет меня за руку, подносит ее к губам и целует.

— Не волнуйся, я все еще люблю тебя. Мне просто нужно немного времени, чтобы разобраться со всем.

Что? Он только сказал, что любит меня? Судя по выражению лица, я не думаю, что он даже понимает, что сейчас произнес. Моя голова идет кругом. Очевидно, что папа сообщил то, что принесло ему сильную боль, но он все еще любит меня? Я вдруг почувствовала себя одновременно злой, в восторге и смущенной. Какого черта? Я смотрю на телефон и понимаю, что сейчас нет еще и девяти утра. День обещает быть долгим и весьма бурным.

Как только мы подъезжаем к отелю, мои мысли проносятся в голове со скоростью тысячу миль в час. В верхней части здания, окрашенного в цвет слоновой кости, и которое просто сочтется роскошью, видна вывеска со словом «Hermitage». Швейцар здоровается с нами и приглашает в мир абсолютного совершенства. Потрясающий белый свет с оттенками голубого отражается от полированного белого мраморного пола. Огромные белые колонны и сложные арки намекают на роскошь, ожидающую нас за вестибюлем.

В то время пока Трей регистрируется, я похожу к стеклянным дверям, привлеченная потоком мерцающего розового света. Заглянув внутрь, я вижу слишком яркий красно-белый ковер, который только можно себе представить, что компенсируется огромными хрустальными люстрами и потолком, напоминающим Сикстинскую капеллу.

— Здесь мои родители провели свой двадцатый юбилей, — Трей говорит мне, как только подходит ко мне, и поворачивает ручку, чтобы открыть дверь.

— Я никогда не видела ничего подобного, — заявляю я в полном изумлении. — Здесь, должно быть, с десятков картин!

— Тринадцать, — уточняет Трей. — В центре одна большая и десятков поменьше вокруг нее. Это один из самых сложных балльных залов в мире. Вот почему мой отец предпочитал эту гостиницу.

— Я никогда не видела ничего настолько продуманного и детального, — отвечаю я, не в силах оторвать взгляд от невероятного потолка.

— Просто подожди, пока не увидишь купол, спроектированный Гюставом Эйфелем, — замечает Трей. — Он тот, кто спроектировал Эйфелеву башню.

— Да, я знаю, — я наклоняю голову и закатываю глаза на него.

К тому времени, когда мы доходим до нашей комнаты, мой мозг уже перенасыщен масштабностью и величием, которое окружает нас.

После того, как он открывает дверь в наш номер, я с удивлением созерцаю перед собой элегантный современный номер. Великолепные паркетные полы, современное искусство и красивая мебель — все это видится идеальным побегом от излишества.

Трей берет меня за руку и ведет прямо на террасу.

— Это лучшая часть, — говорит он с улыбкой, пока мы делаем пару шагов в абсолютный рай.

— Ничего себе! Это невероятно!

Я чувствую, что моя челюсть отпадает, когда я смотрю вниз на яхты в гавани, ведущей в красивые синие воды Средиземного моря.

— Это похоже на сон.

— Да, это так.

Он робко мне улыбается.

— Все, что тебе сейчас понадобится, так это один из твоих новых купальников. Они находятся в шкафу в спальне.

— Моя одежда уже здесь?

Я ощущаю небольшое головокружение.

— Да.

Трей берет меня за руки и смотрит в глаза. Пару мгновений я ожидала от него какого-нибудь романтического жеста, но впечатление было обманчивым.

— Иди переоденься, потом мы закажем завтрак и насладимся прекрасным утром.

Трей

На короткий миг мне удалось выкинуть мысли о разговоре с Рэем из головы. Как только Мэнди уходит, эти мысли тут же поглощают меня вновь. Единственный человек, кто мог бы помочь мне в этой ситуации — Юрген. Я быстро посылаю ему текстовое сообщение, где объясняю свою дилемму. Я сильно втягиваю в себя воздух, когда наблюдаю за Мэнди, которая захватив несколько вещей из своей косметички, скрывается в ванной. Устав ждать ответа, я выхожу на террасу и набираю Юргена.

— Спасибо, что перезвонил, — говорю я ему, как только он отвечает на мой звонок.

— Ну, должен был после того, как увидел твое сообщение. Ты, наверное, чувствуешь себя так, словно живешь в сумеречной зоне, — отвечает он, довольно точно характеризую мое состояние.

— Ни хрена!

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь расслабиться и придумать план.

— Я могу просто выслать тебе образец волос? Как долго это займет?

— Образец волоса должен включать в себя фолликул. Проще взять ватную палочку и снять мазок с поверхности твоей щеки, положить его в мешок и срочно отправить мне. Я могу получить предварительные результаты в течение нескольких часов, — объясняет он, как будто это плевое дело.

— Ее отец не хочет, чтобы я рассказал ей, так что мне придется попытаться получить образец без ее ведома, — сообщаю я ему.

— Нет. Поверь мне, Трей, тебе нужно поговорить с ней. Меня не волнует, что говорит ее отец, — заявляет он категорично. — Если она узнает, что ты утаил от нее такое, это будет концом ваших отношений.

— Моя первая реакция была такой же. Но ее мама очень больна и Рэй думает, что это убьет ее, если она узнает.

Я оборачиваюсь, и вижу Мэнди, стоящую в дверях в своем новом бикини.

— Если она узнает что?

Ее глаза мгновенно вспыхивают, пока она идет прямо ко мне.

— Я перезвоню тебе, Юрген.

Я кладу трубку, так как у меня уже не осталось выбора. Я беру Мэнди за руку и стараюсь говорить, как можно спокойнее.

— Твой отец настоял, чтобы я не делиться с тобой тем, о чем он мне сообщил, но я не могу скрывать это от тебя.

— Почему? Что он тебе сказал? — спрашивает она меня, и на ее лице появляется взгляд, западающий в душу.

— Он не хочет, чтобы твоя мама узнала, так что ты должна пообещать мне ничего ей не говорить. Хорошо? — я пытаюсь заручиться подтверждением перед тем, как рассказать ей.

— Я не буду ничего обещать, но если увижу необходимость защитить маму, ты можешь поверить мне, что я это сделаю.

Глаза Мэнди темнеют, когда ее эмоциональное состояние переходит от страха к гневу.

— У меня пока не было возможности выяснить все самому, но, видимо, существует шанс 50/50, что ты и я — от одного и того же отца, — говорю я, просто вываливая всю правду.

— Что ты имеешь в виду? — она задыхается, глядя на меня в полном недоумении.

— По-видимому, у Рэя и Сильвии был роман. И он и мама, кажется, полагают, что есть вероятность, что он может оказаться моим отцом, так же как и твоим, — говорю я, до сих пор не в полной мере осознавая это сам.

Мэнди вздрагивает, прикрывает живот и поворачивается к перилам. Она ничего не говорит, но стон, который исходит от нее, просто жуткий. Я точно знаю, что она чувствует, так как я пережил те же эмоции менее часа назад. Я стою в тишине, поглаживая ее по спине, терпеливо жду, пока она что-то скажет. Сейчас она пытается справиться с рвотным рефлексом. Это определенно трудно принять.

Мэнди

Я даже не знаю, как сейчас реагировать. Я провела последние пять лет, полностью сосредоточившись на мщении человеку, который разрушил наши жизни, а тут внезапно оказывается, что мой отец мог являться причиной. *Как он мог так поступить с мамой?* Во

всех испытаниях она неизменно оставалась на его стороне. Мое первое желание было позвонить ему и высказать все, что я думаю. Я достаю свой телефон и начинаю рыться в избранных номерах.

— Нет. Давай сначала поговорим, — произносит Трей, положив свою руку на мою. — В любом случае, сейчас у них два часа ночи, так что потребуется некоторое время, чтобы не напороть горячку.

— Что нам делать? — спрашиваю я, чувствуя себя абсолютно разбитой и сбитой с толку.

— Первое, что нам нужно сделать, это выяснить, действительно ли ты, на самом деле, моя сестра.

Он кладет руку мне на плечо и выпускает небольшой смешок.

— Я не в настроении для смеха, — моментально отвечаю я, бросая на него суровый взгляд.

— Я знаю, но я действительно хочу узнать это, как можно скорее.

Он крепко притягивает меня к себе.

— Честно говоря, не думаю, что мы связаны между собой, но я буду чувствовать себя намного лучше, если мы будем знать это наверняка.

— Да! И меня тоже. Я сейчас нахожусь в шоке. Если окажется, что ты мой единокровный брат, то думаю, я убью себя!

— Не говори так.

Он по-прежнему прижимает меня к себе.

— Независимо от того, как все сложится, мы постараемся сделать для этого все возможное.

Я поднимаю голову и говорю ему со всей решительностью в глазах:

— Если мы окажемся связанными между собой, то ни ты, ни я никому не заикнемся об этом!

— Поверь мне, я не стану. Если кто-то узнает, что отец на самом деле не был нашим отцом, то это, скорее всего, поставит под угрозу все наше наследство.

На лице Троя появляется беспокойство, когда эти слова срывается с его губ.

— Его невеста ухватится за это.

— Ты, очевидно, уже поговорил с кем-то об этом, — говорю я, глядя на телефон. — Что мы должны сделать?

— Нам нужно взять ватные палочки и провести ими по внутренней стороне щеки. Потом мы просто положим их в пакет с застежкой-молнией, и я отправлю их Юргену сегодня же курьерской почтой. После того, как ему доставят их, в течение нескольких часов он получит результат, и мы будем знать, связаны ли мы.

— Хорошо, иди поищи ватные палочки, а я пойду оденусь, — говорю я ему.

В настоящий момент мне как-то неудобно разгуливать в бикини.

Трей

В течение часа наши палочки были отправлены, и они уже были на пути следования в пункт курьерской почты. Юрген прислал мне пару ссылок на варианты теста в домашних условиях, который мы можем провести, но я предпочел бы сделать его в профессиональной лаборатории. Я испытываю желание позвонить маме прямо сейчас и узнать некоторые подробности об их романе, но так как в Нью-Йорке сейчас лишь четыре утра, то я подожду

несколько часов.

— Тебе что-нибудь принести, братик? — ухмыляется Мэнди, присоединяясь ко мне на террасе.

— Я мог бы воспользоваться стаканом для коктейля с чем-нибудь сорокоградусным, но мог бы, возможно, согласиться и на хороший завтрак с чашкой крепкого кофе. Меню на столе, ... сестричка.

Мы оба относимся к этому легкомысленно в данный момент, но у нас останутся серьезные эмоциональные шрамы, если окажется, что мы брат и сестра. Мэнди возвращается с меню для каждого из нас и плюхается в кресло рядом со мной.

— Я даже не уверен, что смогу поесть, — признается она, и на ее лице застыло страдальческое выражение.

— Я знаю. Просто надеюсь, что какая-нибудь еда немного успокоит мой желудок. Я чувствую себя дерьмово. Мой желудок никак не успокоится с тех пор, как я поговорил с твоим отцом.

— Ты думаешь, Виктор знал о романе? — спрашивает она после того, как изучала меню в течение нескольких долгих минут.

— Уверен, что узнал.

Я вспоминаю день, когда он пропустил наш восьмой день рождения.

— Это объясняет, почему все так внезапно изменилось. Тайлер и я думали, что мы сделали что-то неправильно. Когда я стал старше, то принял тот факт, что он просто превратился в жадного мудака. Меня тошнит только от одной мысли об этом.

— Знаю. Я годами ненавидела Виктора, думая, что он намеревался уничтожить мою семью без уважительной причины, — говорит она в ответ. — Не могу поверить, что отец сам был причиной этого.

Потрясенное выражение лица Мэнди является зеркальным отражением моего.

— Я бы все отдал сейчас, чтобы поговорить с отцом.

Я закрываю глаза и пытаюсь восстановить контроль над своими чувствами, но слезы уже скопились в уголках моих глаз.

— Мне так жаль, Трей, — произносит Мэнди, и я практически слышу в ее голосе, что она пытается подавить свои эмоции. — Меня интересует вопрос, почему отец практически умолял меня не противостоять твоему.

— На самом деле?

— Да, правда. Я поехала в его офис на той неделе, когда была в Нью-Йорке. Я хотела из первых уст услышать, почему он предал нашу семью. Просидев в приемной около часа, я позвонила домой, чтобы скрасить время, — объясняет она. — Когда папа ответил, я сообщила ему, где нахожусь, и это вывело его из себя. Уверена, он знал, что Виктор откровенно поговорит со мной о том, что случилось.

— Это произошло за несколько дней до того, как он был убит? — спрашиваю я, просто пытаюсь определить временные рамки.

— Да, это было во вторник, — отвечает она. — Поскольку папа не хотел, чтобы я поговорила с твоим, я вышла из его офиса и отправилась искать вместо этого наемника, — закипает она, говоря с сарказмом. — У меня было сто тысяч наличными, которые не укладывались в карман.

— Ради бога, я не намекал, что ты сделал это. Расслабься, сестренка.

Я смеюсь и качаю головой. Однако признание ее отца привнесло сумятицу. Убить

человека, чтобы сохранить в тайне давнюю интрижку, кажется, немного чрезмерным.

Мэнди смотрит на меня, а потом сосредотачивает свое внимание на меню. Нам обоим нужен хороший обед и немного времени, чтобы снять напряжение. Я захожу на своем телефоне на сайт «Hermitage» и смотрю список спа-услуг.

— Хочешь массаж и уход за лицом после завтрака?

— Однозначно! — утвердительно говорит она, не колеблясь ни минуты.

— Как насчет маникюра и педикюра? — спрашиваю я, прокручивая список дальше.

— Почему бы и нет, — она пожимает плечами. — Мне нужно как-то отвлечься от всего этого.

— Совершенно верно. Я думаю, что я закажу себе один долгий массаж, в то время как тебе сделают весь пакет.

Надеюсь, это поможет снять это напряжение.

Мэнди

Отель изумителен, номер великолепен, завтрак восхитителен. Я должна расслабиться и наслаждаться этим замечательным массажем, но вместо этого мой мозг продолжает обрабатывать все, о чем Трей рассказал мне. Знаю, что он хочет, чтобы я подавила свои чувства просто потому, что папа не хотел, чтобы я знала об этом, но я не могу этого сделать. Мне нужно объясниться с ним, почему он сделал это с мамой и нашей семьей.

Я начинаю думать о моем дедушке и о том, как он потерял своего лучшего друга, бывшего самым близким другом на протяжении пятидесяти лет. *Не могу поверить, что папа не признал свою ошибку и не взял вину на себя.*

У меня разрывается сердце из-за того, что все мое уважение к отцу, которое я чувствовала, уходит в небытие. Внезапно меня осеняет, почему папа никогда особо не жаловался на то, что случилось. Я всегда полагала, что он был авторитетом. *Какой, нахрен, позор.* Мне кажется лучше подождать некоторое время, прежде чем говорить с ним.

— Вы очень зажаты, — говорит массажист с сильным французским акцентом в то время, как он разминает мне мышцы между лопатками.

— Да, есть такое. У нас был долгий перелет и весьма напряженное утро, — объясняю я, прежде чем замолчать.

Так как я пытаюсь расслабиться, то решаю избегать завязывать разговор с незнакомцем.

Несмотря на то, что из моего рта не вылетает ни звука, мои мысли продолжают безостановочно проноситься в моей голове. Папа прав в одном, это убьет маму. Моя старшая сестра, Дарла, в свою очередь, надрала бы ему задницу. Может быть, я должна рассказать ей о его проступке. Я чувствую, как мои щеки упираются в массажный стол, в то время как улыбка расплывается на моем лице. *Она захочет вывернуть его на изнанку.*

Глава 2

Трей

Через полтора часа массажа, я больше ни минуты не могу лежать на столе. Столько вопросов и мыслей крутятся у меня в голове. Я знаю, что мама уже проснулась и сейчас пьет первую чашку кофе, так что она будет легкой добычей. Мне необходимо знать, когда отец узнал о романе, и повлекло ли это за собой, что он пропустил наш день рождения. Хотя с тех пор прошло почти два десятилетия, но этот день до сих пор преследует меня.

Я посылаю Мэнди сообщение, чтобы она наслаждалась по полной, и что мы встретимся с ней в номере, когда она закончит. Несмотря на то, что сейчас только два часа дня, проходя мимо бара, мои глаза быстро обнаруживает на самом верху бутылку коньяка «Camus Cuvee». Папа научил меня всегда оценивать бутылки, установленные в самом верху витрины.

Убедившись в том, что я прошу «5.150 Vintage», бармен внимательно вглядывается в меня, когда я ее спрашиваю, могу ли я купить всю бутылку.

— 300 евро за рюмку, — сообщает она мне с широко открытыми глазами.

— Нормально, — отвечаю я спокойно, вручая ей свою черную карточку. — Мне так же еще понадобится парочка бокалов.

— Я упакую вам все в оригинальную подарочную упаковку и доставлю в номер. Бутылка поставляется с двумя бокалами для дегустации. Я также прослежу затем, чтобы вам доставили ведерко со льдом, — предлагает она. — Могу ли я узнать, где вы остановились?

— Конечно. В пентхаусе.

— О! Прошу прощения, мистер Эддисон. Я должна была узнать вас, — извиняется она, посмотрев на имя, написанное на моей кредитной карте.

— Нет проблем, — отмахиваюсь я. — Я прошу вас, если вы нальете мне стакан сейчас и отправите остальную часть бутылки в номер.

— Да, сэр, — отвечает она с вежливой улыбкой.

~~~~~

Глядя на морскую гладь, я позвякиваю кубиками льда в почти пустом стакане. Я набираю номер мамы на телефоне, хотя не знаю, стоит это делать или нет, она все-таки заслуживает первое место в моем списке предпочтений.

— Доброе утро, Трей. Как Монако? — она отвечает необычно веселым голосом.

— Ну, Монако — это, как и всегда, здорово, но я не очень хорошо себя чувствую, — признаюсь я.

— Я знаю. Я проснулась сегодня утром от сообщения, посланного мне Рэем, — говорит она доверительно приглушенным тоном. — Он сказал, что сообщил тебе о нашем маленьком ошибочном решении.

— Ошибочном решении? — я чуть не подавился кубиком льда. — У вас был длительный роман, а ты относишься к нему, как к маленькой ошибке?

Молчание на другом конце провода говорит мне, что моя резкость застала ее врасплох.

— Это закончилось почти двадцать лет назад, — отвечает она, возвращаясь к подготовленному заявлению. — Твой отец и я разобрались с этим. Мы сходили к психологу, как казалось в тот момент, мы пришли к согласию.

— Он узнал незадолго до нашего восьмого дня рождения, не так ли? — давлю я на нее.

— Полагаю, что примерно тогда,...а почему? — спрашивает она, явно не помня тот день также хорошо, как я.

— Потому что он полностью сорвал наш день рождения в этом году. Он даже не позвонил.

Я вдруг чувствую себя немного глупо от того, что заикнулся на событии, которое было давным-давно в прошлом.

— Дело в том, ... что в тот день все изменилось.

— Я знаю, — отвечает она немного сдавленно. — Я хотела провести тест на отцовство,

чтобы доказать ему, что вы его дети, но он отказался. Он всегда говорил, что не хочет рисковать из-за того, что может выясниться, что он не твой отец, — она замолкает на мгновение, прежде чем добавить, — я знаю его это грызло.

— Я всегда удивлялся, почему вы разошлись так быстро после того, как Тайлер и я закончили обучение, — говорю я, рассуждая вслух. — Я всегда считал, что это была ошибка отца, что он возжелал более молодую женщину.

— Нет. С течением времени мы оба пришли к осознанию того, что он никогда не сможет простить меня. Он просто не смог этого преодолеть. Я думаю, что вы были постоянным напоминанием ему о моей неверности, — всхлипывает она. — Как жаль, что я не провела тестирование за его спиной.

— Все, наверное, сложилось бы немного лучше между нами, если бы он на самом деле знал, что я его сын.

В моей голове сразу же начинает всплывать множество горьких моментов из прошлого. Я слышу, как дверь в наш номер открывается, и предполагаю, что это Мэнди вернулась из спа-салона.

— Я должен идти, мама. Мне просто грустно от того, что я столько лет считал, что папа был мудаком. Это не справедливо по отношению к нему, а сейчас у меня нет возможности сказать ему, что я сожалею.

— Я знаю, — шепчет мама сквозь слезы. — Прости Трей.

— Я в этом уверен, мама. Хорошего тебе дня.

Словесное избиение мамы не заставляет меня чувствовать себя лучше, но я хочу, чтобы она знала, как я сожалею.

После того, как положил трубку, я вхожу в комнату и вижу, что посетитель, по-видимому, является представителем из обслуживания номеров. Он оставил бутылку шампанского, комплимент от отеля, и тарелку свежей клубники, рядом с ведерком со льдом для меня и упакованную бутылку коньяка. Я беру хрустальный графин из блестящего черного стального футляра, наполняю стакан, добавив несколько кубиков льда, прежде чем снова выйти на террасу. Еще слишком рано, чтобы приниматься за второй стакан чего-то крепкого, но мне это необходимо, чтобы заглушить все эти чувства. Я бросаю свой взор на широкую водную гладь, расстилающуюся передо мной, и медленно потягиваю этот невероятный нектар богов. Уверен, что со временем все образуется. Я искренне сожалею, отец.

Мэнди

Чувствуя себя немного лучше после двух часов ухода за телом, я нажимаю кнопку лифта, и мысли, с которыми я встала сегодня утром, снова начинают крутиться в моем сознании. Даже если мы никак не связаны с Треем, это не меняет того факта, что мой отец тот, кто вызвал все проблемы между двумя нашими семьями. Я, на самом деле, должна уважать Виктора за то, что он никогда и никому не рассказывал об измене. Он мог бы сообщить это нам всем, и тем самым полностью разрушить жизнь отца.

Самая трудная задача для меня, чтобы рационально объяснить самой себе, что все, над чем я работала, похоже, были напрасным. Неожиданно для меня папа стал не тем человеком, которого я любила и уважала всю свою жизнь. Я всегда гордилась тем, что я его дочь, и мы с ним так похожи. Так я думала, по крайней мере. Мне действительно нужно поговорить с мамой.

Я не собираюсь обременять ее информацией об изменах отца, но мне просто нужно провести немного времени с ней. В глубине души я полностью осознаю тот факт, что она умирает. Больно видеть ее сейчас в таком состоянии калеки. В последние месяцы стало все труднее разговаривать с ней по телефону, что привело к более коротким и менее частым разговорам. Мне нужно отправиться домой и провести некоторое время с ней, пока не стало слишком поздно.

Войдя в номер, я замечаю свежую клубнику и початая бутылку «Dom Perignon» на льду. Я определенно готова вкусить их обоих. Я беру и надкусываю одну из сочных ягод, наливая себе шампанское, и яркий вкус взрывается на моем языке. Ничего себе, это прекрасно. Наклоняя стакан к губам, я вспоминаю дискуссии между Лив и Сашей о том, какое же шампанское лучше. Держу пари, что ни одна из них не смогла бы точно определить, какое из них какое, не глядя на этикетку. Я знаю, даже уверена, что не смогла бы.

— Ты расслабилась? — спрашивает Трей, поворачиваясь в кресле, чтобы приветствовать меня, когда я выхожу на террасу.

— Не очень, но, возможно, пару стаканов этого помогут мне.

— Пей, детка, я уже на парочку стаканов впереди тебя.

Он откидывается на спинку кресла и ставит пустой стакан.

— Хочешь еще? — спрашиваю я прежде, чем опуститься на сиденье.

— Лучше немного подожду. Мне не нравится быть пьяным прямо с утра во вторник, — он усмехается. — Хотя, если таковое и бывало, это, вероятно, можно было бы квалифицировать.

— Тогда я догоняю тебя.

Я поднимаю свой бокал, киваю ему, прежде чем выпить залпом.

— Дай мне стакан, я нам еще налью, — бормочу я.

С другой стороны, немного подумав, я решила, что принесу всю бутылку, ведро со льдом и клубнику на террасу, эффективно устраняя любое препятствие для того, чтобы полностью опьянеть. Ведь солнце и двадцать четыре градуса с редким освежающим бризом — идеальная погода для того, чтобы напиться. Если бы мы оба не были в таком нервном эмоциональном состоянии, то это был бы прекрасный день для плавания на лодке.

— Может быть, мы должны напиться и побездельничать, — говорит Трей после того, как прикончил еще один стакан. — Это может оказаться нашим последним шансом, в зависимости от того, какие результаты придут.

— Если выяснится, что я твоя сводная сестра, наш последний половой акт вместе со всем остальным должен быть выжжен из моей памяти. Я не знаю, сколько мне потребуется времени на терапию. Я закрываю глаза и качаю головой.

— Может быть, именно поэтому наш поцелуй почувствуется настолько волшебным, — шутит Трей, бросая на меня косой взгляд.

— Потому что я запретный плод? — отвечаю я с отвращением. — Ты ведешь себя, как больной убудок.

— Мне очень жаль. Я просто пытаюсь справиться единственным доступным мне способом, — он смеется, делая еще один глоток.

— Может быть, азартные игры помогут отвлечься нам от проблем, — предлагаю я. — Я всегда хотела научиться играть в кости и баккара (*прим. пер.: Карточная игра, в которой игроки стремятся набрать как можно больше очков, используя две или три карты.*)

— Хорошая идея. Я быстро приму душ и надену один из моих костюмов Джеймса

Бонда, а ты отправляешься выбирать самое горячее платье в шкафу. В Монте-Карло важно произвести первое впечатление.

Он гладит мою руку и поднимается с кресла, быстро допивая до конца свой напиток.

— Уф! Нет ничего лучше, чем четыре стакана коньяка восьмидесятилетней выдержки, чтобы успокоить нервы.

— Тебе лучше немного «притормозить». Я не хочу потом выступать в роли няньки для моего старшего брата.

Я бегло бросаю на него взгляд, когда он проходит мимо меня и посмеивается над этим.

Трей

Кто сказал, что алкоголь не лечит, просто не знает, что надо пить. Я чувствую себя намного лучше, чем несколько часов назад. Стоя в душе под водой, льющейся на мою голову, мои мысли возвращаются к Мэнди. Часть меня надеется, что сейчас дверь откроется в любой момент, и она появится так же, как сделала это в ту ночь в Нью-Йорке. Я смеюсь про себя, зная, что мои мысли совершенно бредовые. Она ясно дала понять, что в настоящий момент к ней даже не стоит соваться.

Вот в чем разница между парнями и большинством женщин; у нас, как правило, производится гораздо больше гормонов и, возможно, немного иррациональных. Я говорю о большинстве женщин, потому что я встречал немало и таких, кто был готов трахаться за пригоршню Бенов Франклинов (*при. пер.: Речь идет о 100\$ купюрах*). Я действительно не хочу возвращаться к таким свиданиям. Если дела с Мэнди пойдут не тем путем, то я думаю, просто объявлю целибат.

Я погружаю лицо в пар от холодной воды в попытке очистить свои мысли. *Уффф, я думаю, что Мэнди права. Я, должно быть, пьян.*

Почему кто-то действительно выбирает целибат. Это выше моего понимания. Может быть, я проведу пару недель в особняке Плейбоя вместо этого. *Мне это нравится.* Я смеюсь и смываю кондиционер с волос. Может быть, мне стоит взять Тайлера с собой. Ему нужно расслабиться, прежде чем у него случится психическое расстройство.

Обернув полотенце вокруг бедер, я возвращаюсь в спальню.

— Ты не можешь разгуливать в таком виде передо мной, — ругается Мэнди.

— О, мне очень жаль. Могу ли я подразнить или сделать что-нибудь в этом роде?

Я отпускаю полотенце, позволяя ему упасть на пол.

— Я обещаю, что не позволю этому случиться снова.

— Хорошо, я переоденусь в другой комнате.

Она бросает на меня взгляд, прежде чем собрать свою косметику и средства для волос.

Мы уже видели друг друга голыми. В чем проблема?

Я достаю черный костюм от Джорджио Армани, белую рубашку, черный галстук и пару золотых запонок. Мне никогда не везло в азартные игры, но, по крайней мере, я буду хорошо выглядеть. Я надеваю свои блестящие черные туфли, чтобы завершить образ. Я смотрюсь в зеркало, чтобы расчесаться и прыснуть свой «Без траха не обойтись», хотя, это волшебство, вероятнее всего, не будет работать этим вечером.

— Так хорошо? — спрашиваю я Мэнди, открывая дверь в другую спальню.

— Ого, ты выглядишь потрясающе, — она сияет — Если бы я была точно уверена, что ты не мой брат, я могла бы просто сорвать с тебя одежду.

— Еще один стакан шампанского и задумайся об этом.

Я подхожу к ней, скользя руками по ее талии.

— Ты знаешь, что делаешь со мной, нося высокие каблуки и надевая маленькое черное платье.

— Знаю, — ухмыляется она. — Играть в дразнилки могут двое, — говорит она, отворачиваясь от меня и направляясь к двери.

Мэнди

После двух минут езды на лимузине мимо «Hotel de Paris», мы прибываем в казино «Casino de Monte Carlo». Я определенно считаю, что мы могли бы отправиться сюда после того, как протрезвели бы немного больше. Судя по количеству экзотических спортивных автомобилей, припаркованных напротив казино Монте-Карло — это, безусловно, то место, в котором надо быть сегодня вечером. Трей смещается со своего сиденья, очевидно, интересуясь тем, какие магнаты и светские львицы будут присутствовать сегодня среди толпы внутри. Бывают моменты, когда он очень спокоен и уверен в себе, но иногда кажется, что он испытывает дискомфорт от ожиданий, сопровождающих очень богатых людей. Хотя внутри меня до сих пор присутствует чувство тошноты, но я решаю все же немного повеселиться.

— Сегодня вечером все забито, — Трей при входе в казино сканирует переполненный зал. — Надеюсь, нам не придется ждать столик.

— У нас впереди вся ночь, — уверяю я его. — Если мы не получим его сразу, ничего страшного.

— Я не люблю ждать, — говорит он, ведя меня к кассиру.

— Мы здесь, чтобы поиграть в баккара, — говорит он человеку, который смотрит на него пустым взглядом. — Я Трей Эддисон, старшенький Виктора.

Он поворачивается и подмигивает мне.

— О, мне очень жаль. Сию минуту, сэр, — отвечает тот после нескольких нажатий клавиш на своем компьютере. — Хотели бы вы стандартную линию?

— Нет. Мне нужен только один миллион, спасибо, — отвечает Трей. — Отец всегда начинал с пяти миллионов евро, но я не очень хороший игрок, — поясняет он, пока кассир вручает ему блок из ста десятитысячных долларовых фишек. — Думаю, наша минимальная ставка составит десять тысяч, — говорит он с ухмылкой, пока мы пробираемся к одной из комнат для крупных игроков.

— Я понятия не имею, как играть, поэтому просто буду наблюдать за твоей игрой.

Я жду, пока он займет свое место за главным столом.

— Ты хочешь меня потерять? — он дотягивается до меня и притягивает к себе. — Я сказал тебе, что я — ужасный игрок. Хочу проверить, хорошо ли нам вместе.

— Но что я буду делать? — спрашиваю я, находясь в полной растерянности.

— Твоя задача — решить: сделать ставку на игрока или банкира, а я потом сделаю ставку, — отвечает он, и из его уст это звучит так, словно это простая задача.

— Как я могу выбрать, кто из них выиграет, когда я даже не знаю, как играть? — спрашиваю я, все еще немного ошеломленная пониманием задания. — Ты все еще пьян?

— Возможно, немного гудит голова, но все, что мы должны делать, это ставить на того, кто будет ближе к девятке. Лучшие шансы у того, кто делает ставку на банкира, но игрок выигрывает в 49,3 % случаев, так что это почти пятьдесят на пятьдесят. На кого я должен

поставить?

— Понятия не имею... на банкира? — озвучиваю я свой случайный выбор.

— Десять тысяч на банкира, — заявляет Трей, кивая мне в знак одобрения.

— Крупье открывает четыре карты.

— Банкир девять. Вы выиграли, — говорит она с улыбкой.

— Мы выиграли?

Боже мой, я только что выиграла десять тысяч долларов!

— Мы можем уйти?

Трей смеется и протягивает мне фишку, которую я выиграла.

— Брось ее в свою сумочку. Я хочу, чтобы ты сохранила ее как талисман.

Я запикиваю фишку в сумку и застегиваю ее. *Это так чертовски круто.*

— Сто тысяч на игрока, — кричит знакомый голос.

Мы оба оглядываемся назад, чтобы увидеть, как Томми и Лив подходят к столу.

Серьезно?

Трей

Мы пролетели полмира, чтобы избежать драмы в городе, а в течение нескольких часов драма пришла к нам сюда сама. Меня просто передергивает, пока Томми неспешно идет к столу и бросает десять фишек на сукно.

— Сто штук на игрока, — повторяет он, прищуриваясь, глядя на меня.

Он и Лив одеты в кожаные куртки, которые кажутся немного неуместными в Монте-Карло. Лив крепко прижимается к нему настолько, насколько это возможно, вцепившись в его левую руку, и сурово смотрит на меня. *Рад за тебя, Лив.*

— Сто тысяч на банкира, — произносит Мэнди высоким голосом, делая ставку в противовес им.

— Ты выбираешь победителя, а я делаю ставку, — напоминаю я ей. — Двести пятьдесят на банкира.

Я тяжело сплываю, но не из-за размера ставки, а из-за того, что очень хочу надрать задницу Томми.

Крупье слегка улыбается и начинает вскрывать карты.

— У игрока — три, банкир — пять.

Она выдает по две дополнительные карты.

— Игрок — шесть, — говорит она после вскрытия первой карты.

Томми на мгновение бьет меня взглядом, так что я делаю глубокий вдох и жду вскрытия последней карты.

— У банкира — семь. Банкир выиграл.

Крупье забирает фишки Томми со стола и размещает пять стопок рядом с моей ставкой.

— Мы только что выиграл 250 000 долларов! — кричит Мэнди в сторону Томми и Лив.

— Она никогда не играла раньше, — хмыкаю я и закатываю глаза на Томми, хотя в тот момент я был, наверное, более взволнован, чем она.

— Ну, у нее, должно быть, природный талант.

Он вздыхает, прежде чем разместить свою следующую ставку.

— Пятьсот на игрока.

— Банкир, банкир! — Мэнди подпрыгивает вверх и вниз, дергая меня за руку.

— Один миллион и двести пятьдесят на банкира, — говорю я крупье, выкладывая все

фишки на сукно.

К этому времени все остальные перестали делать ставки и столпились вокруг нас в ожидании, чтобы посмотреть, как события будут разыгрываться между Томми и мной. Крупье посылает мне обеспокоенный взгляд и начинает переворачивать карты.

— У игрока — семь, — говорит она, прежде чем раскрыть карты банкира.

Семь трудно превзойти, но сегодня карты ложатся в нашу пользу.

— А банкир получает девять.

Она тянется за фишками Томми и начинает отсчитывать один миллион двести пятьдесят тысяч фишек для нас.

Излишне говорить, что Мэнди не знает, куда себя деть, и танцует, как будто она только что выиграла в лотерею.

— Мы выиграли три раза подряд! Я не могу поверить в это! Три раза подряд!

— Один миллион сто тысяч на банкира, — говорит Томми, поставив свои оставшиеся фишки на сукно. Он смотрит на нас, ожидая ставку от нас.

— Обойдусь, — говорю я ему. — Это первый раз, когда я выиграл в азартные игры, поэтому я ухожу.

На самом деле, это первый раз, когда я сделал полтора миллиона долларов. Я все еще пытаюсь вернуть все деньги, которые папа оставил мне. По крайней мере, я получил некоторые дорогостоящие уроки в результате своих потерь.

— Ты трусишка, — смеется Томми, пока крупье начинает переворачивать карты.

— Игрок получает — восемь, — говорит она с улыбкой, забирая у Томми остальную часть его фишек.

— Давай, Томми, я куплю тебе все, что захочешь, — предлагаю я, чувствуя себя в данный момент чрезвычайно щедрым. Томми не из тех, кто привык проигрывать, поэтому на его лице появляется довольно ошеломленный взгляд. Даже под давлением, он по-прежнему выглядит чертовски круто.

— Мы хотим, чтобы бутылку «Туза»! — выпаливает Лив прежде, чем у Томми появляется шанс восстановиться.

— Я куплю тебе бутылку, если ты сможешь сказать мне настоящее его название, — дразню я ее.

— «Арман де Бриньяк», — отвечает Томми насмешливо после того, как замечает смущенное выражение на лице Лив.

— Хорошо, намечается одна бутылку «Туза». Вы хотите большую? — спрашиваю я, намекая на тридцатилитровую бутылку, что стоит пару сотен тысяч.

— Нормального размера бутылки будет достаточно, — отвечает он ехидно. — Ты думаешь, что очень умный, раз побил меня три раза подряд.

— На самом деле, я достаточно умен, чтобы понимать, что это было чистое везение. Единственное преимущество, которое можно получить за счет заведения. Я вернусь с шампанским.

— Тогда нам с тобой нужно поговорить, Трей.

Он опускает голову и поднимает бровь.

Отлично, это должно быть интересно.

По дороге в бар у меня звонит телефон, я смотрю на него и вижу, что это Тайлер. Я спорю сам с собой несколько секунд и нажимаю кнопку, чтобы перенаправить его на голосовую почту. В течение двух минут он набирает меня снова и снова. Я перезвоню ему,

когда мы покинем казино.

Глава 3

Мэнди

Как только Трей заказал шампанское, Лив, не теряя времени, потянула меня в сторону. Я приготовилась выслушивать ее печально известные тирады, глядя на ее напряженное лицо. Вместо этого она вознамерилась преподнести мне на блюдечки то, что Томми собирается сказать Трею.

— Томми будет новым генеральным директором «Эддисон Медиа», — шепчет она слишком громко.

— Это уже решено?

Я немного шокирована тем, как быстро было принято это решение.

— Да. Сегодня утром он встретился с советом директоров, и с понедельника начинает работу, — она вся светилась. — Они дали ему миллиардную долю в капитале.

— Ух ты, миллиард? Это очень много, — я ухмыляюсь и не обращаю внимания на ее комментарий. — Вы теперь вместе?

— Ах да, мы без ума друг от друга.

Она распрямляет спину и задирает нос настолько, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

— Он намного более успешен, чем Трей когда-либо сможет быть.

— Честно говоря, не думаю, что Трея это сильно волнует, — отвечаю я, желая прекратить этот разговор.

— За исключением того факта, что Томми будет контролировать все его акции, — усмехается она.

— Получается, что генеральный директор контролирует все акции в доверительном управлении? — предполагаю я.

— Да, Трей и Тайлер не будут иметь права голоса в ближайшие пять лет, — хихикает она с детским восторгом.

— Ну, в конечном счете, они будут контролировать компанию. До тех пор интересы Томми согласуются с ними. Они все получают прибыль от компании, если дела пойдут успешно, особенно, если у него есть многомиллиардный опцион, — говорю я ей прямо.

Глаза Лив сразу тускнеют из-за разумности моих комментариев.

— Смотрите-ка, это бутылка «Туза».

Она проходит мимо меня и держит путь прямо к бутылке золотого цвета, словно мотылек полетел на свет огонька. Я стою в сторонке и наблюдаю за тем, как она общается с Треем и Томми. Ее, похоже, ничего не волнует, кроме того, как бы побыстрее получить первый полный бокал, налитый из бутылки. *Боже мой... Она точно золотоискательница.* Я не испытываю больше жалости по отношению к ней, глядя на то, как она ластится к Томми, явно стараясь вызвать раздражение у Трея.

Трей

После того, как девочки устроились за столом, Томми и я попросили у них прощения и направились к выходу из казино. Выйдя из зоны слышимости, он начинает объяснять мне детали, которые он выработал с советом директоров. В принципе, если он способен вывести

«Эддисон Медиа» на следующий уровень в течение следующих пяти лет, то он заработает столько же денег, сколько будет у меня или Тайлера. А сейчас он стоит передо мной, ожидая от меня какого-то ответного удара, или, по крайней мере, расправы.

— Это имеет смысл, — отвечаю я, видя его явную растерянность. — Если ты увеличишь стоимость компании, то ты заслуживаешь получить от нее прибыль.

— Тебя не волнует, что Виктор оставил мне в управление твои акции, а?

Он приготовился к бою, стоя прямо передо мной, подбоченившись.

— Это условие было внесено в завещание отца, когда мы были еще подростками, так что он это точно сделал не из-за тебя. Уверен, ты сделаешь все, что будет в интересах компании и ее акционеров.

Краем глаза я замечаю красивую молодую женщину, приближающуюся к нам по тротуару. Только из вежливости я поворачиваюсь и улыбаюсь ей.

— Твой отец был прав! Тебя ни хрена ничего не интересует! — рывкает Томми, пугая тем самым женщину, проходящую мимо нас.

— Меня волнуют многие вещи, но «Эддисон Медиа» не одна из них, — уточняю я. — Отец, очевидно, выбрал тебя, потому что считал, что ты более правильная кандидатура для управления компанией. Кто я такой, чтобы критиковать его?

Я пожал плечами.

— Сначала он выбрал тебя, — его взгляд пересекается с моим. — Ты знаешь это, не так ли?

— Да, я в курсе, но не думаю, что моя кандидатура была бы правильным решением, — признаюсь я.

— Он знал, что ты не был готов. Он хотел предоставить тебе достаточно времени, чтобы ты поработал на себя, — Томми цитирует отца, словно я не был участником этого разговора.

— Если бы я знал то, что знаю сейчас, то сделал бы другой выбор, — признаюсь я. — В то время я не испытывал желания работать с ним.

Я чувствую внезапную боль в глубине груди, закрываю глаза и делаю шаг назад.

— Что изменилось? Только то, что он умер? — Томми бесчувственно шутит. — Он все упростил для тебя, что ты решил поладить с ним сейчас?

— У меня нет проблем с тем, что ты наш директор или имеешь право голоса по моим акциям, но не смей снова говорить о моих отношениях с отцом, — я делаю шаг вперед и тыкаю пальцем ему в грудь. — Это не твое дело!

— Ладно, я забыл, — отступает он, потирая грудь. — Просто твой отец всегда отзывался о тебе очень хорошо. Ты был его наследником... его золотым ребенком. Думаю, он был слегка не в себе.

— Я сказал тебе прекратить, — рычу я, пытаюсь сдержать нахлынувшие на меня эмоции. — День был тяжелым, просто отпусти это, Томми.

— Понимаю, что некоторые вещи прямо сейчас кажутся слишком запутанными, — отвечает он немного мягче. — Статья в сегодняшнем номере «Таймс», конечно же, не способствует этому. Думаю, именно поэтому совет директоров был настолько готов объявить о том, что они закрыли позицию генерального директора, — добавляет он, видимо, полагая, что я знаю об этом.

— Что за статья?

— Серьезно? Не может быть, чтобы ты был так оторван от жизни! — он смеется и качает головой.

— Эй, я немного отстал с плохими новостями с того момента, как сошел сегодня утром с самолета и не видел ничего с тех пор.

— Извини, что именно я оказался тем человеком, который принес тебе плохие новости, но ФБР провело процедуру распознавания лиц по базе данных, чтобы определить человека, который покинул твой самолет с портфелем полным денег. Они уверены, что это дает им достаточно веские основания выдвинуть обвинения против тебя.

Блеск в его глазах говорит о том, что он думает по этому поводу.

— Обвинение в чем? В убийстве? — я задыхаюсь.

— Ну, оказалось, что парень — известный киллер мафии. Дважды два — простая арифметика, — говорит он, отведя руку в сторону.

— Как зовут этого парня? — спрашиваю я, не понимая, как такое могло произойти.

— Не помню его имени, но они сидели у него на хвосте какое-то время. Они полагают, что он был ответственен за более чем десяток заказных убийств в последнее десятилетие, но они никогда не могли зацепиться.

— Я понятия не имел, — объясняю я.

Может быть, поэтому Тайлер и звонил, а я не прослушал его сообщения.

— Кстати, парень, которому я заплатил, мой старый приятель по колледжу. Я выкупил у него несколько ценных документов, так что он далек от того, чтобы быть наемным убийцей!

— Знаю. Ты передал их Юргену в тот день, когда встречался с ним в Женеве, — говорит он так, что, по правде сказать, это меня полностью ошарашивает.

— Это что, Лив тебе рассказала? — спрашиваю я, мгновенно понимая, кто является источником утечки.

— Он вспомнила, что человека звали Юрген, и что ты являешься крупным инвестором в биотехнологической компании. Я планировал накопить немного больше, чтобы понять, смогу ли я теперь сложить недостающие части головоломки.

На его лице появляется широкая улыбка, и глаза говорят мне, что он надеется получить дополнительные рычаги воздействия на меня.

— Ты же знаешь о том сложном пункте в завещании твоего отца, не так ли?

— Это было отмечено в ходе моей встречи с адвокатами, — вспоминаю я, поморщившись.

— Я знаю, что ты не убивал Виктора, но для того, чтобы очистить свое имя, тебе, скорее всего, придется объяснить, почему ты передал этот портфель с деньгами своему приятелю, и кто он такой. Как только это попадает в прессу, у Комиссии по ценным бумагам и биржам не займет много времени сложить все в единую картину. Где же твой друг работает? — он самодовольно смотрит на меня. — Если это было мошенничество, то твои акции останутся в доверительном управлении навсегда.

— Ладно, теперь я понял. Мне было интересно, какого черта ты делаешь с Лив. Я знал, что должен же был быть какой-то интерес.

Блин, черт, твою мать.

Томми смеется над моим отчаянием.

— Возможно, она не самая умная, но была так зла на тебя, что готова поделиться всем, что знала. Веришь или нет, мне, на самом деле, с ней весело.

— Уверен, что так, — бормочу я, прекрасно зная, какое удовольствие он испытывает с ней. — Даже если так, я рад, что отец выбрал тебя в качестве генерального директора. Думаю, ты хорошо выполнишь работу, — отвечаю я, понимая, что должен вести себя

хорошо, пока не соображу, как распутать этот запутанный беспорядок.

— Мы с тобой прекрасно уживемся, Трей, — смеется он и хлопает меня по спине, и мы направляемся назад в казино.

— Так вы, ребята, летели сюда, чтобы сбросить еще несколько бомб на меня? — спрашиваю я, до сих пор удивляясь тому, что они разыскали меня.

— Нет. Я прилетел сюда, чтобы забрать корпоративный самолет. Лив сказала, что ты отдал ей свою карточку NetJet, поэтому я здесь. Он вытаскивает карточку из кармана куртки и протягивает ее мне.

— Я поменяюсь с тобой.

— Прекрасно. Я просто взял самолет отца, потому что не летал на G650 раньше, — объясняю я.

— Я понял, но он был куплен «Эддисон Медиа», а не Виктором лично, — информирует он меня.

— Достаточно сказал. Я верну этот убогий домой.

Я запикиваю карточку в бумажник.

— Самолет g550 точно не убогий. Кроме того, если тебе удастся спасти свою задницу от тюрьмы, ты скоро сможешь позволить себе все, что угодно.

Я иду в казино, не отвечая на комментарий Томми. Тюрьма будет моим худшим кошмаром. Кадры из фильма «Освобождение» (*прим. пер. В российском прокате фильм демонстрировался под названием «Избавление»*). Я слишком красив для тюрьмы. Я смеюсь и съезживаюсь. Не похоже, чтобы я хотел оказаться в настоящей тюрьме. В худшем случае, я бы мог, вероятно, провести несколько месяцев в тюрьме для «белых воротничков». Я качаю головой в попытке думать о чем-то более позитивным.

Мэнди

Когда Трей и Томми вернулись за стол, Лив болтала с ними без умолку в течение двадцати минут. Я узнала многое про ребят, которые, наверняка, подпадают под категорию СМИ (*слишком много информации*). Я до сих пор пребываю на седьмом небе от счастья от нашего выигрыша, но Трей сейчас больше походит на человека, который только что выдержал шторм. Томи же кажется более самоуверенным, чем когда-либо, обнимая Лив, подмигивая нам обоим и посылая провокационные улыбки.

— Девочки, вы готовы идти? — спрашивает он, зевая. — Это место мне наскучило до чертиков.

— Ты даже не попытаешься вернуть свои деньги? — спрашиваю я, стараясь его поддеть.

— Это всего лишь деньги, Мэнди. Кого это волнует? — он подмигивает и хватается Лив за руку.

— Подожди! Там еще шампанское! — визжит она, потянувшись рукой за бутылкой. — Подожди секунду.

— Я закажу бутылку в номер или туда, куда мы направимся отсюда. Забирай бутылку и пойдем, — отвечает он, пока она хватается бутылку и подносит ее к губам.

— Боже, как печально, — Трей качает головой, глядя на Лив, которая пытается допить бутылку, не дойдя до двери. — Ей везет, что она хорошо выглядит.

— Лив говорит, что она и Томми без ума друг от друга.

Я поднимаю бровь и посылаю ему дьявольскую усмешку.

— Посмотрим, как долго это продлится, — говорит он со вздохом. — Томми использует

ее против меня. Он знает о Юргене, и то, что я передал эти документы ему в Женеве.

— Лив была в отключке большую часть полета. Она не могла узнать слишком многое.

— Она знала достаточно, чтобы навести его на правильные мысли, — говорит он с отрешенным видом. — Он считает, я должен признаться в корпоративном шпионаже, чтобы избежать обвинения в убийстве своего отца.

— Серьезно? Как они могли обвинить тебе в убийстве?

Тот, кто знает Трея никогда бы не посмел обвинить его в столь гнусном преступлении.

— Похоже, что Джейк очень похож на наемного убийцу мафии или что-то в этом роде, — Трей смотрит на пустой стакан и начинает водить пальцем по краю. — Может ли моя жизнь стать еще хреннее?

— Никогда не задавай этот вопрос.... потому что ответ будет всегда — «да».

Я выдавливаю из себя улыбку, но он настолько подавлен, что даже не реагирует. Я тянусь и начинаю поглаживать его по спине.

— Если меня признают виновным в совершении преступления, то мои акции навсегда останутся в доверительном управлении, — отвечает он, даже не поднимая голову.

— Ого! — я прикладываю свою ладонь к его подбородку и поднимаю его голову. — Довольно большой стимул для нас двоих, чтобы вместе все обмозговать и придумать чертовски хорошее решение.

— Я считаю, что ты не моя сестра, — говорит он, слегка усмехаясь.

— Знаю. Мы просто должны дождаться официальных результатов, — отвечаю я, полностью соглашаясь с ним. — Нет никаких других вариантов, чтобы взорвать мой мозг, кроме того, что мы могли бы оказаться кровными родственниками. Другого способа просто не существует.

Широкая улыбка расплзается по лицу Трея.

— Мы будет точно знать об этом завтра к полудню, — говорит он, глядя на часы. — Боже, последние двенадцать часов покажутся вечностью.

— Согласна. Давай уйдем отсюда и немного поспим.

Трей обхватывает меня сзади и кладет свою руку на мою поясницу, пока мы идем к выходу. Пожалуйста, Боже; сделай так, чтобы тест оказался отрицательным. Нет никакого способа, которым я смогу исправить все, что мы сделали, если вдруг окажется, что мы брат и сестра. Не говоря уже о том, что я потеряю единственного любовника, с которым у меня сложились настоящие отношения. Это больше, чем связь... для меня — это умопомрачение, заполненное страстью, похоть подпитываемая одержимостью. Я могу отказаться от его прикосновения еще на четырнадцать часов, но никак не смогу справляться с этим всю жизнь.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, глядя на меня с обеспокоенностью.

— Все хорошо. Я просто подумала о следующих четырнадцати часах, — говорю я ему с улыбкой.

— Он будет отрицательный, — уверяет он меня, когда мы выходим из казино.

— Ты будешь обналичивать наш выигрыш?

Я вдруг понимаю, что он не подошел к кассиру.

— Они переведут его на мой счет после того, как просмотрят запись. Они должны убедиться, что мы не жульничали или что-то наподобие этого.

— Как мы могли бы их обмануть? — спрашиваю я. — Эта игра — случайный выбор!

— Понятия не имею, — говорит он, качая головой. — Это первый раз, когда я выиграл в

азартные игры. Думаю, ты приносишь удачу!

— Я считаю, что мы приносим удачу друг другу.

Я хватаю его пиджак и наклоняюсь к нему. Надеюсь, это только начало. Думаю, мы могли бы противостоять миру вместе.

Глава 4

Трей

На выходе из казино нас ослепляют фары блестящего желтого «Ferrari», со скрежетом остановившегося прямо перед нами. Хотя я не вижу водителя или пассажира, но сразу понимаю, что это, должно быть, Томми и Лив. Когда мы пытаемся обойти машину, Лив протягивает пустую бутылку шампанского.

— Не будешь ли ты так добр и избавишься от этого для меня? — воркует она, улыбаясь мне тошнотворно снисходительной ухмылкой.

— Конечно! — отвечаю я с сарказмом. — Мы все здесь, чтобы услужить вам, Ваше величество.

— Следи за своими манерами, приятель, — Томми смотрит на меня с водительского сиденья. — Мы не можем найти место, куда это выбросить.

— Как я уже сказал, это не проблема. У вас двоих впереди прекрасный вечер.

Я поворачиваюсь с бутылкой в руке и возвращаюсь к входу в казино.

— Один из ваших посетителей не понимает, что это не на вынос, — говорю я швейцару, отдавая ему бутылку.

— Спасибо, сэр, — отвечает он, забирая ее у меня.

— Это нелегко, поэтому я догадываюсь, что они могли не понять этого.

Я подмигиваю Мэнди, и мы направляемся в сторону лимузина.

— Теперь, я полагаю, утром тебе будет необходимо взять «Ferrari», — комментирует она, после того как мы устраиваемся на заднем сиденье автомобиля.

— Черт, нет! — смеюсь я. — Эти двое могут ездить, притворяясь, что они круты. Завтра мы возьмем вертолет и полетим обратно в Ниццу на целый день. Мы пообедаем в «Jan», проведем день на воде и поужинаем в «Les Deux Canailles». Если тебе понравится, то я отвезу тебя в «Yam T'cha» в Париж на следующий вечер.

— Правда? — бормочет она. — Я бы очень хотела увидеть Париж.

— Да, интересно посмотреть, но мне нравятся люди в Ницце.

— Почему? Потому что они милые? — усмехается она.

— Смешная девчонка..., — я поглаживаю ее по спине. — Ницца была раньше итальянским городом, поэтому атмосфера там походит намного больше на Италию, чем на Францию.

— И судя по всему, это хорошо? — спрашивает она, очевидно, не имея опыта пересечения с любой из двух культур.

— Я позволю решить тебе это самой. Мы проведем завтрашний день в Ницце, четверг в Париже, а выходные в Монако. Затем ты скажешь мне, какую из культур ты предпочитаешь, — отвечаю я, прекрасно понимая, какая из них ей больше всего понравится. Париж полон напыщенных дураков, а Монако — это более богатая версия их. Пока мы подъезжаем к отелю, я думаю о том факте, что нас ждут 1200 квадратных метров на двоих. Наверное, я тоже слишком пафосен, хотя и борюсь с этим. Арендовать президентский люкс

на неделю столь же претенциозно, как и разъезжать в показном «Ferrari».

Мэнди

Я была настолько потрясена возможностью потенциального инцеста сегодня утром, что как следует не разглядела великолепное убранство этого отеля. Гуляя по фойе, где все было безупречно: от идеально отполированных гранитных полов до замысловато скроенной униформы работников отеля. Было похоже на то, словно кто-то создал маленький мир совершенства, чтобы помочь гостям забыть обо всех других недостатках в их жизни на некоторое время.

— Любопытно, сколько же людей нужно, чтобы содержать это место в таком виде? — размышляла я вслух в лифте.

— Уверен, что немало, — отвечает Трей, не задумываясь, его мысли гуляют где-то в другом месте. — Не могу поверить, что Томми и Лив здесь. Это в значительной степени обламывает весь кайф от веселья на этой неделе.

— Не позволяй им разрушить его. В любом случае, мы не встретимся с ними в ближайшие пару дней,

Я беру его за руку и слегка пожимаю ее в знак поддержки.

— Так и есть. Тебе действительно понравится Ницца.

Он наклоняется и целует меня в лоб.

— Было весело надрать задницу Томми в баккара, несмотря на то, что это продлилось всего несколько минут.

— Это было очень весело. Мы должны вернуться туда в эти выходные, — предлагаю я, все еще испытывая трепет от выигрыша миллиона с четвертью евро.

— Посмотрим. Они будут держать мою кредитную линию здесь до понедельника. Может быть, я позволю тебе сыграть в азартные игры с частью денег, — говорит он, улыбаясь мне своей сексуальной улыбкой, которая, как всегда, посылает мурашки по моему позвоночнику.

— Что-нибудь нужно? — спрашивает он после того, как мы входим в люкс. Трей останавливается и наливает себе полстакана коньяка.

— Боже, нет. Думаю, у меня небольшое похмелье от выпитого ранее..

— Да, у меня тоже голова болит. Ничего, немного опохмелиться не помешает.

Он улыбается и подносит стакан к губам.

— Думаю, что я просто выпью большой стакан воды и пойду немного посплю вместо этого.

Я наливаю себе газированную воду в стакан, прежде чем присоединиться к нему в спальне. Я не уверена в том, что мне следует делать и где спать, но мне очень хочется спать рядом с ним. На всякий случай, если это мой последний шанс, чтобы сделать это с чистой совестью.

Трей

Шлепаясь вниз на угол кровати, я смотрю на свой телефон. Я больше не могу откладывать прослушивание сообщений от Тайлера. Я вспоминаю о последнем сообщении, которое отец оставил мне. Мне так жаль, что я удалил его. Я нажимаю на последнее сообщение от Тайлера и начинаю слушать.

— Я знаю, что ты злишься на меня, но это полный пи*дец, — он произносит слова

нечленораздельно. — Сначала Ванесса, а теперь он забирает компанию. Я сказал отцу, что Томми — обманщик, — говорит он слабеющим голосом. — Он такой, твою мать, мошенник.

Следующий звук, который я слышу в трубке, как его телефон ударяется с глухим звуком об пол, и он испускает глухой стон, когда, видимо, сам падает на пол. Должно быть, он снова под кайфом. Глядя на время сообщения, я пытаюсь сосчитать, какое время было бы в Нью-Йорке. Черт побери, было только два часа дня. *Это плохо.* Мне было очень хреново к этому времени здесь тоже.

Я нажимаю на кнопку вызова, чтобы ответить на его призыв, но после нескольких звонков меня переключают на голосовую почту.

— Эй, дружище, к сожалению, я не смог ответить на твой звонок. Все будет хорошо, братан. Я вернусь через пару дней на следующей неделе, и мы со всем разберемся. И да, ты все еще должен мне извинения.

— Все хорошо? — спрашивает Мэнди, подходя ко мне сзади и кладя руки на мои плечи.

— Нет. У меня плохое предчувствие насчет Тайлера. Он был под кайфом в два часа дня. Мне показалось, что он упал, когда оставлял сообщение на голосовой почте. Я меня какое-то нехорошее предчувствие, — я обернулся, чтобы взглянуть на нее. — Мне необходимо позвонить.

— Сильвии или Ванессе? — спрашивает Мэнди, зная, что это два лучших варианта.

— Думаю, что начну с Ванессы.

Я набираю ее номер, надеясь, что она ответит.

— Где ты? — она сразу начинает хныкать в трубку.

— В Монако, — отвечаю я ошеломленный от того, что она не знала об этом.

— Монако? Ты едешь отдыхать в Монако, когда здесь такое происходит? — отвечает она явно раздраженная.

— Я и так чувствую себя так, словно оказался в буре дерьма, Ванесса! Мне пришлось уехать из города, чтобы очистить голову и разобраться, — объясняю я ей, защищаясь.

— Ну, мне бы не хотелось говорить тебе, но мы все вместе в этой гребаной куче дерьма. Единственное отличие состоит в том, что ты тот, кто убегает каждый раз, когда все становится немного напряженным. Ты умрешь в одиночестве, Трей, если не начнешь вести себя по-мужски и разбираться с проблемами. Ты знаешь, что у Тайлера возникли проблемы с его зависимостью.

— Знаю. Я говорил маме об этом.

Я закрываю глаза и запускаю пальцы в волосы.

— Сильвия пьет вино, словно воду, и снова начала курить. У нее живет шестидесяти четырехлетний мужчина, которого ей стыдно вывести в свет. Как думаешь, она сумеет правильно поговорить с Тайлером о его дерьме?

Она практически кричит в трубку, увеличивая интенсивность своей тирады.

— Ты права. Прости. Я заметил, что мама снова начала пить, но не предполагал, что так сильно.

Я гляжу на Мэнди, которая перешла на другую половину комнаты, чтобы дать мне некоторое пространство.

— Тебе необходимо вернуться сюда и разобраться со всем этим дерьмом, Трей. По крайней мере, очистить свое имя вместо того, чтобы позволять СМИ спекулировать на том, нанял ты киллера, чтобы убить отца, или нет — она замолкает, ожидая от меня ответа.

— Я вернусь в Нью-Йорк завтра вечером, — говорю я ей. — Я хотел посмотреть Гран-

При, но полагаю, дело до него так не дойдет.

— Гран-при, да, это чертовски важно, — говорит она с большой дозой сарказма. — Ты когда-нибудь думал о том, чтобы бороться за что-нибудь, Трей? — спрашивает она гораздо более спокойным тоном.

— Бороться? Не знаю. Зачем? — спрашиваю я, не понимая, куда она клонит.

— Иногда вместо того, чтобы сбегать, нужно бороться за то, что ты хочешь, или за то, что правильно. Я думала, ты заботился обо мне, но, когда Томми пригласил меня на свидание, ты просто повернулся и ушел прочь. Затем, когда Тайлер выразил заинтересованность во мне, ты переехал так далеко, как только смог, чтобы не покидать страны.

Она опять замолкает, оставляя звенящую тишину между нами.

— Ты права. Я думал, что поступаю правильно, давая тебе пространство, и я не хотел обидеть Тайлера, когда он болел, — объясняю я.

— Я всегда тебя любила, Трей. Я просто хотела увидеть, готов ли ты сражаться за меня, но каждый раз ты просто уходил.

Она тихо рыдает, пока тишина вновь заполняет воздух.

— Прости, Ванесса, ты знаешь, как сильно я забочусь о тебе. Я не понимаю, что ты делаешь. Я не хотел драться с Томми, и я, конечно, не хотел добавить проблем Тайлеру.

Я стараюсь осмыслить все то, о чем она говорит, но это разговор приводит меня в замешательство.

— Уходить, не сказав ни слова, было неправильно. Тайлер знает, что он выиграл по умолчанию, и из-за этого у него половина проблем с наркотиками. Вот и этот гребанный доктор говорит ему, что эти таблетки не вызывают привыкание. Я никогда не слышала ничего глупее! — добавляет она, и, кажется, что она вот-вот сорвется.

— Ты знаешь, где он? — спрашиваю я, возвращая разговор обратно к исходной причине моего звонка.

— Не у меня! Я не видела его с тех пор, как он услышал, что Томми станет новым генеральным директором. Он страстно ненавидит Томми, — отвечает она уставшим и разочарованным голосом.

— Тебе необходимо войти в его аккаунт на iCloud и посмотреть, включена ли у него функция «Найти мой iPhone». Я предлагаю не терять надежду, что его можно найти без вызова полиции или вмешательства мамы, если на то пошло.

— У него есть лист со всеми логинами и паролями. Пойду и посмотрю, — говорит она, немного оживляясь.

— Пожалуйста, дай мне знать, как только найдешь его, — говорю я ей, желая знать, в порядке ли он. — Скажи ему, чтобы он позвонил мне, если сможет.

— Ладно, а ты обещаешь вернуться завтра вечером? — спрашивает она с закравшимися нотками сомнения в голосе.

— Обещаю. Клянусь тебе, что вернусь в город завтра вечером, и возьмусь разгрести все это дерьмо. Я полагаю, что мне надо выяснить, кто убил отца.

После моего заявления на другом конце провода наступает тишина. Может, она, на самом деле, считает, что это был Тайлер. Это объясняет, почему Тайлер, похоже, сходит с ума. Часть меня прекрасно знает, что он не способен на такое, но это также объясняет, почему он продолжает указывать на меня пальцем. Виновные всегда стараются переложить вину на других.

— Увидимся завтра вечером, Ванесса. Дай мне знать, если найдешь Тайлера.

Я нажимаю кнопку отбоя и бросаю телефон на кровать.

— К черту все.

Судя по выражению лица Мэнди, что-то в моем разговоре с Ванессой, похоже, задело ее. Я стараюсь быстро вспомнить, что это могло бы быть.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, после того как не смог ничего определить.

— Да, просто устала.

Она разворачивается и идет в соседнюю спальню. Я знаю, что должен последовать за ней, но у меня за сегодня и так такое количество драм, что уже не могу с ними справиться. Скидываю свои ботинки и ползу к центру кровати сразу, как только ставлю пустой стакан на столик.

Мэнди

После окончания разговора Трея с Ванессой, я могу честно сказать, что американские горки этого дня завершились на самом их дне. Может быть, я слишком чувствительна из-за недостатка сна, но мне кажется, что результаты теста, которые мы ждем завтра, уже не так важны. Я подхожу к раковине и начинаю умывать лицо с мочалкой. Как я могла поверить, будто у меня будет возможность иметь такую волшебную жизнь? Я всегда была одной из тех, кто должен был упорно трудиться, чтобы что-то заработать своим горбом. Все зависит только от меня. Это всегда было моей мантрой.

Я останавливаюсь на середине мысли и смотрюсь в зеркало, в котором отражается мое лицо и одинокая слезинка, стекающая по моей щеке. *Куда же мне податься отсюда?* Несмотря на то, что Трей обещал мне, я знаю, что не могу полагаться на него в том, что он наймет меня на работу и сделает все правильно. Не говоря уже о том, что это была вина моего отца, а не его, поэтому он не должен мне ни хрена! Папа, ты обманщик, сукин сын! Я кладу свои руки на раковину и роняю на них голову, позволяя своим эмоциям вырваться наружу, и начинаю плакать, что я не делала последние годы.

— Скажи мне, что случилось, — Трей спрашивает мягким обеспокоенным тоном. Он кладет руки мне на спину, медленно поглаживая меня.

— Не знаю.

Я опускаю голову и чувствую, как мои плечи сильно дрожат, когда очередная волна эмоций накатывает на меня.

— Я просто устала... и в смятении.

— Иди сюда, — отвечает он, поднимая меня от раковины. — Мы оба находимся в одном и том же месте, не зная, какого черта будет дальше. Давай попробуем немного поспать.

Он протягивает мне полотенце, чтобы я вытерла лицо, и жестом указывает в сторону спальни. Я смотрюсь в зеркало, не веря, что позволила ему увидеть меня такой. Прямо сейчас я выгляжу, как смерть.

— Мы оба будем себя чувствовать лучше, когда поспим.

Он отдергивает одеяло и жестом приглашает меня лечь.

— Не волнуйся, я заинтересован только во сне сегодня, — уверяет он меня с нежной полуулыбкой.

— Не стесняйся прильнуть ко мне, — парирую я. — Я могу использовать немного нежности и заботы после такого дня.

— Хорошо, но я буду в одежде.

Он смеется, прежде чем отойти к другой стороне кровати. Через несколько секунд он располагается позади меня, так что я чувствую тепло его тела, которое смешивается с моим.

— Не беспокойся о Ванессе, — шепчет он. — Она принадлежит Тайлеру, а не мне.

Вместо ответа я просто придвигаюсь к нему. Его заверение, вероятно, самое утешительное, которое он мог бы сказать прямо сейчас. Я просто надеюсь, что он честен в этом. Я хихикаю про себя, когда чувствую, как его твердость растет напротив меня.

— Очень надеюсь, что результаты анализов, которые придут завтра, будут отрицательными, — шепчу я, слегка поворачивая голову, чтобы дать ему понять, что его выпуклость не остается незамеченной.

— Будут, — шепчет он, сжимая меня еще крепче. — Отдыхай.

Глава 5

Тре́й

По мере того как солнечный свет начинает проникать в комнату, я бросаю взгляд на часы и съеживаюсь от того, каким уставшим я буду сегодня. Я не мог уснуть до трех часов утра, и с тех пор лежал без сна. Миллион мыслей роились в моей голове. Нет ничего хорошего, когда каждый аспект твоей жизни наполнен неопределенностью, которая подпитывает беспокойство. На мою грудную клетку давит так, что чувствуется, будто я должен бороться, чтобы иметь возможность дышать. Я смотрю на Мэнди, она еще спит. На ее лице такое умиротворение. Я дам поспать ей еще пару часиков. Я медленно выползаю из постели, стараясь ее не разбудить.

Хватаю свой телефон по пути и проверяю сообщения. Есть несколько текстовых сообщений от Ванессы, и одно голосовое от матери. Я чувствую, как мое сердце колотится, когда я открываю первое сообщение, опасаясь худшего.

Ванесса: *Тайлер снова был в отеле W. Черт возьми, что там с этим местом?*

Около 40 минут спустя она послала второе сообщение:

Ванесса: *Позвони мне, когда получишь сообщение! Он был без сознания, когда его нашли. Это похоже на передозировку. Медики стабилизировали его и привезли в Беллвью (прим пер. Старейшая больница в Нью-Йорке). Я сейчас еду туда.*

Два часа спустя она отправила третье сообщение:

Ванесса: *Он на искусственной вентиляции легких, и по-прежнему не пришел в себя. Твоя мама в неменяемом состоянии.*

Я: *Я буду дома как можно быстрее. Обними маму за меня.*

Было больно прослушивать сообщение от матери. Почему она намекает, что это моя вина? Я говорил с ней о Тайлере, прежде чем покинуть город, но теперь я виноват в том, что он сделал что-то глупое? Думаю, им обоим нужна серьезная консультация.

— Все хорошо? — спрашивает Мэнди сонным голосом, заходя в комнату.

— Нет. Похоже, Тайлер пытался сделать себе передоз, и сейчас находится на искусственной вентиляции легких в Беллвью. Самое замечательное, что теперь меня винят в том, что я не позаботился о нем, — говорю я, наконец, отрывая глаза от моего телефона.

— Правда? — она поднимает брови в недоумении. — Они знают, что он фактически обвинил тебя в убийстве отца на прошлой неделе. Если бы моя сестра сделала нечто подобное, я бы никогда больше с ней не разговаривала... никогда!

— О, это уже пройденный этап, даже Ванесса, — я тру глаза и провожу руками по лицу. Я начинаю ненавидеть всех.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тебе нужен хороший завтрак. Давай собираться и отправляться в Ниццу, — предлагает она.

— Мне очень жаль, но я не могу. Я должен позвонить и посмотреть, сможем ли мы выбраться отсюда этим утром, — я протягиваю руку и беру ее за руку. — Я не чувствую себя в праве терять время.

— Ты и не будешь, к тому же мы все равно должны вылететь из Ниццы. Мы заскочим в Café Marché по дороге в аэропорт. Я очень хочу попробовать их крепы Дульсе де лече. (*прим. пер. десерт изготовленный из молока и сахара, похож на карамель*). Я слышала, они удивительные!

— Ты слышала? От кого?

— Я забила запрос в поисковике «Лучший завтрак в Ницце», и в выдаче они оказались на самом верш. У них даже есть пятизвездочный рейтинг на Yelp, который я никогда не видела у других заведений, так что это должно быть что-то с чем-то, — добавляет она убедительно. — Давай, идем!

— Хорошо. Я приму душ по-быстрому. Ты собирайся, а я позвоню консьержу, чтобы он организовал нашу поездку.

Так как Café Marché находится в центре города, то до него будет легче добраться на машине, чем на вертолете.

Мэнди

Наш водитель вез нас по маршруту слегка неторопливо, пейзажи за окном были великолепны. Холмы, старинные дома и потрясающий вид на море — все это соединилось, давая возможность получить удовольствие за те сорок минут, пока мы ехали. Так как шоссе стало переходить в узкие мощеные улицы, а здания примыкают стенами друг к другу, то становится очевидным, что мы приближаемся к месту нашего назначения.

— Вы хотите, чтобы я довез вас два последних квартала или пройдетесь пешком? — спрашивает водитель, когда машина останавливается.

— Мы пройдемся пешком, — сразу же отвечает Трей. — Тогда вы можете объехать здание и парк сзади. Просто оставайтесь на связи, и когда мы закончим, мы вас найдем.

Водитель подъезжает к обочине, и мы оба выходим из машины.

— Какой великолепный день, — восхищаюсь я, протягивая руку, чтобы взять руку Трея. Когда мы идем по узкой аллее, утреннее солнце ощущается замечательно на коже.

— Разве не удивительно, что эти старые улицы такие узкие? — спрашивает он, пока мы спускаемся вниз по бульжной мостовой. По пути нам встречаются два фургона, и нам приходится отойти к зданию, чтобы пропустить их. — А ты думала, что в Сан-Франциско тяжело водить машину, — смеется он.

— Без шуток. Такой проезд делает эти улицы похожими на шоссе.

Мы переходим, и я замечаю желтый тент, который узнаю по картинке из Google.

— Вон оно.

— Серьезно? Это место такое крошечное. Кроме того, до его открытия еще сорок минут, — фыркает Трей, глядя на меня в замешательстве.

— Вы хотели бы кофе? — спрашивает пожилой джентльмен, услышав тревогу в голосе

Трея.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я прежде, чем Трей успевает сказать хоть слово.

— Садитесь, — настаивает старик, указывая на маленький столик в открытом внутреннем дворе.

Через несколько минут он возвращается с кофе, двумя чашками, а также сливками и сахаром.

— Моя дочь, как правило, открывается рано, так что надо только немного подождать, — говорит он с сильным итальянским акцентом. — Стоит подождать, чтобы попробовать ее миндальные круассаны.

Он улыбается, оставляя нас наслаждаться кофе и солнцем.

— Хороший кофе, — говорит Трей, сделав глоток. — Я просто хочу подняться в воздух, как можно скорее.

— Ну, ты так расхвалил Ниццу, поэтому я хотела бы увидеть ее, хоть чуть-чуть, — отвечаю я, пока два ошеломляюще красивых парня идут по аллее и входят в боковую дверь.

— Здесь что работают танцоры или что-то в этом роде?

Трей выгнул одну бровь и его глаза встретились с моими.

— Кто-то упоминал, что официанты здесь довольно горячи, — хихикаю я и похлопываю его по колену. — Ты не можешь винить девушку за желание получить немного услады для глаз.

— Тебе не нужна услада для глаз, когда у тебя есть такой красавчик. Не так ли? — отвечает Трей, демонстрируя мне свой бицепс.

— Согласна, ты, безусловно, жарче, чем эти ребята. Но все еще существует вероятность, что мы родственники, — я опускаю глаза, и меня слегка коробит.

— Так приятно смотреть на тебя, — он ухмыляется, прежде чем взглянуть на часы. — Я собираюсь связаться с Юргеном, чтобы убедиться, что он получил наши образцы ДНК.

Трей

Чувствую, как пульс отбивает ритм на моей шее, когда я набираю номер Юргена. Я немного шокирован тем, сколько проблем на меня свалилось за последнее время. Закрываю глаза и глубоко вдыхаю воздух в легкие, ожидая, когда он ответит на мой звонок.

— Нервно ждешь результатов? — посмеивается Юрген, отвечая на мой звонок — Могу предположить, что это почти такое же мучение, как ожидание результатов теста на беременность.

— Да, мы оба довольно напряжены, так как ее отец огорошил нас этими новостями, — признаюсь я. — Просто хотел убедиться, что у тебя есть все, что необходимо.

— Они уже были здесь, когда я приехал в восемь часов. Если ты подождешь, то я могу пойти посмотреть, готовы ли результаты анализов, — он замолкает, ожидая моего ответа.

— Да! Пожалуйста, — отвечаю я, надеясь этим утром разобраться, по крайней мере, с одним вопросом.

— Что происходит? — спрашивает Мэнди, ее глаза расширились от нетерпения.

— Они уже начали проводить исследование. Он сейчас собирается проверить их.

Она качает головой вперед и назад, слегка протягивая свою руку к моей. Я точно знаю по выражению ее лица, о чем она сейчас думает. У меня возникли те же мысли. У нас есть удивительная связь, которую так редко можно найти, и потеря ее будет иметь разрушительные последствия для нас.

— Мы не родственники, — я пытаюсь убедить и себя и ее. — Это невозможно.

Молюсь, чтобы я не испытывал сексуальное влечение к женщине, которая может оказаться моей сводной сестрой. Мои основные инстинкты должны быть лучше, чем все это. По крайней мере, я надеюсь.

После пары минут ожидания я нажимаю кнопку громкой связи и кладу телефон между нами.

— Я так чертовски нервничаю сейчас, — верещит она. — Не думала, что когда-нибудь в своей жизни буду так нервничать.

— И не говори. Когда сегодня утром я проснулся, то чуть не поддался приступу панической атаки. Я не могу больше. Все гораздо серьезнее, чем я думал. Я дошел до точки, что уже боюсь телефонных звонков и текстовых сообщений.

Мы оба уставились на телефон, дожидаясь перерыва в музыке, но она продолжала играть, и казалось, что никогда не перестанет.

— Эй, Трей. Я получил их, — наконец, прервалась шведская народная мелодия, которую мы вынуждены были терпеть, и раздался голос Юргена. — Давай посмотрим на итоговую страницу.

Мы оба склонились к телефону, максимально прислушиваясь.

— Ох... ничего себе... у вас еще не было секса?

У нас обоих падает сердце, и мы в ужасе смотрим друг на друга. *Пожалуйста, не говори мне, что Мэнди — моя сестра. Пожалуйста...*

— Давайте глянем, если я ничего не путаю, то 99,98 % вероятность, что вы двое..., — он делает паузу и покашливает, нагнетая драматургию, — не родственники.

— Ох... ты ублюдок! Ты так выдерживал паузу, что я решил, будто у тебя плохие новости! — выпаливаю я со вздохом облегчения. — Мы оба были на грани сердечного приступа.

— Мне очень жаль, но это первый раз, когда я прочел один из таких отчетов. Я почти уверен, что минус девяносто девять целых девяносто восемь сотых процентов означает, что вы не в родстве, — добавляет он, снова сводя нашу уверенность к нулю.

— Так являемся мы родственниками или нет, Юрген? — я кричу в трубку телефона. Остальные клиенты открытого патио начинают посматривать на нас.

— Секундочку, я читаю заключение ... Нет. Вы двое, безусловно, не связаны друг с другом родственными отношениями, — он откашливается, и его голос звучит немного растерянно. — Сожалею, как я уже сказал, я никогда не читал такие отчеты прежде. Обычно мы не делаем такого рода исследования.

— Хорошо, — вставляет свое слово Мэнди, явно испытывая жалость к нему.

— Однако, я продам акции, которые у меня есть в твоей компании, — дразню я его. — Если ты не можешь прочитать простой отчет, то думаю, что мне следует вытащить свои деньги раньше, чем дела пойдут плохо.

— Эй! Ты просто жесток, — отвечает он. — Я же хотел убедиться, что дал тебе верный ответ. Это ведь могло привести к очень плохим последствиям.

— Ага, как будто встречаться со своей сводной сестрой не так уж плохо, — смеюсь я.

— Я рад, что ты это сказал... потому что я изо всех сил стараюсь избегать этой темы, — говорит он, прочищая горло в очередной раз. — Я просто молюсь, чтобы мне не пришлось приносить плохих новостей этим утром.

— На этой ноте мы прощаемся с тобой, — отвечаю я. — Спасибо за тест.

— В любое время, Трей. Вам обоим хорошего дня.

Я испустил еще один вздох облегчения, услышав щелчок на другом конце линии.

— Я знал, что мы не родственники. Если бы оказалось иначе, то все бы так запуталось.

Я сжимаю руку Мэнди и улыбаюсь ей с облегчением.

— Не то слово, — отвечает Мэнди, сильно выдыхая воздух. — Сейчас мне действительно нужен креп Дульсе де Лече и миндальный круассан.

— А что вы будете, сэр? — спрашивает сзади меня красивый молодой официант.

— Эй, я совсем не вижу вас там, — говорю я, к тому же я даже не смотрел меню. —

Буду также миндальный круассан. Кроме того, мне нужно пару яиц всмятку. Это возможно?

— Да, сэр. Два яйца всмятку и миндальный круассан. Принято.

— Хорошо выглядит и прекрасно говорит по-английски.... думаю, тебе повезло, — шепчу я Мэнди после того, как он исчезает с нашим заказом.

— Эй, мне только что сообщили, что у меня есть парень, так что я определенно снята с торгов. То есть, если, конечно, в твоём сердце ничего не изменилось с прошлого вечера.

— Нет. Ничего не изменилось. Тайлер выйдет из комы, придет в себя и женится на Ванессе. Они все преодолеют и этот последний эпизод, наконец, заставит его решить свои проблемы с наркозависимостью.

Я наливаю себе чашку кофе и начинаю размышлять о том, сколько правды прозвучало в моих словах. *Надеюсь, что не выдаю желаемое за действительное.*

Мэнди

Слава Богу, тест оказался отрицательным, или, как я думаю, мне бы пришлось убить своего отца. То, как дела обстоят сейчас, я, честно говоря, даже не знаю, что скажу ему, когда увижу в следующий раз. Наверное, ничего. Выражение лица Трея расслабилось после хороших новостей от Юргена, но после того, как он получает текстовое сообщение, на его лбу появляется глубокая морщина. *Я хотела бы сделать для него что-то большее.*

Я тянусь к его руке.

— Мы же со всем этим разобрались.

Он смотрит на меня и сдержанно улыбается.

— Я знаю. Просто немного ошеломлен. Мой адвокат должен отправить детективам копии документов, которые я купил у Джейка. Если мы не доставим их к понедельнику, то они возбудят дело против меня.

— Боже, что за отстой.

Я делаю глоток кофе и смотрю на небо в надежде найти там источник вдохновения.

— Что если у папы есть письма от Сильвии?

Его выражение меняется от беспокойства к непониманию.

— Это свидетельствует о постоянной любовной связи между ними, — объясняю я, мой мозг лихорадочно работает, пытаюсь понять, как использовать этот кусочек головоломки.

— И как бы это решило мои проблемы? — отвечает Трей с сарказмом.

— Не будь придурком. Я пытаюсь тут помочь тебе.

Я закусываю губу и сосредотачиваюсь на том, как мой отец мог бы искупить свою вину за то, что сделал. Не хочу, чтобы Трей думал, будто он ничтожество, хотя сейчас он выглядит именно таким.

— Прости. Я просто устал и не понимаю, к чему ты клонишь, — отвечает он, наливая кофе в последний раз.

— Ладно, просто ради интереса давай представим, что Джейк ухватился за какие-то старые письма, которые доказывали бы, что у папы и Сильвии была интрижка на момент вашего рождения. Теперь давай представим, что он угрожал использовать их против тебя, — объясняю я, пытаюсь нарисовать картину для него.

— Они могли быть довольно важными документами, особенно, если доказывали, что Тайлер и я, на самом деле, не были детьми отца.

Его глаза мгновенно загораются, как только он понимает мою идею.

— Твой отец был помолвлен... и, возможно, Джейк угрожал продать эти письма невесте отца? Она могла бы использовать их против вас при разделе имущества. Во сколько эти документы могли обойтись тебе?

Мурашки бегут вниз по моему позвоночнику, когда я начинаю понимать, что, может быть, просто решен еще один важный вопрос для Трея.

— О, Боже, Мэнди! Мое наследство — это более шести миллиардов долларов, так что оплата Джейку сто тысяч за эти письма была очевидным шагом, — рассуждает он, увлекаясь этой идеей. — Ты просто гений!

— Будем надеяться, что у папы есть какие-нибудь старые письма или что-то в этом роде, — говорю я, не желая забегать вперед.

— И как он передаст нам их?

Морщины снова пересекают его лоб.

— После того, через что он заставил нас пройти? — задыхаюсь я. — Он даст мне все, что сможет тебе помочь!

Трей улыбается, и я могу сказать, его колесики в его мозгу вращаются. В это время появляется официант с нашим завтраком. Он разбивает скорлупу своего яйца и начинает обмакивать в него миндальный круассан. Я ничего не говорю, несмотря на то, что он полностью губит один из самых восхитительных шикарных примеров французской выпечки. *Он настолько потерялся в своих мыслях, что я думаю, он даже не понимает, что делает.*

— Единственное, что я не могу понять, зачем мне надо было отправлять их Юргену? — спрашивает он, ненадолго отрываясь от своего окунания круассана в яйцо.

— Хороший вопрос. Это должно как-то соответствовать.

Я обмакиваю свой круассан в растаявшее мороженное с моего крепа. — Он же твой наставник, правильно? Может быть, ты искал его совета или доверял ему, чтобы он сохранил их для тебя.

— Нет, это глупо, — отвечает он, как будто пытается написать захватывающий роман. — Может, я хотел проверить их подлинность?

— Это может сработать, если у него есть способ определить это.

Я беру кусочек крепа в паре с куском круассана и погружаю его в мороженное, а потом отправляю себе в рот. *О, Боже, я умерла и попала на небеса!*

— Могу ли я дать тебе что-то с высоким содержанием фруктозы, кукурузного сиропа, политого этим? Или, может быть, я мог бы получить мешок глюкозы, а ты просто вставила бы его непосредственно в кровоток? — Трей глумится, став свидетелем моей слабости.

— Эй, сахар заставляет мой мозг работать на высочайшем уровне эффективности, — я широко улыбаюсь. — По крайней мере, я не буду портить вкуснятину яичной скорлупой.

— Возможно, он не смог проверить подлинность, но как только я понял, кто ты на самом деле, это перестало иметь значения, — он вдруг выпаливает, отодвигая свой завтрак в сторону. — В этот момент это могло быть решено только с помощью теста на ДНК, что мы и

проделали далее. Черт побери, все сходится! — говорит он, вскакивая со стула.

— С вами все в порядке, сэр? — спрашивает испуганный официант, поворачиваясь к нам.

— Все отлично. Нам нужна бутылка шампанского, — Трей поворачивается, чтобы закрепить мои идеи.

— Эй, я определенно думаю, что мы должны выпить тост за нашу гениальность.

Это может даже ослабить мою головную боль совсем чуть-чуть.

Трей выглядит как кот, который только что проглотил золотую рыбку, пока мы сидим на солнышке, потягивая восхитительное шампанское, и заканчиваем наш завтрак. Приятно видеть его в хорошем настроении после мрака последних несколько дней. Я чувствую, что моя температура начала подниматься, когда он запускает руку под стол, начинает ласкать мою ногу и соблазнительно улыбается. Надеюсь, он отключит камеры наблюдения в самолете, когда мы полетим обратно в Нью-Йорк. Это поездка может оказаться зажигательной.

Глава 6

Мэнди

Как только мы оказываемся на борту самолета, Трей откидывает голову на спинку, размещаясь в кресле, и достает мобильный телефон. Он упомянул, что хочет поговорить с Юргеном и Джейком, чтобы убедиться, что они с нами в одной лодке в соответствии с недавно разработанным планом. Это дает мне возможность позвонить родителям, и сообщить, что я приеду домой с визитом. Мне нужно получить кое-что, на подобие документов от отца, а также провести некоторое время с мамой. Возможно, мы съездим с ней в однодневную поездку.

— Мэнди, ты как? Все в порядке? — спрашивает папа, взяв трубку маминого телефона.

— У меня все хорошо. Я приеду домой на несколько дней, прежде чем вернусь в Калифорнию, — сообщаю я ему.

— В самом деле? Что побудило тебя принять это решение? — спрашивает он нервно.

Хотя я и хотела сказать ему пару ласковых, но мне удастся сохранить хладнокровие.

— Я просто хочу провести некоторое время с мамой. Я чувствую себя плохо из-за того, что не была дома так долго.

— О, да. Она определенно обрадуется тому, что увидит тебя. Когда ты приедешь?

— Я попытаюсь добраться до вас завтра днем, — отвечаю я, надеясь, что мне удастся прилететь. — Я арендую машину в аэропорту, поэтому тебе не придется беспокоиться о том, чтобы забрать меня.

— На самом деле, мы должны поговорить, прежде чем ты встретишься с матерью, — говорит он более мрачным тоном. — Просто дай мне знать, где я смогу забрать тебя.

— Ладно, — отвечаю я, внезапно чувствуя напряжение в животе. — С ней все в порядке?

— Она стабильна, — говорит он неубедительно. — Но я не хочу, чтобы ее внешность тебя шокировала.

— Хорошо, я позвоню тебе, как только у меня будет информация о вылете. До свидания, папа.

Мое сердце обливается кровью, когда я заканчиваю разговор и начинаю думать о ней.

Сейчас я жалею, что не приехала на прошлое Рождество, так как была занята по горло новой работой. Слеза катится по моей щеке, и я начинаю размышлять о хороших временах, которые я провела с ней сразу после переезда в Теннесси. Мы отправлялись исследовать что-нибудь почти каждый день, потому что она пыталась отвлечь меня от тоски по дому.

— Что случилось? — спрашивает Трей, заметив мою слезу, стекавшую по лицу.

— Мама не очень хорошо себя чувствует. Я немного нервничаю из-за того, что увижу ее завтра. Билеты будут стоить всего около тысячи баксов, если я смогу вылететь завтра в шесть утра, на более поздний рейс будут чуточку дороже, — говорю я ему, просматривая доступные рейсы на моем телефоне.

— Для этого у меня есть предложение получше, — он вытаскивает свой телефон и подмигивает мне. — Насколько близко ты живешь к аэропорту Таллахома?

— Примерно в десяти минутах езды. А что?

— Потому что у них есть пятьдесят пять сотен футов взлетно-посадочной полосы, так что ты можете взять Citation X. Ты можешь отправиться сегодня вечером, если хочешь, — предлагает он. — Хочешь, чтобы я зарезервировал?

— Сколько это будет стоить?

— Не волнуйся об этом, — говорит он с выражением отвращения на своем лице. — Ты делаешь мне огромное одолжение, так что это самое малое, что я могу сделать, чтобы убедиться, что ты нормально долетишь.

— Ничего себе, спасибо. Если я отправлюсь сегодня вечером, то это позволит мне провести больше времени с мамой.

Я наклоняюсь и целую его.

— Есть только один Citation, доступный в Нью-Йорке сегодня вечером, и я собираюсь зарезервировать его для тебя, — он нажимает несколько кнопок на своем телефоне. — После того, как мы приземлимся, я прослежу, чтобы ты села на него и полетела домой. Тебе будет нужен автомобиль в Теннесси?

— Нет, папа хочет забрать меня из аэропорта.

Как будто я не была достаточно разгоряченной до этого момента, моя страсть начинает кипеть, пока я наблюдаю, как он организовывает мою поездку.

— У тебя все получилось с Юргеном и Джейком? — спрашиваю я, пытаюсь на мгновение отвлечься от мыслей о сексе.

— Я думаю, что Юрген все уловил. Джейк вел себя странно, но сказал, что будет придерживаться этой версии, если его когда-нибудь спросят об этом. Это, вероятно, не станет проблемой, так или иначе.

— Таким образом, ты можешь начать контролировать камеры и свет на этом самолете?

Мои мысли возвращаются к идее быть с ним.

— Я думала о том, что хочу побыть с тобой с того самого момента, когда мы получили результаты теста.

Я наклоняюсь к нему, не в силах держать руки при себе еще хотя бы секунду.

— На шаг впереди тебя, дорогая. Я получил код доступа, когда забронировал полет. Шторы закрыты, свет погас и камеры отключены в кабине, — говорит он, пока создает в салоне гораздо более интимную атмосферу. — Есть даже небольшая кровать в задней части, — добавляет он в то время, когда начинает играть песня Borns «*Electric Love*».

— Тогда почему мы еще не там? Я поднимаюсь со своего места и подталкиваю его.

— Нам, вероятно, стоит подождать, пока мы не наберем крейсерскую высоту, —

говорит он, как будто меня волнует, попадем мы или нет в зону турбулентности.

— Мы не будем торопиться, пока не получим добро от капитана, — бормочу я, пока начинаю медленно расстегивать его рубашку, в тоже время дразня его — Держу пари, мы окажемся на высоте, когда я закончу раздевать тебя.

— Просто помни, что в эту игру могут играть двое, — напоминает мне он. — Это одна из моих любимых.

Он соблазнительно мне улыбается и скользит рукой вдоль моих изгибов.

— Боже, ты заставляешь меня разгораться.

Я провожу ногтями вниз по его груди и останавливаюсь около пряжки его ремня.

— Не могу дождаться, чтобы почувствовать тебя внутри меня.

Я расстегиваю пряжку, чтобы расслабить и вытащить его из шлевок. Как по команде раздаётся непрощенный звук рингтона, стоящего в телефоне на Ванессу. *Пожалуйста, проигнорируй его.*

— Как дела? — спрашивает он, тут же отвечая, и выражение его лица становится мрачным. — Ну, по крайней мере, это показывает, что мозг активен, — отвечает он с надеждой в голосе. Он кивает и продолжает внимательно слушать, но я не слышу, что говорит Ванесса.

— Врачи не всегда знают, Ванесса. Он еще может прекрасно выйти из этого состояния.

Он поворачивается и идет по направлению к передней части самолета, очевидно, ища уединения.

Я уже не могу слышать, что он говорит, но Трей демонстрирует все признаки тревоги. Он нервно ходит взад и вперед, в то время как его пальцы запущены в волосы. Все, что она говорит ему совсем не то, что он хочет услышать. Он останавливается на полушаге и опускает голову, так что теперь смотрит в пол. Трей продолжает слушать, и Ванесса, похоже, ведет монолог. *Уверена, что она просто погасила все удовольствие от этого полета.*

Полагаю, у меня будет достаточно времени, чтобы выспаться.

Трей

Я не совсем понимаю, что Ванесса ожидает от меня. Впервые за десять лет я сумел вытолкнуть ее из головы и двигаться дальше. Теперь она ведет себя так, словно тосковала по мне все это время, пока меня не было. Я чертовски хорошо знаю, что это не так. Я ни на секунду не верю, что она чувствовала ту же пустоту, с которой я жил все эти годы. Почему она не говорила мне об этом? Потом мне пришло в голову, что, возможно, она не хотела обидеть Тайлера больше, чем я. *Мы оба скрывали свои чувства ради него?* Это перебор, чтобы думать об этом прямо сейчас. Я уже эмоционально истощен, так что мне, действительно, не нужно больше этого.

— Прости, я должен был ответить, — говорю я Мэнди, как только скольжу на сиденье рядом с ней. — Тайлер не демонстрирует никаких признаков выхода из комы, но ЭЭГ показало, что его мозг в активном состоянии.

— Ну, это хороший знак, — отвечает Мэнди, сдержанно мне улыбаясь.

— Да, он выйдет из нее.

Я откидываюсь на спинку стула, чтобы соответствовать углу совпадения с Мэнди.

— И если он не выходит, то Ванесса убеждается, что ты следующий на очереди? — выражение лица Мэнди вдруг превращается в серьезное.

— Сейчас она просто сходит с ума. Она выбрала его, беременна от него, и Тайлер

выйдет из комы, — уверяю я ее. — Кроме того, ты делаешь меня счастливым, чем я был когда-либо за всю свою жизнь.

— Ты тоже делаешь меня счастливой, — отвечает она с настороженным взглядом в глазах. — Я просто становлюсь больной каждый раз, когда она звонит тебе. Знаю, что ты все еще любишь ее.

— Но я пытаюсь двигаться дальше, — говорю я ей честно. — Я уже достаточно настрадался за свою жизнь. Нам просто не суждено быть вместе.

— Я не эксперт в любви, но знаю, что если ты любишь кого-то, то почти невозможно перестать любить... даже если ты захочешь.

Ее взгляд опускается на колени, когда она тянется к моей руке.

— Я просто хочу, чтобы ты был честен со мной, и не водил меня за нос.

Мое сердце просто щемит от ее слов. Я действительно не хочу обидеть Мэнди, но, конечно, у меня все еще есть чувства к Ванессе. Я хочу, чтобы ей было хорошо, у нее была хорошая жизнь, но не думаю, что я тот, кто даст ей это.

— Я не буду водить тебя за нос.

Я поднимаю руку Мэнди к своим губам и нежно ее целую, прежде чем откидываюсь на кресло и закрываю глаза. *Я никогда не был хорош в обращении со всем этим эмоциональным дерьмом... я просто хочу оставить все это в прошлом.*

Мэнди

Тот факт, что Ванесса была в состоянии выбить почву из-под ног Трея, достаточно, чтобы мне захотелось расплакаться. До ее звонка, он не мог держать свои руки подальше от меня, а теперь я, в конечном итоге, довольствуюсь поцелуем верхней части моей руки. Я чувствую себя совершенно подавленной, пока смотрю в потолок, задаваясь вопросом, куда, черт возьми, движутся наши отношения. Мы только что прошли через двадцать четыре часа мучений, ожидая подтверждения того, что мы действительно можем встречаться друг с другом, а теперь это ощущается так, словно еще существует вероятность того, что все это может ускользнуть. Может быть, я просто слишком устала, но я, на самом деле, чувствую, что готова расплакаться. Закрываю глаза и начинаю размышлять о прошлом. У меня никогда не было таких отношений, где я была бы так одержима кем-то, что просто не могу держать руки подальше от него. Я знала, что все было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, потому что это точно то, что я думала о Трое вначале. Полчаса назад он едва мог сдерживать себя, а теперь я сижу здесь раздраженная, а его, видимо, больше интересует сон, чем я.

Мои мысли делают еще один поворот, когда я начинаю думать о том, где я была, прежде чем началось наше маленькое приключение. Я находилась в отчаянии, одинокой душой, чьей единственной движущей силой была месть от имени своего отца. Меня передергивает при мысли, что моя работа в Комиссии вернет меня в долину. *Я не хочу больше работать на Харриса.* Я знаю, что он собирается просто найти новую цель для преследования, и я не хочу тратить свою жизнь, пытаясь принижать других людей, независимо от того, сколько денег они заработали, и как они это сделали.

Я не хочу возвращаться, черт возьми! Я вспоминаю тот день, когда сказала себе, что если Ванесса думала, что она может украсть Трея, то она получит бой... *Я собираюсь дать ей адский бой.* Я гляжу на Трея и думаю о том, каково это почувствовать эти сильные руки на моем теле. Я наклоняюсь и ощущаю слабый запах его одеколона, прежде тем, как шепчу:

— Я все еще хочу продолжить с того места, где мы остановились ранее.

Ухмылка растекается по губам Трея, и он слегка приподнимает одно веко.

— Ты, должно быть, читаешь мои мысли.

Он кивает в сторону полноценной выпуклости, которая натягивает его штаны.

— Хммм, я думала, ты потерял интерес.

Я пробегаю пальцами вдоль его молнии и улыбаюсь, что он, безусловно, становится твердым от моих прикосновений.

Трей смотрит на меня самым проникновенным взглядом, который я когда-либо видела.

— Ты действительно перевернула мой мир, — говорит он, наклоняясь и накрывая мои губы своими для поцелуя, мою кожу начинает покалывать меня до самых кончиков пальцев. — Мне придется иметь дело со всем этим дерьмом, но это не меняет того факта, что ты и есть та единственная, — продолжает он, вызывая радость в моей душе.

— Я так рада. Я сейчас сидела и думала о возвращении к своей жалкой жизни в Калифорнии, и не могла вынести мысли об этом, — признаюсь я с облегчением.

— Не будет никакого возвращения, — шепчет Трей.

— Надеюсь, что нет. Я, действительно, скучаю по тебе, — шепчу я, в то время как чувствую тепло, исходящее от его рук и переходящее во мне в томление плоти.

— Давай проверим эту кровать.

Он ведет кончиками пальцев вдоль моего подбородка, посылая дрожь по всему моему телу. Его пальцы продолжают свой путь к задней части моей шеи, и он притягивает мои губы к своим, целуя меня тепло и страстно.

— Хорошо, давай пойдём проверим, — говорит он, поднимаясь на ноги и предлагая мне руку. Трей выглядит так чертовски сексуально, стоя выше меня, с несколькими расстегнутыми пуговицами на его рубашке. Я представляю, как остальные пуговицы летят во все стороны, когда я хватаю его за отворот рубашки и борюсь с желанием сорвать с него ее одним быстрым движением.

— Позволь мне сделать это за тебя, — он быстро расстегивает оставшиеся пуговицы, по-видимому, прочитав мои мысли. После ведет меня в заднюю часть самолета, расстегивает штаны и позволяет им упасть на пол. Он поворачивается ко мне, сжимает край моего платья и снимает его через мою голову.

— Так-то лучше, — он лучезарно улыбается, переворачивая меня и расстегивая лифчик.

— Твою ж мать, — смеется он, снимая трусы, чтобы присоединить их к штанам на полу. — Если я увижу зависть в их глазах после того, как мы приземлимся, то буду знать, что они смотрели.

— Завидуют мне или твоему прекрасному петуху? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Наверное, всего понемногу, — хихикает он, прежде чем залезть под одеяло со мной.

Трей

Провожу руками вдоль невероятно гладкой кожи Мэнди, в моем мозгу ни на секунду не вспыхивают сомнения, что это единственное место, где я хочу быть. Она так умна, красива и чертовски сексуальна, что это сочетание просто неотразимо. Впервые я испытываю чувство взаимной одержимости кем-то. Словно мы не можем насытиться друг другом.

Я заправляю прядь ее волос за ухо и некоторое время просто гляжу в ее кристально голубые глаза. Наши губы сливаются в жарком поцелуе, в котором начинает проявляться накопившаяся в нас страсть. Я перекидываю свой вес на нее и скольжу своими пальцами позади ее головы, прижимая ее к себе самым нежным способом. Я вспоминаю о рейсе из

Нью-Йорка в Монако, на котором я посвятил ее в Клуб высокой мили и мой член вздрагивает в ожидании.

— Я хочу потрясти твой мир, — шепчу я ей в губы.

— Ты взрываешь мой мир, — шепчет она в ответ, проводя ногтями вдоль моей спины. — Перевернись на спину.

Я улыбаюсь и выполняю приказ, сползая с нее и устраиваясь на спине.

— Судя по взгляду в твоих глазах, я думаю, что мне нравится, куда это все движется.

— О, я определенно думаю, что тебе понравится, — она улыбается и целует меня в подбородок, прежде чем скользит губами вниз по моей шее и груди.

— Давай посмотрим, чувствителен ли ты здесь, — говорит она, втягивая мой сосок в рот. Она смотрит на меня, пока облизывает его языком, прежде чем прикусить своими зубами.

— Думаю, тебе нужно спуститься чуть пониже, — говорю я ей, указывая глазами.

— Ты уже заждался? — поддевает она меня с озорной улыбкой.

Очевидно, она думала о том, как я дразнил ее и толкал, проверяя ее пределы на нашем последнем рейсе, и теперь намерена вернуть должок. Ее мягкие губы прокладывают поцелуями путь вниз моего живота, останавливаясь чуть ниже моей талии. Я напрягаю свой упругий пресс и разворачиваю бедра, чтобы помочь ей добраться до цели.

— Ты, безусловно, нетерпелив для человека, который любит дразнить других, — упрекает она меня, когда я чувствую ее дыхание рядом с моим пульсирующим членом. — Думаю, тебе необходимо расслабиться и позволить мне поиграть с тобой, — произносит она, касаясь кончиком языка моего члена, и облизывает головку, немного погружая ее в свой горячий влажный рот.

— Расплата та еще сука? — издаю я стон, принимая тот факт, что она хочет вернуть должок.

Я заставляю себя лечь на спину, расслабиться и наслаждаться ощущениями. У нас достаточно времени, которое можно убить, и я не могу придумать лучшего способа, сделать это. Я и забыл, насколько она хороша при работе ртом. *Ничего себе, это фантастически.*

Мэнди

Трей только постанывает и улыбка застыла на его лице, в то время как я продолжаю получать удовольствие от того, что мучаю его наслаждением. Я всегда хотела в своей жизни человека, который понимает искусство поддразнивания, и Трей, безусловно, именно таков. Дразнение — это улица с двусторонним движением, поэтому он должен принять его, и также подстраиваться. Каждый раз, когда он становится спокойным и расслабленным, я усиливаю интенсивность настолько, чтобы он издал еще один стон или издавал глухие звуки. *Мне это нравится!*

— Хорошо, я хочу заняться с тобой любовью, — говорит он, положив свою руку под мой подбородок и приподнимая его, пока наши глаза не встречаются. — Не хочется тратить времени попусту.

— О, я не планирую позволить тебе тратить его попусту, — я ухмыляюсь ему, прежде чем смотрю вниз и оцениваю, сколько его длины я смогу принять.

Я начинаю чуть-чуть двигать головой вверх и вниз, чувствуя, как его набухшая головка касается задней части моего горла.

— Я серьезно, — задыхается он. — Ты собираешься заставить меня проиграть.

— Прощу прощения за поддразнивание.

Я целую его головку, прежде чем вытягиваюсь и медленно ползу вверх, пока мы не встречаемся лицом к лицу.

— Ты делаешь меня по-настоящему горячей, позволяя мне проделывать это с тобой.

— Ты подвела меня прямо к краю потери контроля, — он смеется и начинает откатываться в сторону.

— Нет, нет, — я прислоняюсь к нему, удерживая его на спине. — Моя очередь заниматься с тобой любовью.

— Тогда люби меня, — говорит он с широкой улыбкой на лице.

— Да, господин, — воркую я, думая о том, как он любит входить в меня медленно, чтобы пик моего предвкушения достиг того момента, где я кончаю практически сразу. Я приподнимаю свой низ и отодвигаюсь от его пульсирующего члена. Он сразу же протягивает руку, чтобы ввести себя в меня. — Я занимаюсь с тобой любовью, — напоминаю я ему, глядя прямо в его глаза и втягивая свои бедра.

— Я просто пытался помочь тебе, — вздыхает он разочарованно.

— Мне не нужна твоя помощь, — парирую я, отодвигаясь от него еще раз.

Ощущение его между моих складочек разжигает во мне страсть, бурлящую на поверхности, и я начинаю терять контроль, находясь на грани того, чтобы сдаться.

— Мне нравится быть с тобой, — шепчу я, медленно опускаясь на него.

— Мне нравится быть в тебе, даже слишком, — шепчет он со вздохом.

Улыбка пересекает мое лицо, когда я насаживаюсь на него и двигаю бедрами достаточно, чтобы почувствовать его полноту глубоко внутри себя. Я хочу делать это так долго, насколько возможно, но нахожу, что мне все труднее удерживать контроль. Он начинает поигрывать бедрами в согласованном ритме с моим, и это чувствуется так чертовски хорошо, что я не хочу, чтобы он прекращал. Я наклоняюсь вперед, не в состоянии бороться с желанием поцеловать его губы, и он вдруг берет все под свой контроль.

«*Боже мой*», — это моя единственная мысль, когда он приподнимает бедра и начинает толкаться в меня с большей силой. Часть меня хочет сопротивляться этой передаче власти, но большая часть меня, просто хочет целовать его губы, позволяя ему творить, что хочет. Мои ноги начинают дрожать, идеально точечные удары начинают подавлять мои чувства.

— Давай перевернемся, — предлагаю я, желая ощутить его вес на себе.

Одним быстрым движением он переворачивает нас, не пропуская при этом толчок. Его губы целуют мои с неослабевающим пылом, и его ранее сильные толчки выходят на новый уровень интенсивности. Мои губы отрываются от него, когда я начинаю задыхаться. Он в очередной раз преодолевает мое желание контролировать процесс и толкается в меня глубоко, превращая меня в человека неспособного противиться оргазмическому наслаждению. Он точно знает, как подвести меня прямо к краю, а затем удерживать там дольше, чем я считала когда-либо возможным. Мои пальцы сжимаются, когда очередная волна наслаждения обрушивается на меня. *Это место, где все идеально, и ничто не имеет значения. Это моя версия истинного блаженства.*

Спустя несколько минут мы лежим в объятиях друг друга, запыхавшиеся и полностью удовлетворенные.

— Это было потрясающе, — шепчет он, прикусывая своими губами мою мочку уха.

— Это всегда превосходно, — отвечаю я, никогда ранее не испытывавшая ничего, чтобы даже близко подходило к тому, что я испытала с ним. — Мы словно созданы друг для друга.

Это так прекрасно.

— Восхитительно... Вот, как я бы описал это.

Он прижимается ко мне сзади и накрывает нас одеялом. Тот факт, что ему нравится лежать со мной в позе лодки, идеальный способ погрузиться в сон. *Я рада, что этот перелет домой будет долгим.*

Глава 7

Аэропорт Ла Гуардия

Восемь часов спустя.

Мэнди

Я чувствую себя странно, летя на частном самолете без Трея. Хотя прошло всего лишь несколько минут, а я уже скучаю по нему. Печально. Не понимаю, как мне удалось так привязаться к этому мужчине за такой короткий период времени. Я смотрю в окно и начинаю размышлять о своей жизни, которая в корне изменилась с тех пор, как я отправилась на задание, чтобы доказать виновность Трея и его деловых контактов. Я чувствую, что мне нужно ущипнуть себя, когда откидываюсь в свое кресло и жду взлета. Чувствуется большая разница между этим полетом и теснотой рейса из Калифорнии в Нью-Йорк. Харрис всегда настаивал на покупке самых дешевых билетов. Просто еще одно из основ работы на правительственное агентство, где презирали богатых людей.

— Добро пожаловать на борт, Мисс Грейсон, — говорит мне улыбчивый капитан, выходя из двери, чтобы поприветствовать. — Могу я что-нибудь сделать для вас до нашего вылета?

— Нет, я в порядке. Спасибо.

Все что мне нужно, так это хороший, спокойный перелет, чтобы я была не слишком эмоциональной, когда увижу папу. Со всеми чувствами, которые я прятала глубоко внутри себя, все может быстро обостриться, если не держать свои эмоции в узде.

— Когда мы приземлимся? — спрашиваю я, понимая, что мне нужно отправить папе сообщения.

— Давайте посмотрим, — говорит он, глядя на часы. — Мы вылетаем в час, так что должны прибыть около четырех сорок пяти по местному времени.

Ничего себе, семичасовой перелет сделает этот день безумно долгим. Мы покинули Монако немного позже полудня, и после восьми с половиной часов полета, было всего лишь три тридцать. Неудивительно, что биоритмы наших тел так запугались. Из-за этого сложно отследить, какой сегодня день. После того как шасси самолета отрываются от земли, и мы взлетаем в небо, я закрываю глаза и начинаю погружаться в сон. *Моему мозгу нужен перерыв.*

Трей

После того как я посадил Мэнди на стыковочный рейс, я запрыгиваю обратно в лимузин и даю указание водителю направиться в больницу Беллвью. Я звоню на телефон матери, но меня переадресовывают на голосовую почту. Я сбрасываю звонок и набираю номер Ванессы, но и с ее телефоном происходит тоже самое. Это ад какой-то. Я звоню маме домой в надежде, что, по крайней мере, поговорю с Чарльзом.

— Резиденция Сильвии Эддисон, Чарльз у телефона, — говорит он, отвечая на звонок гораздо более формально, нежели я ожидал. На самом деле, это звучит так, словно он ее дворецкий.

— Привет, Чарльз, это Трей. Я пытаюсь дозвониться до мамы, но ни она, ни Ванесса не отвечают на звонки, — объясняю я расстроено.

— Привет Трей, мне очень жаль Тайлера, — говорит он таким тоном, что заставляет меня опасаться самого худшего.

— Он еще жив?

— Да, но нет никаких изменений. Сильвия и Ванесса с ним в реанимации. Вероятно, у них там не работают телефоны, — он нервно прочищает горло. — Полиция нашла предсмертную записку. Все не слишком хорошо, — его голос затихает.

— Предсмертная записка?

Какого хрена Тайлер? Я вспоминаю, как странно он вел себя после смерти отца. *Какого черта он сделал?*

— Ладно, хорошо, я направляюсь в больницу, так что если мама свяжется с вами, просто дайте ей знать.

— Он лежит в палате № 311, — говорит Чарльз, явно пытаюсь совладать со своими эмоциями.

Мне приходится сдерживать слезы, пока я вешаю трубку и кладу телефон обратно в карман. Мой мозг перематывает время назад в то время, когда мы были детьми и лучшими друзьями друг для друга до того момента, пока он не пошел в школу в штате Нью-Йорк. Трудно поверить, как все чертовски изменилось после этого. Такое впечатление, что мы оба делали все, чтобы находить новые причины для ненависти друг к другу. *Теперь я могу потерять и его тоже.* Я прикрываю лицо руками, и горячие слезы текут сквозь пальцы, падая на пол. *Это неправильно.* Должно быть что-то, чего мы не знаем. Тайлер запутался, но он, конечно, не похож на самоубийцу.

~~~

— Как он? — спрашиваю я маму, когда сталкиваюсь с ней в коридоре у палаты Тайлера.

— О, Трей, — плачет она, беря меня за руки и крепко сжимая их. — Мне так жаль, что я серьезно не отнеслась к его зависимости.

— Значит, он намеренно сделал передозировку? — спрашиваю я, — Чарльз что-то говорил про записку.

— Они нашли гидрокодон и всякие странные наркотики в его крови, наряду с более чем пятистам миллиграммами вещества под названием фенобарбитал. Врач сказал, что его уже редко назначают людям. Ветеринары используют этот препарат для умерщвления животных.

Она вдруг снова расплакалась.

— Где же он смог достать нечто подобное? — спрашиваю я, так как до сих пор не могу понять, почему Тайлер намеренно пытался покончить с собой.

— Понятия не имею, но, видимо, некоторые люди используют его от бессонницы, и Ванесса сказала, что у него были серьезные проблемы со сном в последнее время, — сообщает она, качая головой в полнейшей печали.

Пробивая фенобарбитал в поисковике, я вижу, что это препарат может быть использован для анестезии и крайних случаях бессонницы, а также усыплении животных.

Для взрослых указана максимальная доза в размере ста миллиграммов.

— Если он принял пятьсот миллиграмм этого вещества наряду с обезболивающими, то ему повезло, что его нашли еще живым. Он определенно бы умер, — я качаю головой и целую маму в лоб.

— Иди отдохни, я пока посижу с ним некоторое время.

— Ванесса тоже там, — говорит она, прежде чем повернуться и отправиться блуждать по коридору.

Я останавливаюсь перед дверью палаты, закрываю глаза, делаю глубокий вдох. *Кого я пытаюсь обмануть?* Я достаю «Ксанакс» из кармана и кладу таблетки в рот. Я знал, что должен выпить одну по дороге в больницу. Я всегда ненавидел больницы, а сейчас я паниковал из-за того, что мне предстоит увидеть Тайлера в коме и общаться с Ванессой. Мой уровень тревоги зашкаливает. Я делаю глубокий вдох, прежде чем войти в комнату.

Мэнди

— Приготовиться к посадке, — сообщает пилот, и я начинаю морально готовить себя к встрече с моими родителями. Прошло много времени, и я не уверена, легко ли мне будет встретиться с папой и мамой. Я даже не знаю, смогу ли я посмотреть отцу в глаза, отразит ли выражение моего лица мои мысли.

— Здравствуй, дорогая, — говорит он, встречая меня на взлетной полосе. — Когда ты последний раз была дома?

— Привет, пап. Думаю, что на последнее рождество. Я была очень занята, — я тянусь и обнимаю его. — Как мама?

— Она чувствует себя лучше. Оживилась немного после того, как я сказал ей, что ты придешь домой в гости. Она хотела провести немного времени с тобой.

Он хватает мои сумки, и мы направляемся в сторону его пикапа. Он приехал на том же старом сине-белом Шевроле, на котором ездит с тех пор, как мы переехали в штат Теннесси.

— Не могу поверить, это эта штука все еще на ходу, — комментирую я, залезая на пассажирское сиденье.

— Вот дерьмо, едва не сломалась, — говорит он с ухмылкой. — Она проехала только четверть миллиона миль, поэтому у нее еще много лет жизни.

Четверть миллиона миль он мог накатать, разъезжая от побережья до побережья сто раз, но почти все эти мили были наезжены в места, расположенные в пределах пятидесяти миль от дома.

Я смотрю в окно, наслаждаясь живописными видами сельской местности штата Теннесси. Здесь все движется в совершенно ином темпе. Мы пересекаем старый мост, который напоминает мне о ручье, к которому я и мама любили ходить. Надеюсь, что у нее достаточно сил, чтобы отправиться на прогулку, потому что я бы хотела еще раз там побывать.

— Этот месяц выдался жарким и сухим, — говорит папа, чтобы завязать разговор, — Не помешало бы немного дождя для зелени.

— Да, растительность здесь довольно зеленая по сравнению с большинством мест, где я была.

Я смотрю вниз вдоль ручья и обращаю внимание, как красиво сверкает голубая вода на фоне темно-зеленых деревьев.

— Думаю, ты уже забыл, как здесь красиво, — я смотрю на него, чтобы увидеть его

реакцию.

— Красиво, но также чертовки спокойно. Не думаю, что смогу усидеть здесь, когда выйду на пенсию.

Он смотрит на меня с угрюмым видом.

— Ты выходишь на пенсию? — спрашиваю я немного удивленно, так как ему только пятьдесят шесть.

— Нет, мне просто нравится говорить об этом, — он смеется и хлопает по рулю. — Помогает не сойти с ума, ты же знаешь?

— Знаю.

У всех вертятся в голове некоторые вещи, о которых мы думаем или говорим в попытке убедить себя, что в один прекрасный день жизнь станет лучше. Моя любимая, что *однажды я встречу мужчину моей мечты*. Я улыбаюсь, вдруг подумав о том, что Трей легко может быть таким человеком. Конечно, сейчас он, наверное, с Ванессой.

— Как прошла твоя поездка? — спрашивает папа, не позволяя восстановиться молчанию.

— Хорошо, только пришлось ее прервать из-за передозировки Тайлера, — отвечаю я резко.

— Да, это очень плохо. Сначала Виктор был застрелен, теперь Тайлер. Я должен позвонить Сильвии и узнать, как она, — говорит он с задумчивым взглядом на лице. — Похоже, что Трей снова станет подозреваемым номер один, так что все только усложнится.

— Уверена, — я закатываю глаза и смотрю за окно. — Эти гребаные таблоиды. Они просто выдумывают все это дерьмо!

— Они должны продавать журналы, а ничего не продается лучше, чем скандал, — усмехается он. — Особенно если речь идет о богатой семье. Мы все предпочли бы стать свидетелями того, как богачей рубят на куски. Ты ведь знаешь это, как никто другой, верно?

— Думаю, ты прав, — отвечаю я, желая сменить тему. — На оптимистичной волне я выиграла миллион с четвертью евро в казино Монте-Карло прошлой ночью!

Я воспряла духом, внезапно снова переживая острые ощущения от выигрыша всех этих денег.

— Святое дерьмо! Это сколько в долларах? — хрипит папа, и его голос звучит так, словно он по-настоящему поперхнулся.

— Трей говорит, что это будет около полутора миллионов долларов, — воспроизвожу я слова Трея.

— Иисус, это удивительно, девочка! — он качает головой и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Да, Трей и я играли в баккару, и просто выигрывали и выигрывали. Я делала ставки против Томми Фаулера, и мы выиграли три раза подряд. Он был настолько раздражен к концу... это было потрясюще! — объясняю я, по-прежнему упиваясь тем, как он чувствовал себя, когда мы выиграли у него.

— Томми Фаулер, да? Мне очень нравилось его телешоу, — говорит папа со вздохом. — Полагаю, что полтора миллиона долларов не кажутся чем-то существенным для парней вроде них. Трей скоро будет иметь больше денег, чем кто-либо мог бы потратить за десять жизней.

— Не знаю. Мне кажется, что в его жизни было много трудностей с тех пор, как он окончил колледж. Он хотел доказать Виктору, что сможет добиться всего самостоятельно,

но не думаю, что это оказалось так легко, как он надеялся, — рассказываю я ему.

— Все не так просто, тыковка, — отвечает папа, понимающе улыбаясь мне и качая головой. — Мы живем в мире, где каждый готов сожрать другого. Здесь нет места слабым.

— Не думаю, что Трей слабый. Ему просто нужно найти хорошего наставника, — говорю я, думая о том, какое влияние правильный человек может оказать на него. — Он очень скучает по своему дедушке.

— Сейчас он такой же хороший человек, как и его дед. Эти двое были лучшими друзьями большую часть своей жизни, — выражение его лица вдруг меняется и он меняет тему. — Ну вот, мы почти дома, — говорит он, опасаясь, что молчание может привести к уточняющим вопросам.

Я хмыкаю, желая расспросить его о Сильвии. Было бы интересно посмотреть, куда лично я смогу добраться, перед тем как он поймет, что Трей рассказал мне о романе. *Но это было бы ребячеством.*

Мое настроение резко падает при входе в дом, в котором стоит мертвая тишина и темно.

— Она отдыхает, — шепчет папа, сдержанно мне улыбаясь. — Я разбужу ее, а ты пока положи вещи в свою комнату.

Я иду по коридору в мою комнату, которая ничуть не изменилась с последнего моего посещения. На самом деле, она выглядит точно так же, когда я еще училась в школе. Пустая трата пространства, но приятно знать, что у меня все еще есть комната, где я выросла.

— Аманда?

Я слышу слабый хриплый голос мамы дальше по коридору.

— Привет, мам! — я выхожу, чтобы поздороваться с ней и наклониться, чтобы обнять ее. — Ты хорошо выглядишь, — комментирую я, радуясь, что она выглядит лучше, чем я думала, когда разговаривала с ней по телефону.

— Внешность может быть обманчива, — ворчит она, ерзая в инвалидном кресле. — Но думаю, я чувствую себя лучше, чем вчера.

— За последние несколько недель ей пришлось терпеть сильные боли, — добавляет отец, помогая ей устроиться поудобнее.

— Ты голодна? У меня есть парочка стейков, приготовленных на гриле.

— Вы двое можете поесть стейков, меня трясет от них, — говорит мама, сморщив лицо.

— Она не может справиться с тяжелой пищей, — комментирует папа, поворачивая ее кресло в сторону кухни. — Ты все еще любишь стейки, Аманда?

— Люблю. Не думаю, что когда-нибудь он мне разонравится.

Я сажусь за кухонный стол, радуясь, что у меня и мамы будет шанс поговорить, пока отец готовит еду на гриле.

— Я никогда не любила стейки, пока твой отец не начал жарить их, — говорит мама с печалью, отражающейся в ее глазах. — Он действительно хороший человек, Аманда.

Видя искренность на ее лице, я чуть не расплакалась. Я нахожусь в молчаливом замешательстве и мне абсолютно нечего на это ответить. *Почему ей осталась так мало?* Я боролась со своими чувствами с тех пор, как папа меня встретил в аэропорту. До сих пор мне удавалось оставаться сердечной, но я не собираюсь сидеть здесь и притворяться, что он был прекрасным мужем. Мой разум начинает усиленно работать, в то время как мама наклоняется вперед, изучая мое выражение лица.

— Ты ведь знаешь, не так ли? — спрашивает она, и печальная улыбка расплывается на

ее губах.

— Знаю что?

Я не могу понять, неужели я такая открытая. Мне действительно необходимо поработать над непроницаемостью лица.

— Ты узнала про Рея. Я всегда могу сказать, о чем он думает, прежде чем он произнесет слово, — говорит она, ставя свою пустую банку на стол и придвигая свое кресло ближе ко мне. — Уверена, ты заметила, что я не самый любящий человек в мире.

Я чувствую, мое настроение немного поднялось, и я киваю головой в знак согласия. Я всегда любила маму, особенно после приезда сюда, но я часто задавалась вопросом, а любила ли она Дарлу и меня на самом деле или просто терпела нас. Не то, чтобы она была плохой матерью, но она просто вела себя не совсем по-матерински.

— В еще более тяжелом положении находился Рей, — продолжает она. — Я, честно говоря, не обладаю романтической натурой, а он всегда был человеком, кто в этом сильно нуждался, если ты понимаешь, о чем я говорю.

Я чувствую, как к моим щекам приливает кровь, слушая, как она осторожно говорит о половом влечении отца.

— Ты ничего не должна объяснять мне, мама.

— Да, но я хочу, чтобы ты знала всю историю.

Она смотрит в окно, чтобы убедиться, что папа до сих пор занят, прежде чем продолжить.

— Мы привыкли ужинать с Виктором и Сильвией довольно часто, когда жили в городе. Но однажды вечером я заметила взгляд, который твой отец бросал на Сильвию. Я сразу тогда поняла, что он влюблен, потому что это было написано на его лице. Я помню, как молилась, чтобы Виктор не заметил, и он не обратил на это внимания, но у меня не было ни тени сомнения, что между ними двумя что-то происходит.

— Что ты сделала? — теперь мои щеки действительно горят! — Ты ему высказала?

— Нет, — она улыбается и качает головой. — Нет, я, по правде говоря, немного успокоилась. Виктор все время был занят бизнесом, а Сильвия терпеть не могла проводить времени в одиночестве. Мне, с другой стороны, очень нравилось быть одной, поэтому я не возражала, что он приходил домой уже после того, как я уходила спать, — она снова улыбается. — Когда мы только поженились, я даже попытался прочитать некоторые из тех дрянных любовных романов, чтобы выяснить, чего мне не хватало.

Она продолжает качать головой из стороны в сторону.

— Я съезживалась и закатывала глаза, пока, наконец, не решила, что романтика просто не была заложена в моей ДНК. Полагаю, такое случается.

Она пожимает плечами и смотрит в окно.

— Так ты не спросила его об этом?

— Нет. Все были счастливы, так что я не сказала ни слова, — отвечает она, глядя вниз на свои пальцы, которые переплела друг с другом. — Когда родились близнецы, у Рея случился нервный срыв. Он, вероятно, был обеспокоен тем, что у одного из них мог оказаться большой нос или его карие глаза. Вот почему он звонил тебе на днях. Никто и никогда не делал тест на отцовство.

— Ну, ему не придется больше беспокоиться. Трей и я послали образцы ДНК, и выяснили, что мы не в родстве. Так что это было огромным облегчением.

— Хорошо. Он нервничал и вел себя, как кошка на раскаленной крыше с тех пор, как ты

сказала, что тебе нравится мальчик. Я спрашивала его несколько раз, в чем проблема, но он просто отвечал, что ему не нравится, что Аманда болтается возле этого мальчика Эддисона, — она хихикает, — Я хотела спросить его, почему нет, но он бы просто менял тему или находил отговорки.

— Так когда же их отношения закончились?

— Когда Виктор узнал об этом, — говорит она, и на ее лице появляется противоречивое выражение. — Он однажды рылся в старом кедровом сундуке и обнаружил серию открыток и писем от Рея. Это был день, когда весь мир изменился для нас.

— Как долго они встречались друг с другом? — спрашиваю я, пораженная, что веду этот разговор с мамой.

— На протяжении многих лет, — она вздыхает. — Думаю, именно это задело Виктора больше всего. Некоторые послания было до и после рождения мальчиков, что ухудшило ситуацию. Сильвия хотела доказать, что мальчики были его, но он не позволил им пройти тестирование. Не думаю, что он хотел бы рисковать.

— Не могу поверить, что ты все же не развелась с ним, пройдя через что-то настолько травмирующее, — отвечаю я в изумлении. — Не думаю, что я смогла сделать это.

— Мы все были сосредоточены на вас, детях, — говорит она со слабой улыбкой. — Надеюсь, что тебе никогда не придется делать такой выбор.

— Я тоже.

Я встаю со стула, наклоняюсь и крепко ее обнимаю.

— Спасибо тебе за самоотверженность.

Ее глаза подрагивают, как будто слеза где-то внутри попала в ловушку.

— Я сказала ему, что он может уйти, когда ты пошла в школу. Сильвия к тому времени уже была разведена, и я знала, что он будет счастливее в Нью-Йорке.

— Правда? И он не ушел?

Я присаживаюсь обратно, придвигая стул прямо к ее.

— Нет. Он знал, что я не очень хорошо себя чувствую, поэтому захотел остаться и убедиться, что со мной все в порядке, — говорит она с небольшим треском в голосе. — Пару месяцев спустя мне был поставлен диагноз.

— Понятно, — я кладу свои руки поверх ее и нежно поглаживаю. — Я рада, что он остался с тобой. Я бы сильно волновалась, если бы ты осталась здесь в одиночестве.

— Я сказала ему, что могла бы жить у моей сестры и шурина. У них имеется свободная спальня на первом этаже, — она смотрит в окно, заметив какое-то движение. — Ладно, приводим себя в порядок. Он возвращается.

Я встаю и тяну свой стул на другую сторону стола, прежде чем отправиться в ванную. Мне нужно немного прийти в себя до встречи с ним. Я так рада, что она мне рассказала все, иначе я бы, наверное, возненавидела его навсегда.

В конце концов, он, возможно, порядочный человек.

— Приходи и ешь, Аманда, а то остынет, — кричит он из кухни по истечении пары минут.

Мне приходится рассмеяться, когда я иду обратно в комнату, и обнаруживаю стейк на тарелке вместе с вилок и острым ножом. Это, безусловно, мужское видение еды. Увидев мою реакцию, мама дразнит его.

— Ей бы, наверное, понравились, если бы ты подал с ним овощи или, по крайней мере, картофель.

Она прищурено смотрит на папу.

— Прости, я так и не стал лучшим поваром. Как насчет ломтика хлеба и нескольких соленых огурчиков, — говорит он со смехом. — Огурцы богаты витаминами.

— Было бы прекрасно.

Мне следует улыбнуться, когда он идет к холодильнику в поисках разносолов.

— Они прямо перед тобой, Рей, — мама усмехается. — Прямо слева.

— Черт, дальноркость, — папа качает головой и ставит соленья на стол. — Тяжело стареть.

— С тобой была та же самая чертовщина, когда тебе было двадцать пять, — упрекает его мама, ухмыляясь. — Мне кажется, что тестостерон, должно быть, ужасен для твоего зрения.

Улыбка ползет по моему лицу, когда я слушаю стеб между этими двумя. Я прямо могу услышать, как мы с Треем когда-нибудь будем общаться между собой так же. Интересно, как обстоят дела у него? Надеюсь, что Тайлеру лучше.

Трей

Когда я вхожу в палату Тайлера, меня приветствует ритмичный звук аппарата искусственной вентиляции легких, а также писк и стрекот машины, которая контролирует все его жизненно важные органы в режиме реального времени. Тонометр начинает измерять давления, и машина делает еще одну серию звуковых сигналов перед тем, как на экране отображаются результаты. Девяносто шесть на пятьдесят восемь показывает экран. *Ничего себе, кажется давление довольно низкое.*

Я смотрю на Ванессу, сидящую в кресле с закрытыми глазами. Уверен, она не сомкнула глаз всю ночь, но при этом выглядит хорошо. Я присаживаюсь на кресло, расположенное с другой стороны кровати Тайлера, и также закрываю глаза. У нас уйма времени и нечем заняться, так что нет никаких причин ее будить.

— Когда ты сюда пришел? — спрашивает она вскоре после того, как я задремал.

— Буквально несколько минут назад, не хотел тебя будить.

Я встаю, чтобы обнять ее.

— Твой одеколон заполнил пространство и сообщил мне о твоём присутствии, — дразнит она. — Ты можешь поверить в это дерьмо? — спрашивает она, поворачиваясь обратно к Тайлеру.

— На самом деле, нет. Что было в предсмертной записке?

— Полиция передала мне копию, если ты хочешь прочитать ее, — говорит она, подойдя к сумке, чтобы достать бумагу. — По существу, он признается в убийстве отца.

Она протягивает мне записку, и я смотрю вниз на то, что, безусловно, кажется предсмертной запиской, написанной им.

Ванесса, мама и Трей.

Мне так жаль за то, что я сделал.

В то время это казалось правильным.

Но теперь, когда он ушел, я просто не могу жить в мире с самим собой.

Жаль, что меня не будет с тобой рядом, Ванесса.

Трей, я надеюсь, ты будешь с ней рядом.

Мам, прости за все.

*Люблю вас всех,
Тайлер*

Пока я читаю короткую записку, пытаюсь представить, как Тайлер произносит эти слова, но у меня, честно говоря, не складывается картинка. Это не похоже на него. Почерк вроде бы его, но текст записки не свойственен ему. Я вспоминаю день похорон и его дикие обвинения. В то время у меня было такое ощущение, будто он был как-то зациклен на мне, но я, по правде сказать, не верю, что он мог бы на это пойти.

— Он этого не делал, — раздается голос мамы сзади меня. — Ни один из моих мальчиков не может быть ответственным за такое зверство.

Она забирает записку из моей руки и изучает ее, как будто видит впервые.

— Я сказала им, чтобы эту записку изучил эксперт. Уверена, что они обнаружат, что это подделка. Невозможно, чтобы мой мальчик убил отца, а затем пытался покончить жизнь самоубийством. У него было ради чего жить.

Она начинает рыдать, пока подходит к постели, берет его за руку и поднимает ее к своему сердцу.

— Я знаю, что ты еще там, малыш. Возвращайся, и я обещаю тебе, что мы все уладим.

Я оборачиваю руку вокруг плеч мамы и обнимаю ее, чтобы поддержать.

— Согласен с тобой, мама. Что-то здесь нечисто. Я знаю, что он был недоволен и боролся с болеутоляющими, но невозможно представить, чтобы это было правдой.

Ванесса делает мне знаки глазами и кивает головой, подавая мне сигнал, чтобы я присоединился к ней в коридоре. Я похлопываю маму по спине и делаю шаг назад, чтобы присоединиться к Ванессе за дверь.

— Это честно, первое, что хотя бы как-то объясняет то, что произошло в прошлом месяце, — шепчет она, а глаза умоляют, чтобы ее кто-то выслушал.

— Я знаю, ты говорила, что он был странным в последнее время, но полагаю, что, по правде сказать, понятия не имею, что происходило между вами, — отвечаю я, ища на ее лице улики.

— Он был так зол, и казалось, будто не мог находиться со мной в одной комнате. Я пыталась поговорить с ним об этом, но он бы не вылез из панциря и все равно бы не сказал, что его беспокоит. Ты знаешь, какой он, Трей.

Ванесса тянет меня дальше по коридору прочь от дверного проема палаты Тайлера.

— Я знаю, что он никогда не умел совладать со своими эмоциями. Он так и не может справиться с той болью, когда понял, что не сможет больше играть в мяч в колледже, — говорю я соответствующе, желая увидеть, куда приведет нас этот разговор.

— Он распалился гневом на Виктора, из-за того, что тот согласился сделать Томми генеральным директором компании. Он утверждал, что у него имеются какие-то доказательства, что тот мошенник и что его компании были не столь успешны, как он изображал на своем ТВ-шоу, — она прикусывает губу, и вдруг у нее появляется взгляд, будто она сожалеет, что поделилась со мной этой информацией. — Я не знаю, имеет ли это отношение к чему-либо из этого, но несколько дней назад он был очень расстроен.

— Да, Томми разыскал меня в Монако, чтобы позлорадствовать по поводу того, что теперь он будет генеральным директором и будет контролировать право голоса на наши акции компании. Я могу понять, отчего у Тайлера снесло крышу. Он никогда сильно не любил Томми.

— Знаю. У меня было чувство, когда он ушел, что произойдет что-то плохое. Кто-то позвонил ему на телефон, и в течение нескольких минут у них был серьезный спор из-за Томми. Я пыталась его успокоить, но он оттолкнул меня в сторону и вышел с телефоном в коридор, — объясняет она, медленно качая головой из стороны в сторону, и глядя немного растерянно. — Когда все стихло, я вышла поговорить с ним, но он уже исчез.

— Нам нужно выяснить, кто ему звонил. Ты рассказала полиции о телефонном звонке? — спрашиваю я, стремясь сделать так, чтобы расследование двигалось в новом направлении.

— Нет. Я все еще находилась в шоке, когда они были здесь, но я позвоню им утром.

— У тебя есть их визитная карточка? Еще не поздно набрать их прямо сейчас, — я смотрю на часы, чтобы уточнить время. — Все мы знаем, что парень может покинуть город.

— Я принесу их карточки, — бормочет она, возвращаясь обратно в палату Тайлера.

— Подожди, есть еще одна вещь, которая беспокоит меня, — я повернулся к ней лицом и понизил голос. — Он оставил на моем автоответчике сообщение о том, *что гребаный Томми сначала Ванессу, а сейчас компанию*. Сразу после этого я услышал, как он и его телефон упали на пол. Что он имел в виду, говоря про «сначала Ванессу»?

Ее глаза тут же расширяются, и цвет сходит с ее лица.

— Я... понятия не имею. Может потому, что мы встречались в школе? Я не знаю, Трей. Он просто ненавидит Томми, — заявляет она холодно, снова поворачиваясь лицом к палате Тайлера.

Следя взглядом за ее возвращением в палату, я начинаю осознавать, что она больше не та девушка, которую я полюбил много лет назад. Что-то изменилось. Я знаю, что у нее были трудные времена, ей приходилось иметь дело с перепадами настроения Тайлера и его наркоманией, но она не проронила ни одной слезинки с тех пор, как я приехал. Например, с другой стороны, мама находится в плачевном состоянии. *Мне необходимо отправить этих двоих домой, чтобы немного отдохнуть.*

Глава 8

Трей

Сидя и слушая пикание системы жизнеобеспечения Тайлера, через двадцать минут я уже сожалею о том, что отослал маму и Ванессу домой. Поскольку в больнице мне всегда не по себе, то, вероятнее всего, я не засну сегодня. Для меня становится приятным отвлечением медсестра, которая входит в дверь, чтобы проверить его.

— Привет, я его брат близнец, Трей, — говорю я ей, поднимаясь с кресла.

— Ладно, на секунду вы меня напугали. Вы двое действительно выглядите одинаково, — хихикает она.

— Как у него дела? — спрашиваю я, обеспокоенный тем, что он не проявляет никаких признаков жизни.

— Ну, его держали на Налоксоне (*прим. пер. антагонист опиоидных рецепторов*), сколько могли, но вопрос лишь в том, какой урон уже был нанесен. Невролог сказал, что ЭЭГ выглядела довольно неплохо, — отвечает она, проверяя все его характеристики. — Его кровяное давление все еще возвращается к нормальному.

— Обычно люди выздоравливают после такого? — спрашиваю я, ища заверения.

Тот факт, что он даже не продемонстрировал признаков жизни с тех пор, как я приехал,

вызывает у меня чувство тошноты.

— Ну, его мозг функционирует, и жизненные показатели улучшаются, я думаю, он имеет довольно неплохой шанс. Врач должен подойти в ближайшее время, он сможет дать вам лучшее представление о том, чего ожидать.

Она вежливо улыбается и приступает к записи нескольких вещей в его карте.

— Я могу вам чем-то помочь? — спрашивает она, прежде чем покинуть комнату.

— Нет, я в порядке.

— В конце коридора есть гостиная для членов семей, если вы захотите выпить чашечку кофе или перекусить, — добавляет она, прежде чем закрыть дверь.

— Спасибо.

Я поворачиваюсь к кровати и просто смотрю на Тайлера. Несмотря на то, что у нас были взлеты и падения, только тот, кто является близнецом, может понять связь между нами. Я беру его за руку и приподнимаю ее с постели. Это так странно, что его рука полностью безжизненна.

— У нас с тобой до сих пор особая связь, брат, — говорю я ему, несмотря на то, что он, несомненно, не может услышать меня. — Когда я увидел эти сообщения от тебя, я почувствовал что-то неладное. Мне жаль, что я не прослушал их сразу. Я просто не хотел иметь дело с плохими новостями.

Мой телефон вибрирует, я его вынимаю и вижу сообщение от Мэнди.

Мэнди: Как там дела?

Тре́й: Тайлер все еще без сознания, но они надеются.

Мэнди: Как насчет твоей мамы и Ванессы?

Тре́й: Мама в плохом состоянии. Я отправил их обеих домой отсыпаться.

Мэнди: Так ты там в одиночестве?

Тре́й: Да, но тут много людей, которые приходят и уходят.

Мэнди: Жаль, что меня там нет.

Тре́й: Мне тоже.

Мэнди: Постарайся поспать.

Тре́й: Ты тоже. Буду держать тебя в курсе.

Мэнди: Целую-обнимаю.

Тре́й: Чмоки-чмоки.

После нашего обмена сообщениями, я опешил от сильного чувства тоски внутри меня. Я хочу, чтобы она находилась здесь со мной прямо сейчас, больше, чем когда-либо. Смотрю на часы и понимаю, что прошло всего четыре часа с тех пор, как мы расстались в аэропорту, но мне кажется, что намного дольше. Я сижу в кресле и думаю о невероятном сексе, который был у меня с ней во время нашего обратного рейса. Полагаю, что это был пик моей сексуальной жизни до настоящего времени. Черт, мысли об этом не помогут мне заснуть. Дверь внезапно открывается снова, напугав меня. Я быстро передвигаюсь на стуле, чтобы скрыть любые доказательства возбуждения, спровоцированного моими мыслями.

— Мистер Эддисон? — спрашивает меня сотрудник полиции.

— Да, — отвечаю я, осторожно поднимаясь с кресла.

— Подозрения вашей матери подтвердились, — начинает он. — Предсмертная записка не была написана вашим братом. Тот, кто написал ее, очевидно, имел доступ к образцу его почерка.

— Я знал, что эта записка написана не им, — отвечаю я, подтверждая свои подозрения.

— Спасибо, кстати, что позвонили и сообщили, о чем Ванесса не рассказала нам, — говорит он, открывая приложение на своем iPad. — Она знает имя звонившего?

— Не думаю. Она слышала разговор только с одной стороны, но Ванесса сообщила, что обстановка накалилась практически сразу же.

Я напрягся и потер шею сзади, которая затекла от того, что мне много пришлось сидеть в последнее время.

— Вы знаете, кто это был? — спрашивает он многозначительно.

— Откуда мне знать? — спрашиваю я, совершенно растерявшись от этого вопроса офицера.

— Ладно, я общался по телефону с детективом Келли. Вы все еще находитесь под следствием из-за смерти вашего отца, а теперь еще и ваш брат чуть не погиб, — отвечает он со стальным блеском в глазах. — Если бы ваш брат погиб, то вы остались бы единственным наследником всего состояния.

— Эй, — отвечаю я, и колесики в моих мозгах моментально начинают крутиться. — Меня не волнует, что я унаследую. Даже близко нет, чтобы я мог кого-то убить, особенно отца и брата!

Я делаю шаг назад, испытывая потрясение от его обвинения.

— Ну, большинство преступлений, подобных этому, совершаются близкими родственниками, которыми движет жадность, — офицер продолжает говорить, но в моей голове уже крутится миллион разных мыслей. — Я не вижу никакого мотива, чтобы Ванесса действовала в одиночку, поскольку они были обручены, — заключает он и только тишина заполняет пространство между нами.

— Ванесса сказала, что он спорил с абонентом о Томми Фаулере. Это не имело ничего общего со мной! — я возражаю после того, как мои мысли начинают проясняться. Кажется, это очевидный сбой в его неприятной теории.

— Это то, что она говорит, — он посылает мне тревожный взгляд. — Между вами и Ванессой есть история?

Его вопрос едва не заставляет мой желудок сжаться и вытолкнуть все его содержимое наружу. Я по-настоящему чувствую резкий всплеск кислоты, которая поднимается до моего горла. Я гляжу на него в полном недоумении, ошарашенный его вопросом. *Неужели он подумал, что между Ванессой и мной может существовать какой-то сговор?*

— Нет! — выпаливаю я. — Я хочу сказать, что мы старые друзья, которые вместе росли, но она была с Тайлером в течение многих лет.

Я протягиваю руку и позволяю себе рухнуть обратно в кресло.

— Вы в порядке? — спрашивает он, глядя на меня с беспокойством.

— Да, только у меня был адский день, а теперь меня обвиняют в попытке убийства моего брата.

Я провожу рукой по лицу, и капли пота падают на колени.

— Кажется, вы сильно перенервничали, — произносит он, видя, как пот капает с моего лица. — Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Я страдаю от беспокойства и у меня были самые напряженные две недели, какие кто-либо только мог себе представить. Кроме того, больницы заставляют меня испытывать клаустрофобию. Так что нет, я, наверное, не в порядке.

Я тянусь в сторону, беру бумажное полотенце и вытираю пот с лица и лба. — Я просто

не могу поверить во все это дерьмо.

— Мне очень жаль, Трей, но нам нужно оценить, являетесь ли вы угрозой для безопасности вашего брата или нет, — добавляет он, заставляя меня вдруг осознать, что они обеспокоены тем, что я нахожусь с Тайлером наедине в комнате.

— Серьезно? — я задыхаюсь, закрывая глаза и откидывая голову назад к стене. — Я не имею ничего общего с этим. Не могу поверить, что вам пришло это в голову.

— Ну, во-первых, Ванесса не слишком расстроилась, когда мы ее допрашивал. Это, как правило, является ярким сигналом, — объясняет он.

— Согласен, — отвечаю я. — Я подумал то же самое. Мама была сегодня не в себе, а Ванесса казалась слегка равнодушной ко всему.

— Потом, когда я разговаривал с детективом Келли, он упомянул, что вы привели на похороны своего отца девушку, очень похожую на Ванессу, — добавляет он, и мой желудок тут же пронзает боль. — Он сообщил, что несколько человек, присутствовавших там, высказали ему свои соображения по поводу того, что это сходство было довольно сильным.

Он делает паузу, очевидно, ища подсказки в моей реакции на его заявление.

— Я больше не скажу ни слова, не посоветовавшись предварительно со своим адвокатом.

Я прохожу мимо него и выхожу в коридор, пытаюсь отдышаться.

— Ваш отец собирается переписать завещание, и он умирает. Ваш брат хочет жениться на женщине, которую вы всегда любили, и кто-то пытается покончить с ним, — размышляет он вслух, выходя за мной из палаты. — В конце концов, вы и Ванесса сходитесь и делите все состояние между собой.

Он пристально смотрит на меня, я разворачиваюсь на каблуке, внимательно глядя на него.

— Я не могу позволить вам остаться здесь сегодня вечером без присмотра, — добавляет он через несколько секунд.

— Понимаю. Я отправлюсь к матери и завтра первым делом пообщаюсь со своим адвокатом, — говорю я ему быстро. — Я не убивал своего отца, и не был ни в каком сговоре с Ванессой. Я больше ее не люблю.

— Если это правда, то могу ли я посмотреть ваш телефон, — спрашивает он, вызывая во мне еще одну ударную волну, отрывающуюся по всей моей нервной системе.

Я быстро просчитываю в мозгу, сколько раз она позвонила мне и отправила текстовые сообщения. Некоторые из смс легко могут быть истолкованы неверно. Твою мать!

— Первой вещью, которую я сделаю с утра, это поговорю с моим адвокатом, и тогда я предоставлю вам все, что необходимо, — говорю я ему с полной искренностью.

— Это именно то, о чем я думал, — он проводит по iPad дважды руками и добавляет. — Не покидайте город в течение следующих нескольких дней. Это лишь начало расследования.

— Я хотя бы могу попрощаться со своим братом? — спрашиваю я, оглядываясь в сторону его палаты.

Коп смотрит на меня с сомнением и кивает в сторону лифта.

— Он стабилен. Вы можете видеть его утром.

Я достаю свой телефон, чтобы сообщить Тони, что мне нужно ехать домой к маме. Я подслушиваю, как офицер говорит медсестре в регистратуре, чтобы мне не разрешали никакого свободного посещения. Я должен злиться, но только чувствую себя больным.

— Будем в контакте, мистер Эддисон, — говорит он, кривя губу, когда заходит в лифт и

двери начинают закрываться за ним.

Я делаю два быстрых шага, чтобы добраться до лифта, пока не закрылись двери.

— Вы не найдете никаких доказательств, связывающих меня с каким-либо из преступлений, потому что я не имел ничего общего с этим!

Я стою к нему лицом к лицу, пока лифт не издает сигнал, что двери не закрывались в течение длительного времени.

— Вы тратите время впустую вместо того, чтобы найти, кто на самом деле стоит за этим!

— Как я уже сказал, сэр, это только начало расследования, — произносит он с вызывающим взглядом. — Буду на связи, — добавляет он, когда двери снова начинают закрываться.

Я снова останавливаю закрывающиеся двери.

— Кто-то должен остаться с ним, пока мама не сможет приехать сюда. Я не оставлю его здесь одного.

— Через сколько она прибудет? — спрашивает он, видимо, поняв мое беспокойство.

— Я позвоню ей сейчас, поэтому, наверное, через двадцать минут.

Я разблокирую свой телефон и набираю ее номер.

— Я могу посидеть здесь, пока она не появится, — отвечает он, выходя из лифта и направляясь обратно в палату Тайлера.

Я поворачиваюсь и смотрю на сестринский пост, где старшая медсестра устремила на меня взгляд. Я просто пожимаю плечами и качаю головой. Это не стоит затраченных времени и сил, которые потребуется, чтобы все ей объяснить. Я протягиваю руку и нажимаю на кнопку лифта, надеясь, что мама услышит телефон и снимет трубку.

Мэнди

Чувство неловкости накрывает меня, когда я лежу в своей старой кровати. «*Просто расслабься, все наладится*», — говорю я себе. Тот факт, что мама болеет и папа страдает в браке с нелюбимым человеком все эти годы, достаточен, чтобы сделать меня больной. Кроме того, я могу судить по молчанию моего телефона, что Трей вернулся в мир дерьма. Я испытываю желание позвонить ему, но не хочу беспокоить его, если он находится в больнице. Я переворачиваюсь на бок и пытаюсь вытолкнуть все мысли из головы.

После нескольких попыток сосредоточиться на том, чтобы расслабиться, я протягиваю руку и достаю телефон из тумбочки. *Я жалка*. Нажимаю на последний разговор с ним и читаю сообщения, которыми мы обменялись. Вдруг мой телефон вибрирует и в нижней части экрана появляется значок, что пришло новое сообщение.

Трей: Позвони мне, если еще не спишь.

Огромная улыбка расплзается на моем лице, мое настроение меняется. Я нажимаю на телефон и выбираю его имя.

— Что делаешь? — спрашивает он страстным голосом, от которого у меня бегут по коже мурашки.

— Просто лежу в постели и думаю о тебе, — отвечаю я, пока мои губы расплываются еще больше.

— Я тоже думаю о тебе. Удалось поговорить с отцом? — спрашивает он, и кажется, что он как-то нетерпелив, сразу переходя к делу.

— Нет. Но мама и я беседовали почти всю ночь, и она знает обо всем. На самом деле,

она сказала, что твой отец нашел карточки и принял к сведению, что мой папа посылал их Сильвии. Вот как он узнал о романе.

— Правда? — спрашивает он, его голос оживляется.

— Да, он нашел их в сундуке из кедра вместе с дневником твоей матери, — говорю я ему, радуясь, что могу поделиться потенциально хорошей новостью с ним.

— Хорошо, я проведу ночь в ее доме, — объясняет он. — Она возвращается в больницу, чтобы остаться с Тайлером, так как полицейские относятся ко мне, как к подозреваемому по его делу тоже.

— Что они делают? — его заявление буквально взрывает мой мозг. — В это время ты даже не находился в стране!

— Знаю, но это не имеет значения. Я был здесь на прошлой неделе, так что у меня имелась возможность все организовать наподобие того, как произошло с отцом. Кажется, они думают, что я отправляюсь в путешествие, когда мне требуется алиби.

Он замолкает, и я могу представить, что он сейчас качает головой.

— По словам полицейского, их последняя версия, что Ванесса и я сговорились, чтобы унаследовать все состояние отца. Мне даже страшно выйти в интернет. Уверен, TMZ и Enquirer уже во всю пишут об этом.

— Мне очень жаль. Ты говоришь так изнуренно, — отвечаю я, полностью ощущая его боль. — Мне жаль, что я ничего не могу сделать, чтобы помочь тебе.

— Ладно, будь добра спроси свою маму, есть ли у нее какие-либо письма или открытки, которые можно отправить Юргену, и я поступлю точно также.

— Я узнаю у нее утром. Я думала об этом сегодня вечером, но не смогла придумать хороший повод, чтобы обратиться к ней с этой просьбой, — отвечаю я ему честно. — Я не хотела рассказывать ей всю историю о торговле инсайдерской информацией.

— Логично. Просто спроси ее, находила ли она когда-либо какие-нибудь письма от моей мамы твоему отцу. По крайней мере, ты будешь знать, существуют ли документы, которые следует искать, — говорит он, и из его уст это звучит так, как будто все просто. — Ты можешь поискать их, когда она будет в ванной или где-то еще.

— Хорошо, я постараюсь и посмотрю, что найду, — соглашаюсь я, хотя понимаю, что будет неловко, если мама застанет меня. — Я дам тебе знать, если найду.

— Я тоже поищу. Спокойной ночи, Мэнди. Ты, должно быть, тоже сильно утомилась, — вздыхает он в трубку.

— Знаю. Я слишком устала, чтобы спать, мои глаза просто горят.

Я поворачиваюсь на спину и закрываю их, довольная тем, что просто слушаю его дыхание.

— Когда все это закончится, ты и я отправимся на отдых твоей мечты, — говорит он, возвращаясь назад к своему фирменному страстному тону.

— Я буду настаивать на этом, — отвечаю я, хихикая. — А пока тебе необходимо держаться подальше от Ванессы!

— Я полностью покончил с Ванессой. Я хочу, чтобы ты мне поверила, — отвечает он с такой напряженностью в голосе, которую я раньше ни разу не слышала у него.

— Я начинаю верить в это. Возможно, — я делаю паузу, ожидая, какой ответ смогу получить от него.

— Мне ненавистно, что приходится говорить это по телефону, но я довольно сильно влюбляюсь в тебя, — произносит он, почти извиняющимся тоном. — Я уже скучаю по тебе.

— Не переживай, потому что я тоже скучаю по тебе, — признаюсь я. — Я начала скучать по тебе через десять минут, как только села на свой рейс.

— Хорошо, это заставляет меня чувствовать себя лучше, — говорит он задумчиво. — Как твоя мама?

— Слаба, но мы, правда, провели вместе хороший вечер. Казалось, она была очень рада меня видеть на этот раз, — у меня перехватывает дыхание только от того, что я думаю об этом. — Знаешь, что действительно странно? Она в курсе измены. Она, видимо, знала все это время.

Я начинаю делиться всеми грязными подробностями нашей беседы и то, как она попросила меня, чтобы я не закрывалась по отношению к отцу.

— Я рад, что вы все же поговорили. Это, безусловно, поможет в твоих отношениях с отцом. А теперь пора спать, — говорит он, явно заметив мое слишком эмоциональное состояние.

— Хорошо. Я рада, что ты позвонил.

— Я тоже. Спокойной ночи, Мэнди.

Я смотрю на телефон, и на нем видно, что вызов завершен. *Он влюбляется в меня.* Это круто. Я продолжаю пялиться в телефон, пока экран не становится черным. Внутри себя я ощущаю теплое покалывание, которое только Трей может вывести на поверхность. Это то, о чем я даже не подозревала до той ночи, пока мы впервые не занялись любовью. Я думала, что дело в его прикосновении, но, кажется, это чувство легко преодолевает расстояние в тысячи километров между нами. *Это удивительно.* Я закрываю глаза и засыпаю, крепко держа телефон в своей руке.

Глава 9

Трей

Дернувшись во сне, я тут же просыпаюсь. Часы показывают 3:59 утра, и я понимаю, что, скорее всего, мне больше не удастся уснуть. Я перебираю свою сумку в поисках «Ксанакса», и, найдя его, кладу в рот в надежде, что он достаточно быстро подействует, и я смогу немного отдохнуть. Мой адвокат появится только через четыре часа, так что мне, по правде сказать, пока нечем заняться. Я решаю отправить маме сообщение, так что, будем надеяться, что телефон находится при ней.

Я: *За ночь что-нибудь изменилось?*

Она отвечает сразу, и мне становится ясно, что она не спала.

Мама: *Нет. Я, правда, беспокоюсь о нем. Его давление перестало расти.*

Я: *Пока он стабилен, с ним, наверное, все в порядке.*

У меня нет оснований полагать, что я просто отписываюсь, но мне хотелось ее как-то утешить. Уверен, что Тайлер удастся пережить детоксикацию организма от обезболивающих, которыми он пичкал себя последние несколько лет. Это не способствует его выздоровлению. Я очень надеюсь, что на этот раз он приложит усилия, чтобы избавиться от них полностью, если не для себя, то хотя бы ради Ванессы.

Мама: *Ты вернешься?*

Я: *Да, но после того, как поговорю со своим адвокатом. Ты должна будешь быть там со мной. Они не позволят мне остаться наедине с ним в комнате.*

Мама: *Это какое-то безумие. Приезжай, когда сможешь.*

Я знаю, что это плохо, что мама сидит там одна-одинешенька, поэтому я быстро отправляю сообщение Ванессе, чтобы узнать, не может ли она посидеть с ней. Через десять минут ожидания ответа от нее, я сообщаю Ванессе, что приеду сам, и что она приходила, когда сможет.

Прежде чем покинуть дом, я решаю, что это может оказаться моим последним шансом заглянуть в мамину шкатулку из кедра, поскольку Чарльз храпит так громко, что я мог бы использовать его вместо устройства мониторинга. Я проскальзываю в спальню мамы и включаю свет, радуясь, что она и Чарльз не живут в одной комнате. На шкатулке лежат несколько стопок писем, поэтому я быстро перемещаю их на кровать и осторожно открываю крышку. После того как я откладываю несколько фотоальбомов, я натываюсь на ее дневник, и под ним оказывается стопка писем и открыток, аккуратно перевязанные с двух сторон резинками. *Бинго!*

Я быстро просматриваю их и нахожу открытку, датированную примерно за год до моего рождения. Рэй послал ее маме с Гавайев, но в тексте нет ничего романтического. Я предполагаю, что он был осторожен, поскольку такую открытку мог прочитать любой. Но прямо под ней находится письмо. Я быстро открываю его и пробегаюсь глазами по тексту. Рэй написал его в то же самое время, пока находился на Гавайях, и в письме он рассказывает ей о том, как ему одиноко без нее. Хотя Мэгги и Дарла были в это время с ним, он не мог перестать думать о своей любви. *Если папа прочитал что-то в этом роде, то я могу понять, почему он был так опустошен.*

Мое сердце опускается, как только я читаю текст, написанный чуть ниже. Я не знаю, зачем он написал так много такого, но, видимо, было проще написать, чем позвонить по телефону. Все это происходило до того, как стали популярны мобильные телефоны, так что ему, наверное, приходилось разговаривать по телефону либо из дома, либо на работе. Я вдруг представляю себе, как они звонят друг другу в оговоренное время. Это дает мне новое понимание того, как жизнь изменилась в цифровую эпоху.

Я забираю три письма из пачки, охватывающей целое десятилетие. В одном из них Рэй предлагает сделать тест на отцовство, чтобы установить, кто же является нашим настоящим отцом: он или Виктор. *Бинго!* Я собираюсь сделать с них копии и переправить их Юргену после обеда. Надеюсь, Мэнди сделает то же самое, чтобы мы могли отместить часть их косвенных улик против меня.

У меня на нервной почве урчит желудок из-за того, что, возможно, сейчас все зависит от того, будет ли найден настоящий виновник. Полицейские и ФБР просто пытаются связать меня с тем, кто совершает эти преступления. Мой желудок снова урчит, давая мне знать, что следует перекусить по дороге в больницу. Будет еще один длинный день. Я посылаю Тони сообщение, давая ему понять, что хотел бы вернуться в больницу, как только он появится.

~~~

— Доброе утро, мама. Я принес тебе завтрак.

Я протягиваю ей коробку с бутербродом с ветчиной, яйцом и сыром на свежеспеченном круассане и ванильный латте.

— Ммм, спасибо. Все очень вкусно пахнет.

Она улыбается мне, но глаза наполнены болью.

— Тони поднялся с постели, чтобы принести тебе это?

— На самом деле, я думаю, что он спал в машине.

Я открываю коробку и достаю бутерброд.

— Он хороший человек, — размышляет она, потягивая свой латте. — Если бы я была на двадцать лет моложе.

— Эй, женщины, предпочитающие молодых мужчин, сейчас в моде. Особенно те, у кого, как у тебя, имеются деньги, — дразню я ее. — Вместо того чтобы выходить замуж за старого пердуна.

— Веди себя прилично.

Она бросает на меня злой взгляд.

— Чарльз — хорошая компания для меня.

— Понимаю, мам.

Я ухмыляюсь и отпускаю ее.

Пока мы в тишине едим наши бутерброды, Тайлер вдруг выпускает вполне определенный стон. Мы оба бросаем взгляд друг на друга, и одновременно вскакиваем с наших мест. Его глаза все еще закрыты, но есть определенное движение в правой руке.

Мама сразу же тянется к нему.

— Тайлер, ты здесь?

Он издает еще один стон и сжимает немного ее руку, прежде чем в комнате вновь воцаряется тишина.

— Думаю, это хороший знак, — уверяю я ее, пока она целует его руку и пристально на него смотрит.

— Это отличный знак! — отвечает она, и слезы появляются в уголках ее глаз.

— Ты видел, как он сжал мою руку?

— Видел. Он также попытался открыть глаза.

Я протягиваю руку и своими кончиками пальцев провожу по его лбу.

— Его веки дрожали.

— Он выживет, — она улыбается, продолжая крепко сжимать его руку.

Мэнди

После сна, который, как мне показалось, длился несколько часов, я, наконец, прихожу в себя. Первое, что замечаю, я лежу на чем-то жестком и неудобном. Я поворачиваюсь на бок и растягиваю позвоночник, рыщу в поисках телефона. Я поворачиваюсь на спину и снова пытаюсь растянуть застывшие мышцы позвоночника.

Я протерла глаза, окончательно избавляясь от сонного состояния, и нажимаю на кнопку питания телефона. *Боже мой*, сейчас 9:49. Не могу поверить, что я спала так долго. Я про себя отмечаю, что сегодня пятница, и неделя уже пронеслась. Я пытаюсь сесть, потираю свое лицо обеими руками в попытке окончательно проснуться. Я немного удивлена тем, что от Трея нет вестей, но полагаю, что он не хотел рисковать и разбудить меня. В доме полнейшая тишина, за исключением поскрипывания старых половиц под моими ногами. Когда я выхожу в коридор, то заглядываю за угол, но везде тишина. Я прохожу через кухню и захожу в спальню мамы, но и здесь никого нет. Возможно, мама сейчас на приеме у врача или что-то в этом роде.

Я прохожу в угол их спальни, к старому отцовскому бюро с выдвигающей крышкой, и откидываю ее назад. Перед моими глазами открывается большой ассортимент бумаг. Я открываю небольшой деревянный ящик на правой стороне, чтобы найти его чековую

книжку. Я открываю другой ящик, который выглядит так, как будто здесь скопилась куча неоплаченных счетов. Затем перехожу к большому нижнему ящику, который заполнен папками. Я сразу же тянусь рукой к толстой, немаркированной папке в самой глубине ящика, которая бросилась мне в глаза. Пока я, сидя на коленях, достаю папку, я думаю о том, что мужчины так предсказуемы. Мне смешно, что отец создал отдельный почтовый ящик в городе, чтобы получать письма от нее, а потом хранил их в таком явном месте. Неудивительно, что мама знала о его романе.

Мое сердце печалится за нее, пока я просматриваю открытки и письма от Сильвии, которые папа получил все эти годы. Оказывается, переписка приостановилась на несколько лет, но после развода Сильвии началась снова. В одном из писем она четко говорит, что у нее имеется компаньон по имени Чарльз, но между ними совершенно платонические отношения, и они спят в разных спальнях.

В конце каждого письма она рассказывает ему, как сильно она любит его и желает, чтобы с мамой все было хорошо. *У этих двоих такие противоречивые отношения.* Я выбираю три случайных письма, одно сверху, одно из середины и одно снизу. Это было легко. Я достаю большой манильский конверт из соседнего ящика и пробегаюсь по тексту. Беру свой телефон и посылаю Трею сообщение, что письма у меня, и спрашиваю адрес Юргена.

Я прогуливаюсь по кухне и начинаю наливать себе чашку кофе, когда мой телефон начинает звонить. Гляжу на экран, и вижу, что это отец.

— Вы, ребята, бросили меня, — дразню я его, отвечая на звонок.

— Дорогая, тебе лучше приехать в больницу, — его голос дрожит, пока он говорит. — Твоя мать плоха.

— О Боже, она в порядке? — спрашиваю я, чувствуя себя застигнутой врасплох.

— Нет. Ты должна приехать и увидеться с ней прямо сейчас.

Он замолкает, как будто размышляет о чем-то.

— Возьми кабриолет своей матери, он в гараже.

— Хорошо, я сейчас оденусь и приеду.

Я бегу в свою спальню, бросая конверт на кровать, открываю шкаф, чтобы найти что-нибудь из моей старой одежды. *Не могу поверить, что это происходит на самом деле!*

Я чувствую себя полностью оцепеневшей, пока открываю двери гаража и сажусь на сиденье ее старого любимого кабриолета. Мне кажется, что, в конце концов, все неважно. Разногласия, обиды или маленькая вмятина, сделанная моей сестрой на переднем крыле. Дерьмо, мне нужно позвонить ей. Я прокручиваю свои контакты и набираю ее.

— Я только что разговаривала по телефону с папой, — говорит Дарла, даже не поздоровавшись.

— Ладно, я просто хотела убедиться, что ты знаешь, — отвечаю я, пытаюсь быть сильной. — Мы вчера очень хорошо поговорили.

— Здорово. У нас с мамой около месяца назад состоялся разговор, когда дети и я были дома, — она делает паузу, как будто ее застали в середине какого-то дела. — Я собираю ребят, и мы выезжаем. Мы будем там где-то через час.

— Ладно, езжай осторожно, — говорю я ей, зная ее послужной список.

— Увидимся в больнице.

— Пока, — говорит она, прежде чем на линии воцаряется тишина, и мысли вновь наполняют мой разум. Не могу поверить, что это происходит. Я так рада, что вчера приехала

домой. Я бы никогда не простила себе, если бы не получила шанс поговорить с ней в последний раз. Я заезжаю на пустое парковочное место и бегу в больницу.

— Мэгги Грейсон, — говорю я администратору, почти задыхаясь.

— Номер одиннадцать, в конце зала, — сообщает мне она, и в ее глазах видно сострадание. Я уверена, что она, сидя в этом кресле, видит немало боли.

— Она не спит? — спрашиваю я отца, встретившись с ним в дверях.

— Да, она хочет тебя видеть.

Слезы тут же вырываются из моих глаз, как только я вижу ее на больничной койке. Она выглядит такой уставшей и слабой.

— Ладно, милая, — шепчет она, закрывая глаза, как будто сопротивляется своим собственным слезам. — Мне жаль, что мы не доберемся до ручья.

Мое тело сильно трясет, я начинаю разваливаться на части. Хотя она и не самая любящая мама в мире, но у нас действительно с ней было много хороших моментов.

— Все хорошо, я просто хотела провести еще один день рядом с тобой, — мне удается прошептать ей.

— У нас с тобой много хороших воспоминаний, — говорит она, а слезы катятся по ее щеке. — Я хочу, чтобы ты развеяла мой пепел под большим дубом.

— Хорошо, мама, — обещаю я ей и целую в лоб.

Она глядит на меня, пожалуй, самым любящим взглядом, который я у нее когда-либо видела, а потом закрывает глаза. Я сжимаю ее руку в своей, точно зная, что произойдет дальше.

— Не хочешь ничего ей сказать? — обращаюсь я к отцу, пытаюсь избежать полного краха.

— Мы попрощались раньше, когда ждали, пока ты доберешься сюда, — говорит он с наполненными сострадания глазами. — Все хорошо. Она страдала в течение длительного времени.

Папа и я сидим рядом с ее кроватью и ведем светскую беседу, параллельно наблюдая за мамой и слушая звуковые сигналы мониторов. Спустя почти сорок минут, распахивая дверь, входит Дарла,

— Как она? — спрашивает она с расстроенным выражением на лице.

— Она все еще дышит самостоятельно, — отвечает папа. — Вы посидите здесь, а я пойду присмотрю за детьми. Думаю, что они слишком малы для этого.

Дарла берет маму за руку и говорит:

— Мама, ты меня слышишь?

Ее веки дергаются, но ответа не следует. Дарла улыбается ей с грустью и садится на стул рядом со мной.

— Тебе повезло, что ты успела увидеться с ней, — шепчет сестра. — В прошлые выходные она была плоха.

— Да, что-то подсказало мне, что я должна вернуться домой, — говорю я ей, вспоминая то чувство, которое еще совсем недавно глодало меня изнутри.

Мы обе тихо сидим в течение нескольких минут, прежде чем мама начинает шевелиться. Дарла бросается в ее сторону, и я присоединяюсь к ней. Мама открывает глаза и делает глубокий вдох. На этот раз, когда она их закрывает, воздух медленно выходит из ее легких, и мы обе начинаем понимать, что она покинула нас.

— До свидания, мама. Я люблю тебя, — шепчу я сквозь потоки слез.

Трей

После встречи с Перри, длившейся почти час, я снова спокоен, разобравшись с обвинениями, посыпавшимися на меня. Я открываю сообщение от Мэнди, в котором она пишет про письма и улыбаюсь Перри.

— Думаю, все получится, — говорю я ему.

— Если не будет следа денег, по которому они могут следовать, то я гарантирую, что они попросту сдуются, — говорит он. — Они тебя просто прощупывают, чтобы посмотреть, как ты отреагируешь.

— Ну, я уверен, что денежный след не приведет ко мне. Не знаю, почему эти парни прицепились ко мне, — я качаю головой в отвращении. — Так много дерьма происходит вокруг.

— Не волнуйся, сынок, — говорит он, похлопывая своей гигантской рукой по моей спине. — У меня высокие гонорары не просто так. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— Прощлым вечером офицер сказал мне, чтобы я не покидал город, — добавляю я, прежде чем выйти из его кабинета.

— Опять же, это уловка, чтобы вывести тебя из равновесия. Если они не выдают ордер на арест, то ты волен делать все, что тебе угодно, — уверяет он меня, подводя к двери. — Жаль выгонять тебя, но я должен быть в суде через полчаса.

Я перевожу дух и отпускаю все мои накопившиеся тревоги, когда покидаю его офис и иду по направлению к лифту. Я копирую и вставляю адрес офиса Юргена в сообщение для Мэнди. Я поручаю ей убедиться, что все уйдет ночной доставкой в субботу. Через несколько секунд мой телефон звонит. Это она.

— Привет, детка! Ты быстро, — отвечаю я, чувствуя хорошо себя в данный момент.

К сожалению, все, что я слышу на другом конце провода — это то, что Мэнди полностью подавлена и старается изо всех сил вымолвить хоть слово. Я настраиваю себя на плохие вести.

— Мама только что умерла, — произносит она, наконец, между бурными рыданиями.

— Не знаю, почему я так расклеилась. Я знала, что это произойдет.

Она убирает трубку телефона от лица и высмаркивается.

— Прощлой ночью мне показалось, что я, наконец, воссоединилась с ней.

— Я сожалею, Мэнди, — отвечаю я в недоумении. — Я очень рад, что вы провели некоторое время вместе, и у вас состоялся важный разговор, хоть и оказавшийся последним.

Я говорю ей это, а сам вспоминаю последний звонок от отца. Ничего нельзя уже вернуть.

— Я тоже. До сих пор не могу поверить, что все эти годы она знала о романе отца и жила с ним, — говорит она задумчиво. — Я бы никогда не смогла так.

— Она отдала тебе те письма? — спрашиваю я, немедленно осознавая, что веду себя бесчувственно и эгоистично.

— Нет, — она замолкает. — Но дома никого не было, когда я встала сегодня утром, поэтому я порылась в папином столе. Письма находились в толстой, немаркированной папке в глубине ящика.

В этот момент сквозь слезы она хихикает.

— Хоть что-то хорошее во всей этой заварушке, — отвечаю я со вздохом. — А у мамы письма хранились в шкатулке из кедра. Отправляй тогда Юргену свои, а я свои.

— Я пошлю их сегодня, — говорит она. — Я только должна заехать домой и забрать их.

— Спасибо, я ценю это. В особенности из-за того, что сегодня происходит с тобой. Я только хочу решить вопрос с оплатой Джейка, — я гащу в себе еще один сигнал, наполненный тревогой. — Кроме этого, мой адвокат не видит никаких других проблем.

— Ну, да. Раз ты не совершал никаких других преступлений, то тебе не о чем беспокоиться, верно? — отвечает она с ноткой сарказма в голосе.

— Я знаю, но каждое новое обвинение меня в вещах такого рода и выдумывание их собственных версий событий, меня нервирует, — пытаюсь я объяснить. — Я до сих пор не выходил в Интернет и не заглядывал в Facebook.

— У тебя есть более важные дела, так или иначе, — произносит она, озвучивая очевидное. — Как Тайлер?

— Он застонал и пошевелил рукой этим утром. Думаю, он начинает выходить из этого состояния.

Я смотрю на небо и молча молюсь, чтобы он сделал это.

— Он сможет рассказать о том, что с ним случилось, — продолжаю я.

— Надеюсь, что он будет помнить, — отвечает она, отчего озноб ползет по моей спине.

— Никогда об этом не думал. Да, я очень надеюсь, что он помнит, что происходило, — я проскальзываю в заднюю часть лимузина, чтобы вернуться в больницу. — Я планирую проверить его сейчас, а затем я сажусь на частный самолет, летящий в Туллахому.

— Это было бы мило с твоей стороны, — отвечает она, и в ее голосе слышится благодарность. — Моя сестра придет во второй половине дня, а остальная часть семьи живет прямо здесь.

— Когда похороны? — спрашиваю я, полагая, что это будет, по крайней мере, через пару дней.

— Она этого не хотела, — выдает она, и в ее голосе слышится разочарование. — Мама пожелала, чтобы мы собрались все в нашем любимом месте, сказали пару слов и развеяли ее прах.

— На самом деле, это звучит неплохо. Я определенно не поклонник традиционной церемонии.

Я вспоминаю смешанные чувства, которые испытывал в день похорон отца.

— Я дам тебе знать, когда буду в воздухе.

— Хорошо. Спасибо, дорогой, — говорит она, прежде чем повесить трубку.

Меня не называли дорогой в течение длительного времени. Мама использовала это слова, когда мы были маленькими мальчиками. Каковы шансы, что мы оба потеряли родителей в столь нестаром возрасте, они еще даже не достигли пятидесяти лет. Мои мысли возвращаются к отцу, и тому, как он полностью уничтожил семейный бизнес Рея. Я нервничаю, когда думаю о том, что встречу с ним сегодня. Не уверен, что готов к этому.

Глава 10

Трей

Когда я схожу с самолета в Теннесси, меня встречает Мэнди на красивом черном Мустанге. Приблизившись к машине, она не похожа на себя в очках — авиаторах, белой блузке и потертых джинсах. Теплое чувство разливается во мне в то же мгновение, как только я вижу ее красивое лицо. Она слегка улыбается мне, несмотря на печаль, которая

окутала ее в этот день.

— Эй, большой парень... не хочешь прокатиться? — спрашивает она, пока я бросаю свою сумку в багажник.

— Ты потрясающе выглядишь, и где взяла эту конфетку? Я всегда любил эти старые Мустанги. Это шестьдесят пятый? — спрашиваю я, пораженный, что такая старая машина находится в идеальном состоянии.

— Первая детка мамы, — она задумчиво улыбается, водя рукой по рулю. — Это модель 65 код «К»

— Код «К»? — спрашиваю я, не зная такого термина.

— У него 289 лошадок. Это первый спортивный американский автомобиль, — говорит она с блеском в глазах. — Садись и держись!

Она отпускает сцепление в тот момент, когда я захлопываю дверь, и, давя, что есть мочи на газ, оставляет за собой дымку жженой резины.

— Черт возьми, женщина!

— Мама научила меня, как ею управлять, — смеется она. — Не многие дети учатся ездить на четвертой скорости с механической коробкой передач.

— Вот это, да! Я не водил машину на механике, с тех пор как закончил колледж, — замечаю я, все еще чувствуя себя немного ошеломленным.

В отличие от меня, Мэнди выглядит совершенно непринужденно с распущенными волосами, которые развеваются по ветру, пока мы несемся по шоссе в сторону Линчбурга.

— Здесь красиво.

— Да, это так.

Она бросает взгляд на сочную зеленую растительность окрестностей.

— Тебе понравится место, где мы проведем службу по маме.

— Прости, малышка, — говорю я ей, наклоняюсь и целую ее в щеку. — Я рад, что ты вернулась домой вовремя и успела увидеться с ней.

— Она знала, что умрет, и ждала, чтобы увидеть меня.

Грустный взгляд появляется на ее лице.

— Она была так добра ко мне прошлым вечером, и мы говорили с ней о вещах, которые хранились в секрете всю мою жизнь. Она даже сказала мне, что любила меня.

Несмотря на солнечные очки, я вижу, как слезы мгновенно появляются в уголках ее глаз.

— Все хорошо, — глажу ее по шее, не зная, что еще сказать.

— Ты не понимаешь, насколько это было важно. Она не говорила мне этого, когда я была маленькой девочкой.

Она смотрит на меня с недоверием, пока слезы скатываются по ее щеке.

— Мой отец был такой же. Я помню, как он говорил это два или три раза, но я всегда знал, что он заботился о нас, — отвечаю я, вспоминая свой собственный опыт. — Хотя обычно он был полной занудой.

На ее лице появляется робкая улыбка.

— Мама была не такой, просто она всегда казалась такой равнодушной. Даже если бы я хотела ее обнять, то она не обняла бы меня в ответ. Она бы только стояла и ждала, когда все прекратится, — объясняет она, в то время как мы достигаем пределов города Линчбург.

— Я заказал комнату с кроватью и завтраком, — говорю я ей, заглядывая в телефон, чтобы вспомнить название этого места.

— Ты можешь остаться с нами, — она стреляет в меня взглядом. — У нас много места.

— Я думал, что будет неловко оставаться под одной крышей с твоим отцом, — признаюсь я.

— Если ему неудобно, то это его проблемы, не твои, — говорит она с игривыми нотками в голосе.

— Ладно, давай остановимся и зарегистрируем меня, а решение примем позже, — добавляю я, поскольку, на самом деле, я думаю, что это было бы неудобно для меня. Я не особо обеспокоен тем, что ему будет некомфортно.

— Ой, а письма у тебя? — спрашиваю я, меняя тему.

— Я остановилась у "FedEx"*(прим. пер. Почтовая курьерская служба)* по дороге в аэропорт, — успокаивает она меня, подмигивая.

— Спасибо! Ты не знаешь, как это важно для меня.

Я тянусь и кладу свою руку на ее.

Когда мы въезжаем в старый, величественный район, где выстроились старые здания с этими великолепными крыльцами в южном стиле, я с точностью могу сказать, что мы приближаемся к месту назначения. Мы останавливаемся перед большим белым домом с четырьмя большими колоннами на крыльце и еще двумя на правой стороне. Мэнди резко тормозит, заезжая на бордюр, и я чуть ли не вылетаю со своего места.

— Эта детка все еще останавливается так же хорошо, как и стартует! — говорит она, прежде чем открыть дверь и выйти наружу.

Пройдя по изношенным половицам крыльца, мы открываем дверь, которая своим скрипом сообщает о нашем прибытии. Седовласая женщина с тугим пучком на голове и толстой оправе выходит, чтобы поприветствовать нас.

— Здравствуйте, меня зовут Пегги, — говорит она, протягивая руку для рукопожатия.

— Здравствуйте, Пегги, я — Трей, а это — Мэнди, — отвечаю я, улыбаясь ей. — Это ваш дом?

— Да, — отвечает она бодрым голосом. — После того, как дети выросли, а муж умер, мне необходимо заполнить этот дом снова, — объясняет она, пока ведет нас по большой старой лестнице и по коридору в большую спальню. Как и большинство домов, которые были построены более века назад, деревянный пол с уникальной, затейливой резьбой поскрипывает под ногами.

— Здесь очень красиво, — говорит Мэнди, игнорируя все скрипы и стоны.

— Спасибо, дорогая, — отвечает Пегги, открывая дверь в мою комнату. — Я надеюсь, вам понравится. Эта единственная комната со своей ванной.

— Красиво, — говорю я, вручая ей стодолларовую купюру.

— Я же спишу деньги за комнату с вашей кредитной карты, — говорит она, выглядя немного растеряно.

— Нет, это для вас, — говорю я, улыбаясь ей.

— За что? Я всего лишь показала вам вашу комнату, — продолжает она, пытаясь вернуть мне купюру.

— Просто в благодарность за то, что как я ожидаю, мое пребывание окажется здесь приятным, — объясняю я ей.

— Я прослежу за этим.

Я улыбаюсь и подмигиваю ей.

— Он привык останавливаться в шикарных отелях, где ты должен давать чаевые всем

подряд, — добавляет Мэнди, заметив, что Пегги не понимает мой жест. — Он еще не осознает, что значит «южное гостеприимство».

— Ну, если вам что-нибудь понадобится, вы только дайте мне знать, — говорит дама, кладя купюру на уголок кровати перед тем, как уйти. — Я буду вплоть до одиннадцати или около того.

Я качаю головой, когда она исчезает, спускаясь по лестнице.

— Я просто оставлю ей чаевые в конце.

Я закрываю дверь и делаю шаг в сторону Мэнди.

— Ты знаешь, мне кажется, что южное гостеприимство включает в себя и горячий приветственный поцелуй.

— Я ждала от тебя поцелуя, когда встречала тебя, но ты был слишком занят, разглядывая автомобиль.

Она наклоняет голову и прищуривает глаза.

Без лишних слов, я беру ее за руки и смотрю в эти невероятные голубые глаза, прежде чем накрываю ее губы своими. Между нами вспыхивают искры, что является истинным свидетельством того, что мы соскучились друг по другу за последние двадцать четыре часа, проведенных в разлуке. Я жадно ее целую и медленно направляю в сторону постели. Это впервые, когда мы находимся в настоящей спальне вместе, с тех пор как кошмар с вопросом инцеста завершился. Излишне говорить, что на уме у меня одна мысль.

— Ты потрясающе выглядишь в этих джинсах, — бормочу я, проводя руками вдоль изгибов ее бедер. — Мне нравятся и твои сапожки.

Ее черные сапоги из кожи рептилии и соответствующий пояс прекрасно дополняют ее джинсы.

— Джинсы мне немного маловаты после последнего раза, когда я их носила. Я, видимо, расплнела больше, чем думала.

Она оглядывается и смотрит вниз на свою попку.

— Думаю, ты выглядишь невероятно, но сейчас я бы предпочел увидеть их на полу.

Мэнди робко смотрит на меня, прежде чем стянуть сапоги и заползти на кровать. Я быстро скидываю туфли и присоединяюсь к ней.

— Я думал о тебе с тех пор, как посадил тебя на самолете вчера, — шепчу я перед тем, как поцеловать ее в шею.

— Я тоже думала о тебе, — нерешительно отвечает она, словно останавливая себя, чтобы не высказать все, что действительно у нее на уме.

Я провожу ладонью по ее щеке и голове, осторожно опуская ее на кровать. Вкус ее губ и запах будят мои чувства, пока я целую ее губы с нарастающим пылом. Мы прижимаемся друг к другу на мягком пуховом одеяле. В коридоре неожиданно скрипят половицы, и мы чувствуем себя, словно подростки в родительском доме. Я замираю на мгновение, пытаюсь определить направления движения шагов.

— Нам стоит быть тихими, — замечает Мэнди с огоньком в глазах.

Мэнди

Один из самых трагических дней в моей жизни стал гораздо терпимее, поскольку Трей приехал в город. Тот факт, что он бросил все и прилетел сюда, заставляет меня поверить в то, что у него доброе сердце. В глубине души я знаю, что должна находиться дома, помогая папе с едой и приготовлениями, но прежде мне нужен этот маленький эмоциональный

побег. Так хорошо оказаться снова в его объятиях.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спрашивает он, чувствуя мою отстраненность.

— Я в порядке. Просто подумала об отце. Я сказала ему, что скоро вернусь. Знаю, ему нужна моя помощь, чтобы приготовить еду для всех.

Я закрываю глаза, пытаюсь отбросить отвлекающие меня мысли из головы.

— Думаю, нам следует помочь твоему отцу все подготовить, потом мы сможем вернуться сюда и наверстать упущенное время, — предлагает Трей, запуская свои пальцы вниз в мою блузку.

— Серьезно? — спрашиваю я шокированная. — Я никогда не видела парня, отклоняющегося от секса.

— Я не уклоняюсь, — улыбается он. — Я просто хочу провести больше времени с тобой без спешки.

— Боже мой, ты меня так заводишь.

Я наклоняюсь и нежно целую его. Я ни разу в своей жизни не желала никого так сильно.

— Надеюсь, что в дальнейшем старая Гертруда не будет блуждать по коридору за нашей дверью, — говорит он с безумным блеском в глазах.

— Ее зовут Пегги, но да, это немного отвлекает.

Я решаю, что он прав и сажусь на постель.

— Давай займемся подготовкой.

— Я думал, что мы могли бы заказать какой-нибудь еды. Должна же быть кейтеринговая компания, где мы можем заказать, что хотим, — предлагает он, пока я тянусь за черными сапогами.

— Речь идет не просто о том, чтобы заказать еду, а том, что любила мама. Она любила, — объясняю я ему, пока мы спускаемся по лестнице. — Наши родственники и друзья принесут еду, поэтому нам не нужно ее покупать.

— Хорошо, все что захочешь. Ты только скажи, чем я могу тебе помочь, — говорит Трей, пожимая плечами, когда мы садимся в кабриолет. — Не то, чтобы у меня имелся большой опыт в приготовлении пищи. Я просто подумал, мы могли бы сделать то же самое, что мы делали для отца.

— Эбигейл Кирш проделала невероятную работу на похоронах Виктора, но у нее и мамы, по крайней мере, очень разные вкусы, — добавляю я, усмехаясь.

— Твой отец ездил в лимузинах марки «Bentley», в то время как моя мама была счастлива в этот старом кабриолете. Не волнуйся, ты можешь посидеть и пообщаться с отцом, пока Дарла и я занимаемся едой.

— Прекрасно. Будет любопытно, — говорит он, откинув голову на подлокотник, пока я завожу машину и включаю передачу.

— Может быть, нам удастся поговорить о его романе с моей мамой.

— Отстань!

Я отпускаю сцепление и нажимаю на газ, проскакивая через первые три передачи.

— Черт побери, машина еще такая быстрая. Прости, что испорчу твою идеальную прическу, — хихикаю я.

К тому времени, когда мы достигаем дома отца, Трей, похоже, уже рад выбраться из машины. Телефон звонит в моей сумке, я его вынимаю и закатываю глаза.

— Это опять Харрис.

— Просто скажи ему, что ты бросаешь, — говорит Трей небрежно. — Тебе больше не нужна эта работа.

— Здравствуйте, мистер Шерман, — отвечаю я, качая головой в сторону Трея и глядя на него неодобрительно.

— Мне нужна последняя информация по делу Эддисона, — говорит тот, избегая каких-либо любезностей. — Как у тебя обстоят дела с этим?

— Ну, сэр... — я делаю паузу, пытаюсь вспомнить, что говорила ему при нашем последнем разговоре. — У меня нет ничего нового, чтобы я могла вам рассказать, с момента нашего последнего общения. Я не заметила ничего необычного во время поездки в Женеву, но все прервалось из-за смерти Виктора.

— Таким образом, мы застряли? — ворчит он, явно перекладывая стопку бумаг на своем столе.

— Мне очень жаль, сэр, но да. Я считаю, нам не за что зацепиться.

— Ох, из-за того, что он Эддисон, готов поспорить, на него что-то должно быть, — заявляет он. — Мы просто не видим этого в данный момент. Будешь ли ты на работе в понедельник?

— Нет. Моя мама умерла сегодня утром, и мы провожаем ее в последний путь в выходные, — объясняю я ему, немного задыхаясь. — Я осталась здесь, чтобы провести некоторое время с ней, потому что она была так больна.

— Ладно, я слышал, что ты была в Монако, — иронизирует он.

Видимо, он все-таки прочитал онлайн-таблоиды.

— Я была там недолго, сэр. Эта поездка тоже была прервана.

Я делаю паузу, не давая никаких дальнейших объяснений.

— Да, я читал. Это из-за передозировки другого сына Эддисона, — говорит он с некой дерзостью в голосе. — Теперь они думают, что он был отравлен, возможно, своим братом.

— Трей не имеет ничего общего с этим, — быстро выпаливаю я. — Я могу сказать вам это со стопроцентной уверенностью!

— Тебе не кажется, что ты довольно хорошо устроилась с этим Треем. Возможно, у тебя появился скрытый мотив? Оглядываясь назад, у тебя, казалось, имелась чертовски сильная мотивация, чтобы тебя назначили на это дело, — говорит он с нотками подозрения в голосе.

— Я вам объясню все, когда увижусь с вами лично, сэр. Давайте просто скажем, что мой отец и Виктор поссорились, и очень на то, что и у вас с Виктором.

Трей в это время находится рядом со мной, пытаюсь контролировать каждое слово нашего разговора.

— Лучше, чтобы это произошло, как можно скорее, Аманда. Ты мне нравишься, но я не потерплю надувательства в таком деле, — говорит он, и в его голосе слышится сталь. — Если я почувствую, что ты прикрываешь что-либо или кого-либо, я позабочусь о том, чтобы ты была привлечена к ответственности и лишена лицензии.

Его слова заставляют меня почувствовать себя так, будто жизненная энергия покидает мое тело.

— Да, сэр. Я понимаю. Я объясню все, когда вернусь в офис. Вы все поймете.

— Для твоего же блага, я надеюсь на это, — отвечает он. — Кстати, мне жаль было услышать о смерти твоей матери. Ты и твой отец примите мои искренние соболезнования.

— Благодарю вас, сэр. Я буду в офисе в следующую среду или четверг, — отвечаю я, пытаюсь держать себя в руках. — Я дам вам знать, как только забронирую рейс.

— Ты сделаешь это. Береги себя.

Телефон замолкает, и в животе у меня разливается боль, а я испытываю страх по поводу моего будущего. *Что я натворила?* Я смотрю на Трея, который стоит рядом с самодовольным выражением на лице.

— Я знаю, что он собирается меня уволить.

Мой мозг начинает усиленно работать, пытаюсь понять, какие доказательства против меня существуют.

— Сукин сын. Что делать, если он раскопает?

— Раскопает что? — мгновенно реагирует Трей, задавая вопрос раздраженным голосом. — Я единственный, кто видел отчет по исследованию. Джейка там не было, а Лие была в отключке. Помнишь?

Он напряженно смотрит на меня своими темно-карими глазами.

— Помню, — задыхаюсь я, закидываю голову и гляжу в небо. — Я просто знаю, что Харрис, как бульдог, и у него, наверняка, появились какие-то подозрения.

— Но у него нет доказательств! У меня есть только копия записи полета, и я точно не собираюсь свидетельствовать против себя.

Он ударяет рукой по крылу автомобиля.

— Не существует никаких других доказательств.

Он останавливается и продолжает пристально смотреть на меня.

— Нет доказательств чего? — спрашивает папа, подходя к нам сзади.

— Ой... привет, папа, — говорю я, оборачиваясь к нему и обнимая его.

Он отстраняется и смотрит мне прямо в глаза.

— Доказательств чего? — спрашивает он с расстроенным выражением на лице.

— Доказательством того, что я участвовал в торговле инсайдерской информацией, — произносит Трей, делая тем самым смелый шаг. — Ее босс ненавидел моего отца почти так же сильно, как и вы. Он всегда пытался прижать отца чем-нибудь, что он сделал бы не так, но с тех пор как отец умер, он переключил свое внимание на меня.

— И? — Рэй пожимает плечами, желая услышать больше деталей.

— И... у него ничего нет. Я не совершал никакого преступления. Возможно, я имел доступ к секретной информации, но никогда не пользовался ей. Нет никаких биржевых операций, поэтому нет никаких доказательств какого-либо уголовного правонарушения, — говорит Трей, полностью взрывая мой мозг.

— У него нет никаких доказательств этого, — подтверждаю я, пожимая плечами.

— Ладно, ух ты. Я не ожидал ничего подобного, — Рэй качает головой и смотрит на заднюю часть автомобиля. — Ты без сумки?

— А, я снял комнату с кроватью и завтраком в Линчбурге. Я не хотел мешаться, — объясняет он.

— У Пегги? — спрашивает Рэй, оглядываясь на меня.

— Ага. Он пытался вручить ей сто долларов чаевых, — сообщаю я ему с лукавой усмешкой.

— Уверен, что тебе вернули их обратно, — говорит он, смеясь. — Старая закваска.

— То же самое сказала мне Мэнди, — отвечает Трей. — Что-то про южное гостеприимство.

— Она позаботится о вас, — Рэй шлепает его по плечу. — Но один совет... хотя она и хорошая женщина, но любопытна до чертиков. Так что, если услышишь какие-либо звуки в коридоре, убедись, что говоришь негромко.

— Хорошо, спасибо, что предупредили, — Трей поворачивается и морщится в мою сторону, явно думая, что нам удалось чудом избежать проблем.

Трей

Мэнди и Рэй обсуждают меню, когда появляется Дарла с двумя детьми. Сестра Мэгги принесла два салата, ее свояченица сделала пирог из сладкого картофеля, а Мэнди отвечает за кукурузный хлеб.

— Я собираюсь показать тебе, как коптят свинину в Теннесси, — говорит Рэй и ведет меня к большому холодильнику, расположенному в гараже. — Мы собираемся сделать шейку с лопаткой на углях. Мы начнем делать его сегодня во второй половине дня, а завтра она будет готово к полудню.

— Ладно, отвечаю я, не понимая многое из того, что он мне говорит. Я набирался гастрономического опыта по всему миру, но настоящий копченый шашлык точно не входил в него. Я пробовал бутерброды с копченой свининой несколько раз. Ничего запоминающегося.

— Мы сначала хорошенько обваляем его. Не говори никому, но я предпочитаю хорошо натереть его аля Канзас-сити, — шепчет он, в то время как покрывает огромный кусок мяса щепой.

— Обещаю, — говорю я, стараясь не смеяться вслух.

— Спасибо за то, что ничего не сказал Аманде о нашем разговоре, — говорит он, тщательно растирая каждую часть свинины. — Не уверен, что смог бы встретиться с ней лицом к лицу сегодня.

Меня словно заморозили на несколько секунд, так как не знаю точно, как реагировать на его слова. Когда он смотрит вверх, я решаю просто сказать ему.

— Мэгги, видимо, рассказала ей обо всем прошлой ночью. Они долго беседовали обо всем этом.

— Что? — выпаливает он, и на его лице отражается шок. — Меня интересовало, почему же было так тихо каждый раз, когда я проходил рядом. Твою мать! — Он тянет свои руки в сторону брюк, оставляя на них следы.

— Мэгги сказала ей, чтобы она не злилась на тебя, ее все устраивало, — объясняю я, повторив то, что Мэнди рассказала мне по телефону накануне.

— Получается, Мэгги знала обо всем? Просто прекрасно, — говорит он, сдвигая свинину в яму для приготовления барбекю. — Теперь я чувствую себя полной задницей.

Он закрывает крышку и вытирает пол со лба своим предплечьем.

— По правде говоря, мы все знаем правду. По крайней мере, теперь Мэнди и я понимаем, почему отец сделал то, что сделал. До этого момента Мэнди считала, что он просто выгнал тебя из бизнеса из-за жадности, а я думал, что он просто мудака, — говорю я ему прямо. — Мне искренне жаль, что мама не поговорила со мной давным-давно. Все могло сложиться у меня с отцом совсем иначе.

Рэй смотрит на меня с выражением боли в глазах, вызванным многолетними страданиями.

— Если бы была возможность повернуть время вспять, то мы, вероятно, сделали бы все по-другому. Я хотел жениться на твоей матери, прежде чем вы даже родились, но Дарла

была еще маленьким ребенком. Мэгги и я провели одну ночь в борьбе, и она дала понять, что если мы расстанемся, она вернется сюда, и я буду мертв для них обеих. Я не мог смириться с мыслью, что не буду частью жизни моей девочки.

Слеза появляется в уголке его глаза, и он быстро вытирает ее.

— Я не жалею, что растил девочек, но я сожалею обо всем остальном каждый день последние двадцать лет.

Он открывает крышку и разжигает угли в полной тишине.

— Понимаю, — наконец, говорю я, снимая напряженность, возникшую между нами. — Не могу представить, чтобы можно было уйти от маленькой девочки.

— Достаточно, чтобы раздавить сердце даже сильного человека, — отвечает он, и слезы теперь текут из обоих его глаз. — Это то же самое, что проводить большую часть своей жизни с неправильной женщиной, — он вытирает предплечьем оба глаза. — Мне нужно умыться, прежде чем на меня выльют все это дерьмо.

Я передаю ему бумажное полотенце и говорю:

— Спасибо за разговор, Рэй. Возможно, вы также захотите поговорить об этом с Мэнди на выходных, — предлагаю я, пока мы идем по тротуару.

— Поговорю. Я собираюсь пообщаться с обеими девочками завтра вечером и выложу все это, — сообщает он, перед тем как войти в дом. — У них сейчас и без того полно проблем.

— Согласен. Завтра вечером, вероятно, будет лучше всего.

— Ты знаешь, — он останавливается в дверях и оглядывается на меня. — Я рад, что ты оказался сыном Виктора. Думаю, что ты и Мэнди подходите друг для друга.

Он слегка улыбается мне, прежде чем повернуться и войти в дом.

— Спасибо, Рэй, — я следую за ним в дом. — Я ценю это.

Глава 11

Трей

Время близилось к полуночи, когда Мэнди высаживает меня у пансиона в Личбурге. Я знаю, вероятно, мне следует позволить ей вернуться домой и провести это время со своей семьей, но они все равно отправились спать. Я протягиваю руку, прикасаясь к ее щеке, наклоняюсь и оставляю на ее губах теплый, чувственный поцелуй.

— Ты усложняешь мое возвращение домой, — бормочет она мне в губы.

— Таково мое намерение, — шепчу я, чувствуя прилив гормонов. Я сразу же впиваюсь в ее губы более страстно, чем чуть ранее.

— Хорошо, я задержусь на некоторое время, — уступает она, выключая машину. — Но только ненадолго.

— Только ненадолго, — соглашаюсь я, беру ее за руку и тихо открываю входную дверь. Мы на цыпочках крадемся мимо регистрационной стойки, и как можно тише ступаем по скрипучим ступеням. Затем медленно перемещаемся по нескольким издающим шум половицам в коридоре, и оба с облегчением вздыхаем, когда, наконец, доходим до двери моей комнаты.

— Я чувствую себя школьницей, — хихикает Мэнди, прежде чем войти внутрь помещения и включить верхний свет.

— Да, весь этот день был немного странным, — признаю я.

— Станным? «Станным» в плохом смысле? — спрашивает она, снова поворачиваясь ко мне.

— Нет, странный в хорошем смысле, — смеюсь я. — Не знаю, все это так сильно отличается от того, что я видел в жизни. Я никогда не останавливался в месте, где мне приходилось бы пробираться в полночь тайком, — говорю я ей со смехом.

Как по команде, раздаётся стук в дверь, и я слегка приоткрываю ее.

— Я просто хотела предупредить, что завтрак будет подан в восемь тридцать, — сообщает Пегги, толкая дверь так, чтобы получить лучший обзор помещения.

— Привет, — говорит она Мэнди. — Я подумала, что слышала голоса в коридоре. По крайней мере, теперь я знаю, что не сошла с ума.

Она заходит в комнату и смотрит на Мэнди.

— Я знала, что твое лицо показалось мне знакомым. Я не сложила дважды два, пока не увидела машину твоей матери. Мне так жаль, что она умерла.

— Спасибо, Пегги, — говорит Мэнди, обнимаясь с ней.

— Я знала ее, когда она была еще маленькой девочкой. Как твой отец? — спрашивает она после того, как делает шаг назад.

— Он в порядке. Мама болела в течение длительного времени, так что они оба смирились с неизбежным, — сообщает она и грусть отражается на ее лице.

— Ну, ты передай ему привет от меня. Я слышала, что ты наняла сиделку для нее?

— Да, мама не хотела никакой суеты. Вы же ее знаете, — вздыхает Мэнди.

— Хорошо, у меня есть свежий персиковый пирог для тебя, так что ты забери его с собой, когда пойдешь домой, — говорит она. — Твоя мама его любила.

— Да, он определенно был ее любимым, — у Мэнди на глазах появляются слезы. — Спасибо Пегги.

— Пожалуйста. А теперь, спокойной ночи, — произносит она, а на ее лице отражается осуждение.

— Я не останусь, — парирует Мэнди, устанавливая прямо рекорд по скорости ответа. — Я только хотела убедиться, что он хорошо устроился. Все-таки он — городской парень и все такое.

— Я понимаю, дорогая, — отвечает она с довольно сильной долей скептицизма в голосе.

Мы оба стоим и смотрим на Пегги, пока та закрывает дверь и идет обратно по коридору к лестнице, и половицы поскрипывают под ее ногами. На лице Мэнди расплзается усмешка и она говорит:

— Ладно, возможно, это немного странно.

— Это ты сказала, не я.

Я обвиваю ее своими руками и притягиваю к себе, надеясь продолжить то, что мы начали в машине.

— Не думаю, что мы можем делать это здесь. Особенно сегодня, — Мэнди начинает сопротивляться мне.

— Это так важно? — спрашиваю я, не желая, чтобы Пегги стояла на нашем пути. — Ты взрослая женщина, Господи, Боже мой.

— Знаю. Этот город заставляет чувствовать меня, словно я снова ребенок. Здесь все так консервативны и любят осуждать. Ты видел, как Пегги вела себя, — отвечает она, делая шаг к двери.

— Возбуждение от того, что тебя могут поймать, делает все еще более увлекательным, — говорю я ей, притягивая к себе еще раз. — Я могу быть очень тихим и одновременно очень даже классным. Давай, позволь провернуть нечто подобное.

Мэнди

Моя оборона слабеет, так как я желала его весь этот долгий день.

— Мы должны быть очень тихими, — отвечаю я хмуро. — Последнее, что я хочу, это устроить сцену.

— Понимаю.

Он расстегивает мой ремень и кнопку на моих джинсах. Мой пульс сразу учащается, пока я наблюдаю за тем, как он тянет вниз молнию на них. Я улыбаюсь, удивляясь про себя, как плавно и легко он стягивает с меня джинсы. Помнится, как тяжело мне их было надевать на себя. Он хватает свободную ткань джинсов под коленками и решительно тянет их вниз, пока они не сползают с моих бедер, и дальше он стягивает их с моей задницы.

— Ты в этом лучше, чем я думала. А как же мои сапоги?

С сексуальной ухмылкой он слегка толкает меня в живот, роняя на кровать. Обеими руками хватается за каблук и через несколько секунд мои джинсы и сапоги уже валяются в куче на полу у кровати.

— Боже, ты выглядишь так сексуально, — бормочет он, медленно расстегивая пуговицы на своей рубашке.

— Думаю, что лучше выключить свет, на всякий случай, — отвечаю я, мысленно представляя, как Пегги открывает дверь. — Здесь же есть замок, так ведь?

Он запирает дверь на старую металлическую защелку и выключает свет. Однако немного света проникает через окно.

— Чудесно, — говорит он, в то время как его брюки падают на пол.

Мою кожу начинает покалывать моментально, как только его губы прикасаются к нежной коже между моих бедер. Я чувствую его горячее дыхание на моих трусиках, когда он останавливается.

— Надеюсь, кровать не будет скрипеть, — шепчет он.

Я смеюсь.

— То, что ты делал, было гораздо интригующе.

Он ухмыляется мне и начинает расстегивать мою блузку, начиная снизу и медленно поднимаясь вверх. Я считаю, что это слишком медленно, а методичные и настойчивые движения — весьма соблазнительными. Я желаю, чтобы мы могли просто сорвать одежды друг с друга и наделать столько шума, как сами того хотим. Я выгибаюсь к нему, чтобы облегчить ему работу, чтобы он побыстрее добрался до верхней пуговицы моей блузки.

Трей

Ориентируясь на то, как она уже ерзает и проявляет признаки нетерпения, будет любопытно посмотреть, сможем ли мы быть тихими. Единственный способ не создавать шума на этой старой скрипучей кровати, медленно и осторожно любить друг друга. Фактически этот медленный, соблазнительный подход полностью превратится для нее во всего лишь побочный эффект.

— Боже, мне нравится пробовать тебя таким образом, — шепчу я, покрывая ее поцелуями от пупка к маленькому шелковому бантику, находящемуся в центре ее

бюстгальтера. Я захватываю губами через бюстгальтер ее грудь, чувствуя, как ее соски твердеют, вытягиваются через эластичный материал. Она тихо стонет, приподнимая тело и намекая тем самым, чтобы я снял с нее лифчик. Разумеется, я это делаю.

— Так куда лучше, — шепчет она, освобождая от напряжения свою грудную клетку. — Мне нравится чувствовать твою обнаженную кожу на своей.

Старая кровать издает скрип, а я в это время стягиваю трусики вниз по ее ногам. Мне следовало снять их раньше. Я также решаю снять свои, и кровать тут же издает скрипучие звуки, которые обычно ассоциируются с тем, что на ней кто-то устраивается.

— Теперь мы попытаемся быть тихими, — говорю я ей, удобно устраиваясь рядом с ней.

Мэнди

Сдержанность никогда не была моей сильной стороной, но меня в настоящее время больше волнует содержание, когда мы прижимаемся друг к другу в теплых объятиях. Я отодвигаю одеяло, совсем чуть-чуть, чтобы компенсировать тепло от наших переплетенных тел. Трей начинает медленно проводить руками по моему телу снова, как будто сексуальное напряжение внутри меня не было недостаточным.

— Не дразнись больше, — говорю я ему, но безуспешно.

— Мне просто нравится, как ты ощущаешься, — стонет он тихо, продолжая серию мягких, широких движений. — Я обожаю проводить руками по всему твоему телу.

Я тянусь вниз между его ног и начинаю гладить его в ответ. Если он думает, что может продолжать дразнить меня без воздаяния, то он ошибается. Через пару минут Трей отстраняется от меня, поэтому я легонько подталкиваю его двигаться между моих ног. Он потекает мне к моему огромному облегчению.

— Я ждал этого целый день, — шепчет он напротив моей кожи. — Хочу насладиться тобой.

Трей берет в рот мой сосок, заставляя меня затаить дыхание. Он двигает бедрами так, что я чувствую его твердость напротив себя.

— Люби меня.

Я вцепляюсь ему в спину и притягиваю его к себе.

— Тссс, — произносит он, напоминая, что нам следует быть тихими.

Одна часть меня хочет перевернуть его на спину и быть дикой, но голос в голове напоминает, что я буду об этом сожалеть, когда в следующий раз увижусь с Пегги. Я делаю глубокий вдох и расслабляюсь, как он предложил, решив дать ему самому выбирать какой темп ему нравится. Он начинает медленно целовать мою кожу, прокладывая путь вниз по моему животу и задерживаясь чуть ниже моего пупка. *Он такой чертов дразнилка.*

Я толкаюсь напротив макушки его головы, поощряя его губы, чтобы он продолжил медленный и мучительный путь к месту назначения. После нескольких легких и возбуждающих жестов только при помощи кончика языка, Трей, наконец, достигает мои распухшие складки. Используя каждую каплю сдержанности, я противостою желанию закричать от экстаза. Пока отступает первая волна наслаждения, я делаю глубокий вздох, готовясь к следующей волне, которая следует за предыдущей. *Тихо, тихо,* — повторяю я про себя. Просто сосредоточься на дыхании.

Трей

Я улыбаюсь про себя, в то время как бедра Мэнди извиваются подо мной, ее дыхание становится рваным и прерывистым. Каждый раз, когда она приближается к оргазму, я отступаю, позволяя ей восстановиться на мгновение, прежде чем увеличивать интенсивность еще раз. Ее живот начинает изгибаться и ее ноги неудержимо дрожат. Она испускает вздох, который говорит о том, что она так больше не может. Мне нравится подводить ее к той точке, в которой я могу чувствовать, что она вот-вот потеряет контроль.

— Пожалуйста, прекрати, — хнычет она, хватая меня за волосы обеими руками, и тянет на себя.

— Мне это нравится, — шепчу я ей и начинаю медленное восхождение, принимая во внимание, что древний раритет под нами всячески старается предать нас. — Ты хорошо справляешься, — бормочу я напротив ее мочки уха, а затем медленно прокладываю путь по ее разгоряченному телу.

— О, ты убиваешь меня, — бормочет она, с любовью шлепая меня по спине.

— Но в хорошем смысле, да?

Я улыбаюсь у ее щеки, прежде чем развожу ее ноги и двигаюсь между ними.

— Пожалуйста, ... не дразни больше, — шепчет она более требовательно.

Я крепко ее целую и двигаюсь глубоко внутрь нее, вызывая тем самым немедленную дрожь восторга у себя и, в равной степени, интенсивный стон из-за старого матраса под нами. *Твою мать!* Я скатываюсь по кровати и протягиваю к ней руку, поднимая Мэнди на ноги, хватаю одеяло и тяну его на пол.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я так больше не могу!

Опускаю ее на спину, и продолжаю то, на чем мы остановились, предоставляя ей свою длину на жестком деревянном полу.

— Так гораздо лучше, — стону я, действительно ощущая ее под собой и получая полную отдачу от каждого движения внутри нее.

Я чувствую прилив вожделения, когда я начитаю трахать ее с интенсивностью, которая соответствует тому, что я чувствую с тех пор, как увидел ее в аэропорту.

Мэнди

Прикосновение, запах и ощущение Трея в сочетании с чувством, что нам сошло это с рук, посылает меня в самое возбужденное состояние, какое было в моей жизни. То, как он занимается со мной любовью, не оставляет во мне никаких сомнений, что уровень его страсти равнозначен моему. Каждый его удар является твердым, но плавным, эротическим, но заботливым... это полное совершенство.

Мои губы тянутся к его, и мы вовлечены в длительный поцелуй, пока Трей продолжает увеличивать интенсивность каждого удара. Электрический импульс пронзает мое тело, и я крепко целую его, стремясь показать уровень страсти, что горит внутри меня. Никто и никогда не заставлял меня чувствовать себя такой желаемой, сексуальной... живой.

— О, Боже! — ахаю я, когда он немного смещается и начинает вбиваться в меня под правильным углом. Любые мысли о Пегги, или ком-то другом, кто может услышать нас, удаляется из памяти и заменяется чистым электрическим импульсом, который исходит от абсолютной глубины моего существа.

— Прямо там... не останавливайся... пожалуйста, не останавливайся!

Я ловлю себя на том, что кричу.

Он продолжает толкаться в меня бедрами, одновременно накрывая мои губы своими, чтобы заглушить мои крики. Я не могу выразить свои чувства словами. Он — это все, что я хочу прямо сейчас, и я хочу, чтобы он не останавливался. Трей ведет меня в туда, где я никогда не была ни сексуальном плане, ни в физическом, и мне не терпится увидеть, что лежит за пределами текущего момента.

— Я люблю тебя, — стонет он, как только начинает входить глубже и сильнее, чем раньше, обрушив свои губы на мои.

Я чувствую его пот, смешивающий с моим, пока он прижимает мои руки к полу и вбивается в меня длинными, жесткими ударами, которые посылают нас обоих в забвение с явной нехваткой кислорода.

— Святое дерьмо, — восклицает он, падая рядом со мной и хватая ртом воздух. — Извини, я немного увлекся.

— Это было прекрасно, — заверяю я его, целуя со страстью, равной той, что он даровал мне.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я ему, несмотря на то, что он сделал свое заявление в запале.

— Я никогда не произносил этого раньше, — шепчет он напротив моих губ. — Все ощущается так, словно мы были созданы друг для друга.

— Я знаю, — шепчу я снова. — Это невероятно. Единственное, что может сделать все еще лучше, если ты ляжешь в позу ложки, пока я буду засыпать.

— Это не должно стать проблемой, — отвечает он, поднимая меня с пола и бросая одеяло обратно на кровать. После того, как я устраиваюсь, он прижимается ко мне сзади, положив свою теплую руку на мое бедро.

Мой разум начинает размышлять о том, как Трей попал в неудобное положение, провел день с моей семьей и теперь спит в забытом богом месте по сравнению с тем, к чему он обычно привык. И он еще ни разу не пожаловался. Услышанное от него «Я люблю тебя», однако, вот, что занимает все мои мысли.

Глава 12

Мэнди

Телефон Трея начинает потрескивать сразу после шести утра. Я забираю его, так как он находится в нескольких сантиметрах от моего лица.

— Это сообщение от Ванессы, — говорю я, протягивая ему сотовый.

Было бы неплохо, если она подождала бы час или два, но Ванесса, вероятно, не понимает, что мы находимся в другом часовом поясе.

— Ничего нового о Тайлере? — спрашиваю я, переваливаясь на кровати и протягивая руки в его сторону.

— Нет. Ничего не изменилось со вчерашнего утра, — он хмурится, глядя на сообщение. — Они немного волнуются.

— Разве это нормально, что он так долго не выходит из комы? — успеваю я спросить, прежде чем зевнуть.

— Обычно быстрее, но у него одновременно проходит детоксикация. На данный момент его организм переживает серьезные проблемы, так что, на самом деле, лучше, если он спит как можно дольше.

— Он что, подсел на болеутоляющие? — спрашиваю я, оперевшись на свой локоть.

— Да, Ванесса полагает, что он употреблял до десятка таблеток в день, — признается Трей. — Тайлер был на них так долго, что ему пришлось принимать еще большие дозы, чтобы получить какую-то помощь.

— Прежде всего, почему он нуждается в них?

Мой разум не может понять, для чего молодому человеку нужно сутки напролет принимать обезболивающие.

— Он страдал от боли в колене после многократных реконструктивных операций, поэтому продолжал получать полный их комплект, и я не думаю, что он когда-либо делал длительный перерыв между приемами лекарств, чтобы понять, утихнет ли боль сам по себе. Его лечащий врач не видел в этом никакого вреда, но это было еще до того, как к этим лекарствам стали относиться как к наркотикам.

Трей скатывается к краю кровати и встает.

— Я давно знал, куда все это ведет. Я говорил матери, что ему либо необходимо провериться в наркологической клинике, либо он окажется в «смертельной спирали».

— Почему она ничего не сделала с этим? — качаю я головой в полном изумлении.

— Потому что мама — «скрытый алкоголик», Тайлер и я знаем это. Даже когда мы были маленькими мальчиками и возвращались домой из школы, от мамы так странно пахло, — объясняет он, подбирая свою одежду. — Я помню, как она и папа спорили об этом поздно ночью, когда мне было лет десять или одиннадцать. После этого все стало еще хуже.

— Она все также пьет до сих пор?

Когда я видела ее в Нью-Йорке, она казалась такой спокойной и полностью контролирующей себя.

— Ванесса говорит, что она пила снова, — отвечает он, и в это время начинает звонить телефон. — Видимо, у нее уши горят.

Он смотрит на меня с ухмылкой.

— Доброе утро, мама. Что случилось?

Выражение его лица становится мрачным, пока он слушает то, что она сообщает ему.

— Именно поэтому я переживал за него, — говорит он презрительным тоном, прежде чем снова сделать паузу. — Я знаю, но все равно, не думаю, что он хотел бы прийти в сознание прямо сейчас. Он находится в режиме полной детоксикации. Вот почему они использовали «Наркан».

Он заходит в ванную комнату и закрывает за собой дверь. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы встать и одеться в ту же одежду, что была на мне вчера. Я знаю, что должна была поехать домой прошлой ночью. По крайней мере, сейчас раннее утро, и, возможно, все еще спят, и я могла бы проскользнуть незамеченной и быть чистой в их глазах.

— Мне нужно принять душ и позаботиться о нескольких вещах, — говорит он, выходя из ванной, явно чем-то взволнованный. — Я нашел прокат лимузинов и меня доставят к твоему отцу около десяти.

— Здорово, но не ожидай, что прибудет лимузин такой, к которому ты привык, — хихикаю я. — Дома все в порядке?

— Нет. Мне нужно присутствовать при разговоре, когда придет доктор Тайлера этим утром. Он должен быть там примерно через сорок минут, — он вздыхает. — Мама и Ванесса понятия не имеют, что происходит. Они не задают правильные вопросы.

— Я все понимаю. Мы не поедem к месту захоронения до полудня, так что не торопись, — говорю я, подхожу к нему и целую в губы. — Спасибо за чудесную ночь.

— Это было здорово, — уголки его губ поднимаются. — Обещаю, скоро увидимся.

— Пока, секси.

Я улыбаюсь ему, прежде чем повернуться к двери.

— Кстати... мама посылает свои соболезнования тебе, Дарле и Рею, — добавляет он запоздало. — Ей жаль, что она не может присутствовать здесь.

— Спасибо. Я им сообщу.

Проходя по коридору, мне кажется, что на первом этаже все тихо. Я снимаю свои сапоги, так как в них невозможно преодолеть лестницу, чтобы она не скрипнула. Я знаю, что я взрослая женщина, но у Пегги манера поведения, как у учительницы начальной школы, и я, по правде говоря, не хочу иметь с ней дело сегодня утром. Я стремглав проношу мимо небольшой стойки регистрации, чтобы не быть замеченной, и останавливаюсь у дверей, чтобы надеть сапоги.

— Доброе утро, Аманда, — ее голос потрясает меня. *Дерьмо!* — Я заметила, что твоя машина не сдвинулась с места, так что я приготовила для тебя персиковый пирог, чтобы ты его забрала с собой.

Она подходит ко мне с большой белой коробкой в руках.

— Спасибо, — говорю я ей со вздохом. — Я обязательно сообщу отцу, что это от вас.

— Ты сделаешь это, дорогуша, и я уверена, что увижу тебя сегодня вечером.

— Скорее всего, — соглашаюсь я, толкая от себя дверь.

Думаю, все не так уж плохо, в конце концов.

Трей

После продолжительного разговора с мамой, Ванессой и врачом скорой помощи, все, наконец-то, думали об одном и том же. Врач объяснил, почему он еще не вывел Тайлера из комы, и что это не связано с изменениями в его прогнозе. Он просто хочет, чтобы Тайлер оставался в искусственной коме, пока его тело проходит через самых худший процесс детоксикации.

И мама и Ванесса, казалось, стали более уверенными после звонка. Похоже, будто врачи, главным образом, борются с наркозависимостью Тайлера, а не с его передозировкой. Я сообщаю последние новости Мэнди, пока мы едем на поминальную службу по ее матери.

— Не думаю. Я не разобрался во всем этом с ними. Скорее всего, они рассматривают его действия как попытку самоубийства, пока некоторые стопроцентные факты не вышли наружу. Сейчас это все спекуляции, — говорю я ей, испытывая тошноту. — Мы развеим прах твоей мамы сегодня? — спрашиваю я, просто чтобы сменить тему.

— Нет, они не будут готовы в течение нескольких дней, поэтому нам придется сделать это в другой раз. Но, по крайней мере, мы можем сказать несколько слов и дать каждому немного высказаться, — говорит она, когда мы сворачиваем на повороте и едем прямо в сторону ручью.

— Это очень хорошее место, чтобы провести тут вечность, — комментирую я, пока мы едем в сторону поляны.

Деревья расположены вдоль дороги, напоминая чем-то парадный вход, и я вижу большой дуб в центре поляны, о котором рассказывала Мэнди.

— Что за оранжевые флажки? — спрашивает Мэнди, как только мы доходим до поляны

и поворачиваем к дереву.

— Похоже, здесь проводится какой-то исследование или что-то в этом роде, — отвечаю я, делая неплохое предположение.

Мы прибыли рано, потому что Мэнди хочет показать мне путь, где они гуляли с мамой.

— Иди сюда, — кивает она головой в сторону неспешно бегущего ручья, струящегося около подножия холма.

— Понимаю, почему тебе здесь нравилось, когда ты была ребенком, — говорю я ей, глядя на песчаное дно ручья и чистую проточную воду. — Должно быть, это хорошее место для того, чтобы прийти сюда в жаркий, важный летний день.

— Точно, — говорит она, сбрасывая туфли и приподнимая платье, перед тем как войти в воду.

— Сними обувь и закатай штаны!

Она вскидывает бровь, давая мне понять, что у меня действительно нет выбора в этом вопросе.

— Ладно.

Я снимаю свои ботинки и носки перед тем, как последовать за ней.

— Боже мой! Как холодно!

— Освежающе, — поправляет она меня с широкой улыбкой. — Мама бы никогда не подошла ко мне, но она бы сидела прямо на этом холме и смотрела, как я играюсь в воде.

— А Дарла не приходила сюда с тобой?

— Обычно нет, она не любит холодную воду, — она задумчиво улыбается. — Думаю, что я немного странная. Ощущение ледяной воды, текущей мимо моих ног, позволяет мне чувствовать себя живой.

— Такое, безусловно, разбудит любого, — бормочу я, в то время как дрожь пробегает по мне. — Но думаю, мои ноги уже онемели.

— Ну, тебе повезло, потому что папа и Дарла уже подъехали.

Она ухмыляется и останавливается, чтобы не назвать меня слабаком, хотя я догадываюсь, что она думает.

— Возвращение сюда — это именно то, что я хочу вспомнить о маме, — говорит Мэнди, пока мы поднимаемся по склону, чтобы встретить остальных членов семьи.

— После охлаждения здесь в жаркий полдень, прежде чем отправиться домой, хотелось бы заехать на Мустанге в «Dairy Bar». Интересно, он все еще открыт?

— Поскольку у нас есть Мустанг, я думаю, что мы должны выяснить это после службы.

Я тяну ее в свою сторону, и мы идем шаг в шаг весь остаток пути до большого дуба.

Рэй начинает неофициальную церемонию, вспоминая о том, как они впервые переехали сюда из города. Он вырос на Манхэттене и никогда не думал, что сможет быть счастливым в скучной сельской местности вроде этой. Теперь он опасается, что будет не в состоянии справиться с шумом и суетой большого города снова. Он улыбается и смотрит на своих родственников.

— Спасибо, что приютили нас и были добры к нам все эти годы, — говорит он с предельной искренностью.

— Перестань говорить такое, — старшая сестра Мэгги замечает, в ее глазах уже скопились слезы. — Вы — наша семья, и ты бы сделал то же самое для нас. Теперь давайте поговорим о чем-то более радостном, прежде чем я снова начну плакать.

— Это было наше любимое место, — начинает говорить Мэнди. — Мама и я приходили

сюда много раз, когда я была маленькой, и я рада, что она захотела, чтобы ее прах был развеян здесь. Не существует лучшего места, в которое бы я предпочла прийти к ней в гости.

После того, как каждый берет слово, рассказывая истории и предлагая воспоминания, очередь доходит до меня.

— Я, по правде сказать, не знал Мэгги, — признаюсь я. — Но я увидел Мэнди с другой стороны, с тех пор как я здесь. Одежда, Мустанг, этот ручей, увидеть ее в кругу всех вас, я действительно признателен за то, откуда она выросла такая. Это потрясающе.

Я смотрю в глаза Мэнди и вижу слезы, которые она мужественно сдерживает.

— Спасибо вам, что заставляете меня чувствовать себя желанным гостем, — добавляю я, глядя на Дарлу и Рея.

— Добро пожаловать, сынок, — говорит Рэй, кивая головой. — Я все-таки хочу коснуться одной вещи, прежде чем мы уйдем.

Он закрывает глаза на мгновение, как будто что-то придумывает.

— Вы могли заметить все эти маленькие оранжевые флажки по пути сюда.

Все кивают головами в унисон, так как мы все видели их.

— Хорошо. Братья Кумер унаследовали эту землю от своего двоюродного дяди в прошлом году, и я слышал, они разделяют ее на десяток разных участков под развитие.

Он вздыхает, и наша небольшая толпа смолкает за исключением нескольких вздохов и стонов.

Я смотрю на Мэнди, которая выглядит так, словно только что испытала шок.

— Когда это произошло? — спрашивает она после нескольких секунд молчания. — Ты знал об этом?

Она направляется к своему отцу.

— Я услышал об этом только пару недель назад, но мне не хватило духу сказать об этом Мэгги. Они даже еще не закончили съемку лотов, так что все только на ранних стадиях, — спокойно объясняет он. — Мы все еще можем развеять ее прах вниз по ручью, милая.

— Знаю, но все никогда не будет прежним.

Она закрывает глаза, и слезы собираются в уголках ее глаз. Выражение ее лица просто разбивает мое сердце.

— Не беспокойся об этом, — шепчу я, обняв ее. — Я что-нибудь придумаю.

— Но у них, очевидно, есть планы на развитие. Уверена, они уже прощупали и нашли определенный интерес, и теперь пойдут с этим до конца, — произносит она сквозь слезы.

— Когда я говорю тебе не беспокоиться, значит, не беспокойся, — повторяю я, глядя ей прямо в глаза. — Я позабочусь об этом.

— Все, приходите к нам в дом перекусить, — сообщает всем Рэй, когда все начинают перемещаться. — У нас есть тонны еды.

— Я все еще хочу сходить «Dairy Bar», — Мэнди так мило на меня смотрит, что я уверен, она также смотрела на мать, когда была маленькой девочкой.

— Ты получишь это, — соглашаюсь я, медленно поворачивая голову обратно к Мустангу.

— Некоторое время назад мы разговаривали с мамой, — говорит Дарла, подходя к нам, когда мы садимся в машину. — Ты получаешь все ее драгоценности и прочее, но Биллу и мне достается Мустанг, — заявляет она с мрачным выражением на лице. — Билл — настоящий механик, — добавляет она, как будто оправдывается.

Мэнди молчит, так что я отвечаю:

— Хорошо, я буду осторожен с машиной.

С этими словами я поворачиваю ключ, включаю передачу и отпускаю сцепление. Дарла стоит там, уперев руки в бедра, следя за нами, пока мы объезжаем дуб и направляется вперед к дороге.

— Хм, возможно, мне Дарла нравится не так уж сильно.

— Вот почему я редко упоминаю ее, — вздыхает Мэнди. — Моя семья — это полная неразбериха.

— Твоя семья ничем не отличается от моей, — посмеиваюсь я. — Может, поэтому мы так хорошо ладим. Мы, возможно, недостаточно нормальные из всей этой толпы.

— Куда мы поедem в отпуск мечты? — спрашивает Мэнди, устало глядя на меня.

— Пока не знаю, но уверен, туда, наверное, где не будет ловить сотовый телефон.

Я беру ее за руку и целую ее. *Я собираюсь найти ей такой же Мустанг.*

Глава 13

Ранее в воскресенье днем

Мэнди

Покидая ферму в пикапе отца, я была поражена осознанием того, что еще одна глава моей жизни официально закрывается. Мало кто сомневается, что отец приберется в доме и выставит его на продажу теперь, когда мама ушла. Я знаю, что последние несколько лет были особенно тяжелы для него, так как он наблюдал за непрерывным ухудшением здоровья мамы. Он заслуживает того, чтобы найти счастье.

— Когда ты приедешь в Нью-Йорк? — спрашиваю я, ожидая, что это будет его следующий шаг.

— Ох, проведя столько времени здесь, я больше не уверен, что смогу справиться с крупным городом, — отвечает он напоминающим тоном. — Я слишком стар, чтобы справиться со всем этим движением и дерьмом.

— Правда? — спрашивает Трей, кажется, шокированный его признанием. — А как насчет мамы?

— Простой ночью у нас был с ней хороший разговор, — говорит он со вздохом. — Я просто не готов вырвать корни и уехать. Она понимает.

— Но вы оба истосковались друг по другу в течение многих лет, — говорю я, поворачиваясь в кресле. — Теперь вы не думаете, что готовы? Что с вами?

— Я не знаю.

Он поднимает руку и трет лоб, пытаясь придумать хороший ответ.

— Я думаю, что немного боюсь прыгать из огня да в полымя.

Он ухмыляется и наклоняется вперед, чтобы дать Трею косой взгляд.

— Я знаю, что у мамы были проблемы на протяжении многих лет, но, узнав об ее отношениях с вами, я думаю, что именно это было источником ее проблем, — Трей говорит ему с полной уверенностью. — Я думаю, что вы должны, по крайней мере, дать ей шанс. Не думаю, что она привязана к Нью-Йорку, у нее просто не было хороших оснований, чтобы уехать.

— Хорошая мысль, — отвечает папа, глядя вперед на жучков, размазанных на лобовом стекле.

— Я рада, что мама знала обо всем и смирилась с этим, — говорю я ему. — Я была бы

все еще ужасно зла на тебя, если бы она не прояснила ситуацию тем вечером. Я едва могла стоять и смотреть на тебя, когда ты забирал меня из аэропорта.

— Я знаю, я тоже рад. Не думаю, что я был бы в состоянии жить с тобой, если бы ты ненавидела меня, — он поворачивается ко мне и грустно улыбается. — Ты всегда была моей маленькой девочкой, и я просто не хочу, чтобы ты думала обо мне плохо, — говорит он, извиняясь глазами.

— Одна вещь, которую я узнала, папа, что редко теряешь уважение кого — то, говоря им правду. Обычно наоборот, — я протягиваю руку и глажу его руке. — Я все еще твоя маленькая девочка.

— Ты всегда была умной, Аманда, — он наклоняется вперед и смотрит на Трея. — Позаботься о ней.

— Планирую, — отвечает тот.

К тому времени, как мы добирается до аэропорта, я чувствую себя в ладу с собой. Несмотря на то, что все меняется, вероятно, все к лучшему. Мама больше не страдает, папа может двигаться дальше со своей жизнью, и я думаю, что-то особенное расцветает между мной и Треем. Мы, вероятно, не будем знать наверняка, пока проходим через все это и ждем, когда все уляжется. Надеюсь, что это произойдет скорее раньше, чем позже, хотя я и так эмоциональна истощена.

Трей

После того, как Рэй прощается с Мэнди в аэропорту, мой телефон начинает звонить с маниакальной одержимостью. Я смотрю на экран, там зафиксировано несколько пропущенных звонков подряд от Томми. Он либо пьет, либо что-то действительно срочное. Сразу после посадки в самолет, номер Томми всплывает на моем экране уже в пятый раз.

— Эй, Томми, в чем проблема? — отвечаю я, чувствуя себя немного раздраженным от его настойчивости.

— Где ты? — спрашивает он укоряющим тоном.

— Я приехал в Теннесси почтить память матери Мэнди, — отвечаю я ему в таком же тоне.

— О, мне было интересно, почему ты постоянно исчезаешь. Сначала ты покидаешь Монако в середине ночи, и теперь ты не в городе, — разговаривает он так, словно я должен ему что-то объяснять. — Ты крутой парень, как выясняется.

— Тебе что-то нужно? — спрашиваю я после паузы в пару секунд.

— Да, у меня есть несколько вещей, которые мне нужно обсудить с тобой, — говорит он, не приводя никакой конкретики.

— Ладно, я буду в полете в течение следующего часа, так что у меня есть время поговорить.

Я иду к задней части самолета и занимаю свое обычное место.

— Есть вещи, которые я хотел бы обсудить лично. Когда ты приземляешься? — спрашивает он, кажется, слишком раздраженно. — У тебя была возможность поговорить с братом?

— Они держат его в коме, так что нет, я не разговаривал с ним. А что?

— Мне просто интересно, пришел ли он в себя после всего. Ванесса не отвечает на телефонные звонки, — произносит он нервно. — Я подумал, может быть, он вышел из комы.

— Она с мамой по очереди дежурят у него, так что, вероятно, она пытается поспать

сейчас. Она остается на ночь, а мама дежурит днем.

— Ладно, может, она просто спит тогда. Когда ты возвращаешься? — спрашивает он во второй раз.

— Мы совершим посадку в аэропорту Кеннеди где-то через час с небольшим, — сообщаю я ему сквозь зубы.

— Хорошо, тебя подвезти? — спрашивает он с нетерпением.

— Нет, все предусмотрено. Мы можем встретиться в офисе завтра утром? — спрашиваю я, не желая встречаться с ним в воскресенье вечером. — Я полагаю, ты будешь там.

— Я бы предпочел встретиться в частном порядке, — говорит он с подозрением в голосе, заставляя меня задуматься об его истинных намерениях.

С самого начала этот разговор оставил в душе какое-то странное предчувствие, а я предпочитаю доверять своей интуиции.

— Я буду завтра в одиннадцать тридцать. Так что, если ты не хочешь поговорить в офисе, то мы можем пойти пообедать в какое-нибудь тихое место.

Томми замолкает, делая очевидным, что он пытается придумать причину, почему это не сработает.

— Так, а ты занят сегодня вечером?

— Больше устал, чем занят, но если я и буду чем-то занят, но, вероятнее всего, соберусь посетить больницу, — отвечаю я, сгорая от любопытства, что следующим вылетит из его уст.

— Где ты остановился? — спрашивает он, и его голос звучит еще более задумчиво.

— Думаю, что мы остановимся у отца, так как квартира пуста, — на другом конце трубки воцаряется тишина, поэтому я добавляю. — Я планирую там быть около десяти вечера. А что?

— Ой, да ничего. Мне было просто интересно, нужно ли тебе место, где можно пожить, — отвечает он, кажется, немного отвлекшись. — Если ты уверен, что мы не можем встретиться сегодня вечером, то увидимся за обедом.

— Отлично. Кстати, я думаю, что ты должен перестать названивать Ванессе, — говорю я ему, учитывая, какой противоречивой она стала в последнее время. — У нее достаточно хлопот сейчас, и ей не нужно, чтобы ты капал ей мозги.

— Ты понятия не имеешь о том, что происходит, а чего не происходит между нами, так почему бы тебе не заняться своими делами, — срывается он. — Я всегда считал ее близким другом.

— Ну, я знал ее с пятого класса, и могу сказать, что она прямо сейчас действительно в плохом состоянии. Ей не нужны никакие дополнительные стрессы, — взрываюсь я.

— Если она хочет избавиться от всякого стресса, то ей нужно бросить твоего брата, — ехидничает он. — Он порядочно облажался.

Я нажимаю кнопку отбоя, прекращая разговор. Я не собираюсь слушать его подкалывания моего брата. Все мы знаем, что Тайлер нуждается в помощи, но Томми не нужно пинать лежачего. Держу пари, он заложил идеи в голову Ванессы. Это объясняет, почему она так странно себя ведет в последнее время. Я посылаю Ванессе краткое сообщение, где говорю, чтобы она позвонила мне, когда сможет. Мой телефон звонит прежде, чем я даже успеваю встать со своего места.

— Что случилось? — спрашивает она, ее голос звучит, словно все в порядке.

— Не знаю. Только что разговаривал по телефону с Томми, и весь наш разговор оставил у меня странное ощущение. Ты в последнее время общалась с ним? — спрашиваю я, все еще

испытывая беспокойство, оставленное разговором с ним.

— Да, я говорила с ним в субботу. Ему было просто интересно, как дела у Тайлера, и действительно ли ты был в больнице. Я сказала ему, что Тайлер все еще в коме, и что не знаю, где ты был, — объясняет она.

— Я не знаю. Ему просто было любопытно, разговаривал кто-либо из нас с Тайлером, — уточняет она.

— Он спросил у меня то же самое. Это немного странно, — болезненные ощущения в животе начинают возвращаться. — Ты сейчас с Тайлером?

— Нет. Твоя мама. Я возвращусь туда через пару часиков и останусь снова на ночь, — она вздыхает. — Как ты думаешь, он выкарабкается из этого?

— Думаю да, но не хочу, чтобы его оставляли одного. Я планирую заехать туда, когда вернусь. Возможно, я приеду примерно в то же время, что и ты.

— Хорошо, увидимся там, — отвечает она и вешает трубку.

Мэнди

Трей возвращается в переднюю часть самолета и плюхается в кресло рядом со мной. Судя по выражению его лица, он вернулся назад к ситуации своего брата.

— Как дела в Нью-Йорке? — спрашиваю я, надеюсь, что он поделится хоть чем-нибудь.

— Честно говоря, не знаю, — отвечает он с отсутствующим взглядом. — Я все время прокручиваю все это в голове, но не могу понять, что именно меня беспокоит. Томми ведет себя очень странно, да и Ванесса тоже.

— Ладно, давай просто запишем все, что мы знаем.

Я тянусь к сумке и достаю из нее блокнот и ручку.

— Кто-то, но не ты, нанял киллера, чтобы убить твоего отца.

Я записываю это в верхней части списка.

— Кто-то отравил твоего брата и сделал вид, словно тот признался в самоубийстве в предсмертной записке.

Я записываю это ниже.

— У тебя все еще осталось сообщение на голосовой почте, которое Тайлер оставил тебе?

— Да, я держал его на всякий случай, это был последний раз, когда я слышал его голос.

Грустный взгляд пересекает его лицо, когда он вытаскивает свой телефон из кармана. Я знаю, что он до сих пор сожалеет, что не поговорил со своим отцом в последний раз.

Он нажимает кнопку, чтобы прослушать сообщение:

— Я знаю, что ты злишься на меня, но это полный пи*дец. Сначала Ванесса, а теперь он забирает компанию. Я сказал отцу, что Томми — обманщик. Он такой, твою мать, мошенник.

Дальше слышится шум, слышно, как его телефон ударяется с глухим звуком об пол и он издает стон.

— Томми разозлился, когда я сказал ему, чтобы он перестал названивать Ванессе, — Трей сразу же переходит к тому моменту звонка. — Интересно, что происходило между ними?

— Почему Тайлер называет его мошенником? — указываю я на очевидный факт, что Тайлер не только полагал, что Томми — мошенник, но и сказал об этом Виктору. — Если Томми — мошенник, и Тайлер узнал об этом....

— Томми нужно было заткнуть его! — говорит он, завершая мое предложение.

— Точно! И он также говорит, что сказал об этом твоему отцу.

— Ты думаешь, это объясняет, почему погиб отец? — спрашивает он, будто это предположение с очень большой натяжкой. — Мог ли Томми действительно убить отца и Тайлера из-за такой глупости?

— Работа генерального директора, плюс, как ты сказал, он получает контроль над компанией с правом голоса. Этого не случилось бы, если бы Виктор был жив, — выпаливаю я, а мысли вливаются в мою голову. — Кроме того, ты сам сказал, что у него гигантское эго. Если бы он был разоблачен как мошенник, то это бы разрушило его профессиональную карьеру и лично.

Я усаживаюсь поудобнее в кресло и смотрю на него, убежденная, что я определенно на верном пути.

— Хорошая точка зрения. Со всем этим дерьмом, закрученным вокруг меня, я не подумал о том факте, что Томми получает так много контроля над компанией. Я думал, возможно, это был недосмотр со стороны отца, — говорит он, глядя в потолок. — Но почему контроль над компанией так важен для него? Не похоже, что он может предпринять что-то радикальное. Все должно быть одобрено членами Совета директоров и поставлено на голосование акционерам.

— Я, правда, не знаю, есть ли ответ на этот вопрос,... вот, твой мотив, — говорю я ему, самодовольно улыбаясь.

— Боже, ты умница... и красавица, — добавляет он машинально.

— Ты, очевидно, умный человек тоже, — я глажу его по колену и улыбаюсь ему в ответ. — Думаю, что ты и я — хорошая команда.

— Ты и я — отличная команда. Вот почему ты должна поехать в Калифорнию, и поговорить с Харрисом, — говорит он, опуская голову и глядя на меня.

— Как только все стабилизируется, я приму решение, — парирую я. — Нам нужно четко понять несколько вещей и решить их, прежде чем мне идти на такой решительный шаг.

Трей качает головой на меня, прежде чем закрыть глаза и откинуться на спинку сиденья. Я знаю, что он привык летать, полагаясь на свою интуицию, и что он никогда не испытывал недостаток финансирования, но я знаю, каково это не иметь ничего. После четырех лет обучения в колледже и трех лет в юридической школе — я по уши в долгах по студенческим кредитам. После этих выплат, смехотворно высокой квартплаты и моей страховки — остается совсем немного. Думая о своей жизни до этого, я вдруг вздрагиваю.

— Ты получил деньги из Монте-Карло? — спрашиваю я, пока мои мысли сводятся к тому, что все мои проблемы закончатся, если он поделится некоторой частью выигрыша со мной.

— Они должны быть на моем счету в среду, — говорит он. — Это одна из причин, почему я постоянно говорю тебе не волноваться. Независимо от того, что происходит, у нас это как подстраховка вместе с другими моими инвестициями.

— У нас? — спрашиваю я, и мои надежды вдруг стремительно растут.

— Да, у нас. Ты и я выиграли эти деньги вместе, так что половина твоя, — спокойно отвечает он, даже не открывая глаз.

Я наклоняюсь и целую его.

— Спасибо. Я поеду в Калифорнию в конце недели и улажу все с Харрисом.

— Хорошо, — он открывает глаза и улыбается, прежде чем снова закрыть их.

— Я слышала, ты говорил, что мы сядем в аэропорту Кеннеди вместо Ла-Гуардия, — спрашиваю я, озадаченная тем, что он всегда говорит, что там слишком много мороки.

— Да, но не мы. Я только хотел избавиться от Томми. Он последний человек, которого я хочу видеть, когда мы приземлимся. Я также сказал ему, что мы остановимся в пенхаусе отца, поэтому я собираюсь связаться со швейцаром и попросить его следить за всякими странными посетителями. Насколько я понимаю, я — следующий в его списке, — размышляет он устало.

— Нам лучше быть осторожными, пока мы собираем кусочки пазла вместе, — приступ страха вдруг накрывает меня. — Мы не хотим, чтобы он узнал, что у нас имеются какие-то подозрения.

— Да, я буду действовать также, как я обычно веду дела, когда встречу с ним завтра. Я только должен держать глаза и уши открытыми, чтобы найти зацепки, — он протягивает руку и берет меня за руку. — Я хочу поехать в больницу и проверить Тайлера, когда мы вернемся, поэтому я собираюсь немного вздремнуть.

— Хорошо, я оставляю тебя в покое.

Мой разум разгоняется тысячу миль в час, так что мне точно не удастся вздремнуть.

Ищейка во мне продолжает изучать список вещей, которые нам известны, и прокручивать различные сценарии. Если мы выясним его мотивы, то остальное встанет на свои места. Мне не нравится Томми или Лив, так что, надеюсь, он в чем-нибудь да будет виноват.

Трей

Когда я уже начинаю засыпать, у меня снова звонит телефон. Я достаю его, с отвращением думая, что это, вероятно, снова Лив или Томми, но это мой адвокат, Перри. Поскольку он тот, с кем я действительно хочу поговорить, то я принимаю вызов.

— Я получил письма, и это вполне правдоподобно, — подтверждает он. — Судя по датам, они могли бы подтвердить твою линию наследования, тем более что Виктор был помолвлен. Это гениально. Я могу работать с этим, — говорит он, и его голос излучает уверенность.

— Здорово! — отвечаю я, радуясь получению хоть каких-то позитивных новостей. — Мы подумали, что это имело смысл, и чтобы покончить с вопросом о кейсе.

— Думаю, что так и будет, но я хотел бы использовать это, чтобы заткнуть шумиху в СМИ в дополнение к полицейскому расследованию, — отвечает он более серьезным тоном.

— Эй, я доверяю твоему решению. Если ты можешь сделать так, чтобы TMZ отвязались от меня, флаг тебе в руки, — говорю я ему в восторге от перспективы исчезнуть из центра внимания прессы на некоторое время.

— Ладно, я просто хотел убедиться, что у меня есть полная свобода действий распространить эти письма, так как они носят очень личный характер, — он делает паузу, ожидая подтверждения с моей стороны.

— Да, думаю, тебе нужно поговорить, по крайней мере, с Us Weekly и TMZ, — отвечаю я, желая положить конец всем бесконечным обвинениям. — В то же время, у меня имеется неплохая мысль о том, кто может стоять за всем этим. Я собираюсь начать копать, как только мы приземлимся.

— Здорово! А я запущу все со своей стороны, — подтверждает он. — Завтра к вечеру ты

не должен больше быть подозреваемым в убийстве или целью СМИ.

— Звучит замечательно! — я выпускаю огромный вздох, повесив трубку.

— Итак, Перри понравилась наша идея с письмами? — ухмыляется Мэнди.

— Ему понравилась, — я наклоняюсь и целую ее. — Мы, безусловно, великолепная команда.

Откинувшись на сиденье еще раз, я более уверен, чем когда-либо, что все получится. Мне срочно нужно отдохнуть, но все слабые факты и подозрения продолжают вертеться в моей голове. Мое чутье подсказывает мне, что Томми находится в сердце всего этого, и что должно быть рациональное объяснение для всего случившегося. Мне просто нужно собрать все куски, прежде чем кто-либо еще пострадает.

Глава 14

Трэй

В моей жизни существует несколько вещей, которые я ненавижу больше, чем посещать больницу. Я довольно много времени провел в лечебных учреждениях после того, как Тайлер получил травму в школе, и мне всегда там было некомфортно. Тот факт, что Ванесса, как обычно, шла туда со мной, было единственным, что делало это более терпимым. Вот почему я обрадовался, когда Мэнди спросила, может ли она пойти сегодня вечером со мной.

— Тайлер? — человек в зеленом халате ахает по мере нашего приближения к дверям больницы.

— Нет. Я его брат близнец, Трей, — я протягиваю ему руку для рукопожатия.

— Боже Мой! Я думал, что потерял его, — говорит он, пожимая мою руку и изучая мои черты. — Вы двое действительно похожи.

— Вплоть до небритой недельной щетины, — добавляет Мэнди.

— Я просто заехал, чтобы посмотреть, как у него дела. Мы только что вернулись с похорон ее мамы в Теннесси, — объясняю я.

— Так вы тот, с кем я разговаривал на днях по телефону, — говорит он, внезапно осознавая этот факт. — Конференция с мамой и Ванессой.

— Было такое, а вы один из его врачей?

Я смотрю на его бейджик, в состоянии прочитать только первые несколько букв.

— Да, я доктор Потатурри. Я позаботился о нем в субботу.

Его глаза нервно бегают взад и вперед, и в это же самое время я обращаю более пристально внимание на блондина, стоящего рядом с ним. Я замечаю, что он отступил на пару шагов, как только мы начали говорить.

— Я догоню вас позднее, док, — говорит он прежде, чем повернуться, чтобы уйти.

Ему явно неудобно от моего пристального внимания к его персоне. Я отмечаю про себя его торчащие волосы, голубые глаза и татуировку в виде ножа на шее.

— Да, — отпускает тот его кивком и поворачивается ко мне. — Я задержусь ненадолго, чтобы проверить вашего брата и сообщить вам результаты.

Он протягивает руку и указывает на вход.

— С ним все в порядке? — снова спрашиваю я.

— Похоже, он стабилен, но мы не будем знать наверняка, пока не сможем вывести его из искусственной комы, — отвечает он глухим голосом. — Вы идите вперед, а я подойду попозже.

Он указывает нам путь к лифтам на другой стороне зала ожидания.

— Ты видел их лица, когда мы подошли? — шепчет Мэнди, как только двери лифта открываются. — Я подумала, что блондин наложил в штаны.

— Да, заметил, что он медленно отступал, пока я разговаривал с доктором. Интересно, почему у Тайлера другой врач?

Еще одно странное предчувствие разрастается внутри меня.

— Вот почему я был слегка в замешательстве после телефонного разговора. Этот врач все делает совершенно по-другому, нежели его первый доктор.

— Может, нам следует найти его предыдущего врача и выяснить, что случилось? — предлагает Мэнди.

Раздается сигнал, и двери лифта открываются.

— Доктор Новачек, мы как раз говорили о вас, — сообщаю я ему, пока тот заходит в лифт.

— Какие-то проблемы? — сухо спрашивает он, глядя на меня поверх своих очков.

— На самом деле, да. Меня интересует, почему у Тайлера новый врач, и почему он считает, что Тайлер должен оставаться в отключке? — я сердито гляжу на него с такой же напряженностью, как и в голосе.

— Ваша семья попросила замену, — говорит он ехидно. — Разве вы не в курсе?

— Нет. Мама, кажется, не знала, почему произошли изменения, — отвечаю я, озадаченный его объяснением. — Остается только один человек — его невеста, Ванесса.

— Я не знаю тонкостей. Все, что мне известно, кто-то из вашей семьи попросил, чтобы его лечащим врачом стал доктор Потатурри, — отвечает он, и в его голосе слышатся нотки презрения. — Бог знает почему.

— У него больше опыта с передозировкой наркотиков? — спрашиваю я, надеясь найти рациональное объяснение.

Раздается сигнал лифта, когда мы достигаем нашего этажа, но доктор Новачек нажимает кнопку остановки лифта.

— Я иду к себе в кабинет. Почему бы вам не присоединиться ко мне?

Мэнди я и обмениваемся нервными взглядами, прежде чем последовать за доктором в его кабинет. Мы идем в полном молчании, пока не заходим за ним в кабинет, и он закрывает за нами дверь.

— У доктора Горшка (*прим. пер. pot — с англ. переводится как «горшок»*), как мне нравится его называть, несомненно, имеется большой опыт с передозировкой наркотиков, — говорит он, подходя к своему столу и усаживаясь за него. — К сожалению, большинство передозировок у его собственных пациентов.

— Не понимаю, — сажусь я в кресло и показываю Мэнди сесть в другое.

— Доктор Потатурри — специалист по обезболиванию. У него имеется частная практика в дополнение к его работе в больнице. Из того, что я слышал, в его клинике у него работают три специалиста, которые используют рецептурные бланки, как туалетную бумагу.

— Хорошо. Тогда почему Ванесса попросила стать его врачом Тайлера? — спрашиваю я, еще более озадаченный.

— Почему он изменил стандартный протокол? — доктор спрашивает меня. — Это даже более интересный вопрос.

Я наклоняюсь вперед в своем кресле.

— Что если кто-то пытался убить брата, и это вовсе не была передозировка? Они не

захотят, чтобы он очнулся.

Он двигает экземпляр «Us Weekly» по направлению ко мне.

— В заголовке утверждается, что это вы, кто хочет его смерти, как и вашего отца. Это сделает вас единственным наследником много миллиардного состояния, — говорит он, снимая очки и кладя их на свой стол. — Вы говорите, что это не так?

Я закатываю глаза и мне трудно поверить, что он может сказать такое прямо мне в лицо.

— Если бы были доказательства, что я принимал в этом участие, то меня бы давно арестовали.

— А что насчет чемодана, полного денег? — спрашивает он, постукивая ручкой по журналу. — Утверждается, что это ключ ко всему.

— Ну, это не так. Я просто купил кое-какие документы, которые хотел вывести из игры. Их копии были направлены по факсу моему адвокату, поэтому до конца завтрашнего дня все прояснится, — говорю я ему уверенно.

— Хорошо. Если и есть кто-то, кто хочет удержать вашего брата от разговора, то доктора Горшок идеально для этого подходит, — говорит он, подтверждая тошнотворное чувство, зарождающееся у меня в животе. — И если его хотят убить, то он может сделать так, что смерть будет выглядеть, как результат естественных причин. Он просто не выйдет из комы.

— Я думал, что Тайлер выйдет из этого состояния сегодня утром. Было какое-то движение, и он издавал какие-то стонущие звуки, — я ерзаю на своем месте.

— Монитор зафиксировал нарастающую активность. Как его лечащий врач, я был этому рад, но после этого с тех пор у меня не было возможности понаблюдать за ним, — говорит он, делая гримасу. — Как вы хотите поступить?

— Я хочу, чтобы вы были его лечащим врачом, и собираюсь выяснить, кто просил заменить вас.

Я поднимаюсь и протягиваю руку, чтобы пожать его.

— Спасибо, что просветили нас.

Мэнди

В конце разговора доктор Новачек явно смягчился по отношению к Трею. В самом начале он был ослом, но Трей оставался спокойным, и стало очевидно, что он делает все в интересах своего брата. Меня интересует вопрос, а что если Томми и Ванесса могут быть в сговоре друг с другом? На данный момент этот сценарий кажется наиболее вероятным.

— Я подожду за дверью, если вы хотите поговорить наедине, — сообщаю я ему, когда мы подходим к палате его брата.

— Нет.

Он качает головой и берет меня за руку, ведя через дверной проем.

— Трей, я так рада, что ты здесь.

Ванесса вскакивает со стула и бросается, чтобы крепко обнять его.

— Привет, — добавляет она, глядя на меня, как на совершенно незнакомого человека.

— Привет, я — Аманда, — отвечаю я, поскольку очевидно, что она не помнит моего имени.

— Аманда, прости, в моей голове столько всего.

Она переводит взгляд на Трея.

— С тех пор, как вы ушли в пятницу, он не пошевелился и не издал ни звука.

Она произносит это так, словно намекает, что это Трей виноват в таком развитии событий.

— Не я приказал заменить врача, — взрывается он, после того как отстраняется от нее. — Ради Бога, вот почему он все еще без сознания.

— Я заменила, — признается она с расширившимися глазами. — Тай ходил к нему больше месяца. Когда я узнала, что он работает в больнице, мне показалось, что это имеет смысл.

— Ты понимаешь, что его называют доктором Горшком, потому что он наваривает на торговле наркотиками!

Трей сжимает кулаки и смотрит от отчаяния в потолок.

— Как, черт возьми, Тайлер в конечном итоге попал к нему?

— Томми рассказал мне о нем. Он — специалист по лечению болевого синдрома! — кричит она, прежде чем отвернуться и отойти к другой стороне кровати.

Трей стоит и молчит какое-то время, прежде чем начинает спокойно говорить.

— Ты сказала мне, что Тайлер был странным и непредсказуемым в прошлом месяце. По совпадению, он идет к специалисту по лечению болевого синдрома, про которого доктор Новачек сказал, что тот является основным дилером опускаемых по рецепту наркотиков. Боже, Ванесса! Ты что, совсем глупая?

— Какие-то проблемы? — спрашивает голос позади нас.

Я поворачиваюсь и вижу доктора Потатурри, стоящего в дверях, и на его лице застыло выражение неуверенности.

Трей поворачивается на каблуках и тут же нападает на него.

— Да, есть серьезная проблема. Вы портили моего брата уже больше месяца, а теперь хотите продолжать свою работу здесь? — спрашивает он, двигаясь по направлению врача. — Держу пари, это вы были источником фенобарбитала.

Он подходит непосредственно к доктору.

— Ого, откуда все это взялось? Мы лишь говорили пару минут назад внизу.

Он делает шаг назад с изумленным взглядом.

— С самого начала я думал, что смерть отца и вся эта история с Тайлером были связаны, — говорит Трей, делая еще один шаг по направлению к доктору. — Мне кажется, что вы и Томми находитесь в самом центре событий. Ванесса тоже может быть замешана в этом.

Он оборачивается и его взгляд падает на Ванессу.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — Ванесса быстрым шагом пересекает палату. — Что я была частью заговора, чтобы убить твою семью? Зачем бы мне это делать? — требует она, протискиваясь между Треем и врачом.

— Ты всех познакомила. Вне зависимости от того, планировала ли ты это или нет, — резко отвечает Трей на ее слова и возвращает свое внимание к доктору.

— Просто для ясности... вы больше не доктор Тайлера. Я собираюсь попросить доктора Новачека сделать анализы крови, чтобы проверить, какие препараты вы использовали, чтобы держать его в бессознательном состоянии.

— Вы обвиняете меня в умышленном причинении вреда вашему брату? Мне следует вызвать охрану, ... они вышвырнут ваши задницы отсюда! — злится тот. — Я знаю, Тельма, старшая медсестра, получила инструкции следить за тем, чтобы вы не оставались с ним

наедине.

Трей качает головой и смотрит прямо на доктора. Его лицо покраснело, и я вижу, как на шее пульсирует вена.

— Это было до того, как мы узнали, что вы и Томми связаны. Кстати, кто был тот блондин, с которым вы разговаривали, когда мы подошли?

— Просто мой друг. А что? — доктор Потатурри выглядит совершенно раздосадованным этим вопросом.

— Потому что он наложил в штаны, когда увидел Трея, — вступаю я, устав сдерживаться.

— Он продолжал отступать все то время, пока я разговаривал с вами, — добавляет Трей.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, но если вы думаете, что я не могу помочь вашему брату, то я буду рад уйти, — говорит доктор, пожимая плечами и поворачиваясь в сторону коридора.

— Отлично, — отвечает Трей, поворачиваясь к Ванессе. — Ему будет лучше с доктором Новачеком. Им надо будет сделать анализ крови и посмотреть, что с ней.

— Тебе также необходимо позвонить в полицию и написать заявление на все это, — говорю я ему без всякой осторожности. — Таким образом, они начнут преследовать настоящих преступников, вместо того, чтобы пытаться выяснить, как построить обвинения против тебя, опираясь лишь на косвенные улики.

— Томми не участвует в этом никоим образом! — глаза Ванессы снова вспыхивают. — Томми лишь пытался помочь, потому что я рассказала ему, как была расстроена болями Тайлера и его наркозависимостью.

— Ладно, Томми, так или иначе, станет генеральным директором Эддисон Медиа и тем самым получит право большинства голосов, — сообщает ей Трей. — Единственным способом, как это могло произойти — смерть моего отца, и совет директоров утверждает его найм в качестве генерального директора. Из всех людей, связанных с этой ситуацией, Томми до сих пор выигрывает больше остальных.

Ванесса качает головой в отчаянии и выбегает из палаты.

— Думаю, что ты задел за живое, — говорю я, поднимая бровь и ухмыляясь ему довольной улыбкой.

— Я собираюсь вцепиться в это дело, пока не выясню, что происходит! — он подходит к кровати брата и кладет на него руку. — Не волнуйся, дружище. Я не покину город, пока мы не разберемся во всем этом беспорядке.

Я выхожу в коридор, чтобы дать Трею немного уединения, и чтобы посмотреть, находится ли доктор Новачек у себя в кабинете. Как только я поворачиваю за угол, то слышу, как Ванесса с кем-то сердито разговаривает по телефону. Я останавливаюсь так, чтобы находиться вне ее прямой видимости и при этом могла бы слышать ее разговор. Она заметно расстроена, и нет никаких сомнений в том, кто находится на другом конце линии.

— Они намерены сделать анализ крови, чтобы увидеть, накачивал ли он его наркотиками!

Я слышу очень отчетливо, перед тем как ее голос снова становится тихим. Она выглядит так, как будто готова разрыдаться в любой момент. Я стою на месте еще минутку, пока она не опускает трубку и нажимает на отбой.

— Все хорошо? — спрашиваю я, когда продолжаю свой путь в кабинет доктора Новачека.

— Все хорошо? — ее рот буквально открывается от удивления. — Что это еще за вопрос такой? Конечно, все не в порядке!

— Прости, я только проходила мимо, — говорю я ей, не зная, что еще сказать, и спешно двигаюсь по направлению кабинета доктора.

Я все время спрашиваю себя, она злится на Томми за то, что тот рекомендовал врача, распространяющего наркотики, или она расстроена из-за того, что Трей обвинил ее в причастности к этому. Она, вероятно, расстроена и из-за того и из-за другого.

Глава 15

06:00. Понедельник

Трей

В то время как Тельма, старшая медсестра, заходит в палату Тайлера с новостями об анализах крови, которые были заказаны доктором Новачеком, мои глаза горят от недостатка сна.

— Врач будет после обеда, чтобы ответить на любые вопросы, но он дал мне подробное описание того, что нам известно на данный момент, — сообщает мне она, прежде чем начать обзор.

— По сути все сводится к тому, что сочетание седативных препаратов, которые он использовал наряду с повреждением головного мозга, вызванного передозировкой фенобарбитала, является плохой комбинацией, — говорит она, подтверждая мои подозрения, появившиеся предыдущей ночью.

— Существует очень большая вероятность того, что он будет страдать кратковременной потерей памяти, и также могут быть последствия для его долговременной памяти. Мы просто должны подождать и посмотреть.

Тельма мрачно смотрит на меня, прежде чем задает вопрос, есть ли у меня какие-либо вопросы?

— А что насчет комы? — любопытно я, так как в течение нескольких дней Тайлер был без сознания.

— Мы надеемся, что он выйдет из нее сегодня, так как ему больше не даются лоразепам и пропофол, — объясняет он. — Высокая концентрация этих веществ, обнаруженных в анализе крови, является наиболее подозрительным моментом по мнению доктору Новачеку.

— У него имеются какие-либо идеи, что доктор Потатурри давал ему за месяц до момента передозировки? — спрашиваю я с нарастающим любопытством.

— Пока нет, — она качает головой, подняв брови. — На этикетке флакона препарата, обнаруженного в кармане, было написано, что таблетки содержали 5 мг гидрокодона и 325 мг ацетаминофена. Итак, на этих таблетках должен был стоять штамп M365. Не на всех таблетках имелась эта надпись, что говорит о том, что они могли быть куплены либо в аптеке, изготавливающей лекарства, либо на улице, — уточняет она с тяжелым вздохом.

— Таким образом, доктор Горшок оправдал свою репутацию? — спрашиваю я, думая, что все теперь раскладывается по маленьким полочкам.

— Это было бы выводом большинства людей, которые ухватились бы за это сразу же, но все не так просто, — отвечает она, выкачивая из меня частицу надежды. — Тайлер мог сам подсесть на своих таблетки и купить еще больше их у дилера, а потом поместить во флакон.

Мы часто сталкиваемся с таким, особенно, когда речь идет о болеутоляющих препаратах.

— Так что мы теперь будем делать? — спрашиваю я, разочарованный отсутствием четкого заключения.

— Таблетки были отправлены в лабораторию ФБР для анализа, — говорит она, и в ее глазах промелькнул ядовитый взгляд. — После того, как результаты вернуться, посмотрим на токсикологию того, что доктор Потатурри вводил, чтобы оценить, имелся ли в этом преступный умысел. После этого дела могут развиваться достаточно быстро в интересном направлении.

Она молча постояла несколько секунд, прежде чем закрыть карту Тайлера и направиться в сторону двери.

— Итак, мы ждем? — я пожимаю плечами, чувствуя себя беспомощным.

— Да. И в зависимости от результатов либо детектив Келли или агент ФБР также заедут к полудню к доктору Новачеку для консультации, — ее взгляд вдруг смягчается. — Кстати, я прошу прощения за то, как к вам относились. Вокруг вас было там много слухов, никто не хотел рисковать.

— Спасибо, но это окружает меня со всех сторон, так что не слишком переживаю, — я устало ей улыбаюсь. — Я только хочу со всем разобраться, пока никто не пострадал.

— Понимаю, — она улыбается в ответ. — Мы сделаем все, что сможем.

После того, как она покидает комнату, я подхожу к кровати Тайлера и смотрю на него. Я начинаю думать, что, возможно, странное сочетание препарата, вероятнее всего, виновато в его недавнем поведении. Может, он не совсем виноват, также как не был виноват отец во всем произошедшем с семьями. Несмотря на то, что мой мозг был уставшим и затуманенным, я не мог не думать о том, что слышал еще во время учебы в колледже по психологии. *Твоя жизнь — это всего лишь результат твоего восприятия.* Я начинаю понимать, что это утверждение достаточно правдиво.

Мой отец вырастил нас и возил по всему миру, несмотря на то, что у него имелись шансы пятьдесят на пятьдесят, что мы даже не его дети. Мое сердце сжимается при мысли о том, что он желал, чтобы я продолжил семейное наследие, и о моем полном нежелании даже обсуждать эту тему. Понимая, что уже слишком поздно для любого примирения с отцом, я клянусь не совершить ту же ошибку с братом.

— Что ты узнал? — сонно спрашивает Мэнди после пробуждения от короткого сна в комнате ожидания.

— Они думают, что комбинация препаратов уничтожила его кратковременную память и может повлиять на его мозг в долгосрочной перспективе, — говорю я ей, по-прежнему борясь с болью в сердце.

— Ты в порядке?

Она придвигается ближе и обнимает меня.

— На самом деле, нет, — признаюсь я, крепко ее сжимая. — Мне нужно сделать несколько телефонных звонков и добраться до сути того, что происходит на самом деле. Папа ушел, Тайлер вышел из строя и мама не намного лучше.

— О, правда? — раздраженный голос мамы разрушает момент. — Кто был здесь ночью и днем, пока ты летал в Монако и Кентукки, — парирует она с раздражением в голосе.

Мне нравится, как она упоминает совершенно другой штат. Она отлично знает, что Рэй живет в Теннесси.

— Мама, прости. Просто все выглядело так, словно ты отстранилась от этого с тех пор, как я вернулся, — пытаюсь я объяснить. — Ты пьешь и куришь...

— Да, это — правда, — закипает она. — Моему бывшему мужу почти снесло голову, потом мой младший сын съехал с катушек и оказался в итоге в медикаментозной коме. Тем временем другой сын шляется где-то, как будто он выше всего этого, — она пристально смотрит на меня, ожидая моего ответа.

— Прости. Мне не следовало уезжать в Монако, просто я не мог выдержать все это напряжение, — пытаюсь я объяснить. — Но не жалею, что отправился в Теннесси. Мэнди нуждалась во мне, — говорю я ей, сжимая Мэнди.

— Конечно, — мама поворачивается к ней, внезапно меняя свое поведение. — Я так сожалею о Мэгги, и я тоже прошу прощение за то, что тебе пришлось узнать об отце и обо мне, — говорит она, раскрывая свои объятия. — И ты удивляешься, почему я пью и курю!

Она снова смотрит на меня, как будто не верит своим глазам.

— Прости, — смеюсь я вслух. — Я понимаю, мам. Мы с Мэнди были навеселе до обеда в тот день, когда Рэй признался, что мы могли быть родственниками.

— Все не должно было дойти до этого, — говорит мама, качая головой. — Мне следовало сделать тест на отцовство за спиной Виктора за эти годы. Я не знаю, почему я колебалась.

— Потому что ты боялась получить не тот результат, — предполагаю я и кладу руку на ее плечо.

— Ты прав, — она вздыхает и опускает голову. — Вообще-то, я несколько удивлена, что ваш ДНК-тест оказался таким, — добавляет она. — Виктора не было рядом в то время.

— Ладно, я пойду выпью кофе, — выпаливает Мэнди. — Слишком много информации. Мэнди нашла себе оправдание, а я возвращаюсь к тому, чтобы поговорить с мамой наедине.

— Я прошу прощение, что имею привычку убегать всякий раз, когда чувствую себя в стрессовой ситуации, — я смотрю ей прямо в глаза. — Я буду здесь столько, сколько понадобится. Я никуда не уеду, пока Тайлер не встанет на ноги, и ответственный за все это не окажется за решеткой.

— Спасибо, Трей, — говорит мама со слезами на глазах. — Мы все нуждаемся в тебе сейчас, включая Ванессу. Она позвонила мне прошлым вечером и полностью сорвалась, разговаривая со мной. Ты обвинил ее в причастности к этому?

Я делаю паузу и вспоминаю то, что я сказал прошлым вечером.

— Я мог сказать что-то экспромтом, — признаюсь я. — Это потому, что она призналась, что свела Тайлера с этим доктором. Ты знала, что именно Томми был тем, кто предложил его?

Я чувствую, что начинаю закипать только от одной мысли об этом.

— Я понимаю, что она не должна была доверять Томми, но она считала, что поступает правильно, — объясняет мама. — Ты должен извиниться перед ней.

— Но она ведет себя так же странно, как Тайлер с тех пор, как я вернулся, — отвечаю я в свою защиту. — Иногда кажется, что она даже не заботится о Тайлере.

— Прикуси язык, — мама цокает языком, оглядываясь на Тайлера. — Ты понимаешь, что ее родители все это время оставались в своем доме в Южной Африке? — спрашивает она с растерянным выражением на лице. — Она узнала, что беременна. Над Тайлером нависла смертельная угроза, а ее свекр, который был их соседом почти двадцать лет —

застрелен. А они даже не удосужились вернуться домой? — она выкидывает руки вверх. — Что за люди так поступили бы?

— Я полагаю, что не думал об этом, — отвечаю я, вдруг испытывая угрызения совести.

— Ты, Тайлер и я — были ее системой поддержки, пока она росла, — говорит она, пробуждая старые воспоминания. — Ты помнишь, как мало ее родители находились с ней?

— Теперь, когда ты сказала, я припоминаю.

Я сдвигаю ноги и начинают испытывать чувство вины за то, как я обращался с Ванессой. Она звонила и писала сообщения, потому что нуждалась во мне, а я был обеспокоен тем, чтобы убедиться, что Мэнди не стала бы ревновать.

— Тайлер барахтался, я была эмоционально разбита, а она оказалась выброшенной на остров всего этого дерьма, как тебе нравится это называть, — продолжает мама. — Я извинилась перед ней прошлым вечером за то, что была поглощена сама собой. Думаю, тебе следует сделать то же самое.

— Сделаю, — уверяю я ее. — Я буду здесь ради вас всех.

Мэнди

По мере того как разговор между Треем и Сильвией подходит к концу, я продолжаю идти дальше по коридору в сторону кофеварки. Я честно ревновала Трея каждый раз, когда Ванесса связывалась с ним, и не задумывалась о том, что ей просто могла быть нужна его поддержка, сосредоточившись только на том, что у нее имелись более коварные намерения.

Легка на помине, — думаю про себя, когда Ванесса выходит из лифта. Я останавливаюсь посреди коридора, быстро соображая, что следует ей сказать.

— Ты провела здесь ночь? — спрашивает Ванесса, кажется, удивленная тем, что увидела меня здесь.

— Да, не хочу оставлять Трея здесь одного, — говорю я ей. — Я поспала немного на диване в холле.

— Я сама провела там несколько ночей, — говорит она с понимающей улыбкой. — Спасибо, что облегчили бременя Сильвии и меня прошлым вечером. Мы обе страдали от недосыпания.

— О, пожалуйста, — я наклоняюсь и обнимаю ее. — Трей просто сказал ей, что он будет здесь какое-то время. Он решил выяснить, что происходит.

— Хорошо, — говорит она нерешительно. — Я до сих пор не могу поверить, что он думает, будто я могла иметь с этим что-то общее, — добавляет она, качая головой и широко распахивая глаза. — Это просто такое же сумасшествие, что и обвинения Тайлера его в убийстве Виктора.

— Прости, Ванесса, — говорит Трей, подходя к нам. — Я просто так бурно отреагировал на все, что происходило. Я не подумал.

Он протягивает руку, чтобы обнять ее.

— Ты всегда был моей опорой, Трей, — говорит она, глядя на него сквозь слезящиеся глаза. — Если мне когда-либо и нужно было поговорить с кем-то, то это время настало.

— Знаю. Мы все были переутомлены, более чувствительны и находились под давлением, так что ты не единственный, кто чувствует себя подобным образом, — объясняет он, все еще обнимая ее.

— Да, я знаю, что тебе пришлось вынести неустанное внимание СМИ, — она вздыхает и опускает руки по бокам. — Не могу винить тебя за желание сбежать.

— Я уже сказал маме, что никуда не сбегу, пока все не решится, — говорит он ей с очень искренним выражением на лице. — Вещи не могут всю дорогу выходить из-под контроля.

— Спасибо, — отвечает она, глядя на нас с выражением облегчения на лице. — Теперь вы идите немного отдохните. Сильвия и я позвоним вам, если будут какие-либо изменения.

— Хорошо, я хотел бы поговорить с доктором Новачеком сегодня же, так что я вернусь, — говорит он ей, перед тем как мы поворачиваемся и устремляемся к лифту.

— О, кстати, я думаю, что отдам это тебе, а не Сильвии, — говорит она, машинально доставая New York Times из сумки. — Не думаю, что она оценит, что написано на первой странице сегодня.

Трей

— Почему? — спрашиваю я, тут же отвечая на свой собственный вопрос, разворачивая газету и читая заголовок:

Документы Эдисонов раскрывают скандальную связь.

— Твою мать! Мама убьет меня.

Меня корбит, не могу даже представить, как она взбесится.

— Они на самом деле включили фотографии писем? — вздыхает Мэнди с выражением ужаса на лице. — Если Сильвия не убьет нас, то это сделает папа. Это те письма, о которых ты говорил с Перри вчера?

— Нет, — я вспоминаю наш разговор. — Хотя, думаю, я сказал ему, что он может использовать их, как посчитает нужным. Черт. Не могу поверить, что он дал им копии реальных писем.

— Они могли бы, по крайней мере, размыть их немного, — добавляет Мэнди, пока рассматривает одну из фотографий. — Ты, на самом деле, можешь прочитать то, что написал папа в нем.

Она смотрит на меня глазами, наполненными ужасом.

— Он точно нас убьет!

— Ну почему все не может просто пройти гладко? — Я хватаю ее за руку и поворачиваю к лифту. — Пожалуйста, держи это при себе, Ванесса.

— Сделаю. Идите, отдохните, — говорит она, как будто сейчас мы можем заснуть.

— Я заказал хороший небольшой номер в «Park South» на несколько дней, — шепчу я Мэнди после того, как двери лифта закрываются. — Он не самый шикарный, но это очень близко, и никто не догадается нас там искать.

— Из твоих уст это звучит немного параноидально, — отвечает она с расстроенным видом.

— Из-за наших родителей, Томми и кого-то еще... у меня имеется множество причин, чтобы избегать всех прямо сейчас. Вот почему я думаю, что нам стоит пройти несколько кварталов до отеля, вместо того, чтобы использовать лимузин.

Я сжимаю ее руку, успокаивая, хотя у меня нет полной уверенности в своем плане.

Глава 16

Мэнди

После нахождения столько времени в сидячем положении, хорошо прогуляться на свежем утреннем воздухе. Как только мои ноги успевают разогреться от ходьбы, мы достигаем нашей цели. По сравнению с другими отелями, где я останавливалась с Треем, этот элегантный и современный, но не столь подавляющий своей роскошью. Похоже, Трей правильно рассчитал, Томми никогда не подумает искать нас здесь.

— У нас зарезервирован номер на имя Эддисон, — говорит Трей администратору на стойке регистрации.

Она улыбается и бросает взгляд на экземпляр «New York Times».

— Трей Эддисон? — подтверждает она, после того как набирает несколько клавиш на компьютере.

— Верно. И да, у моей матери был роман с ее отцом, — говорит он довольно пренебрежительным тоном. — Я не ожидаю никаких звонков или посетителей, поэтому, если кто-то будет спрашивать, то меня здесь нет.

— Понимаю, сэр, — отвечает она смущенно, вручая ему ключ-карту и указывая нам в сторону лифта.

— Извините за резкость, но я устал, — извиняется он, беря карту. — О, да, я полагаю, наш водитель забросит пару сумок для нас.

— Очень хорошо, сэр. Я прослежу, что их доставят в ваш номер, — говорит она с вежливой улыбкой. — Надеюсь, что вы сможете немного отдохнуть.

— Я тоже, — ворчит он, протягивая мне руку и сопровождая меня к лифту. — Я должен позвонить Томми и перенести нашу встречу за обедом на завтра. Я слишком устал, чтобы бороться с ним сегодня.

Я обнимаю и крепко держу его, пока лифт медленно везет нас на самый верхний этаж. После таких эмоциональных горок каждый день, нам обоим не помешало бы поспать хотя бы восемь часов прошлой ночью. Он прижимает меня к своей широкой груди, и я мечтаю о том дне, когда все вернется в нормальное русло.

Трей

Войдя в чистый, комфортабельный номер, Мэнди извиняется, что ей надо принять горячий душ. Пользуясь случаем, я звоню Томми, но звонок идет прямо на его голосовую почту. Я вздыхаю, пока набираю старый номер офиса отца и пытаюсь использовать этот вариант. Бекки, которая долгое время была его личным секретарем, отвечает на телефонный звонок, и у меня на мгновение создается ощущение, что ничего не изменилось.

— Привет, Бекки. Это Трей. Я ищу Томми, — говорю я ей, стараясь вести себя, как можно беспечнее.

— Ой, Трей, — произносит она с дрожью в голосе. — Мне так жаль, что я не успела поговорить с тобой после похорон.

— Все в порядке, Бекки. День был сумасшедший, — отвечаю я ей, не желая, чтобы она думала больше об этом.

— Я только хотела сказать тебе, как я сожалею, — она замолкает, чтобы прочистить горло. — Прости, ты ищешь Томми Фаулера? — она резко переходит к своей профессиональной манере.

— Да, я собирался встретиться с ним за обедом, но мне нужно перенести встречу на завтра. Я провел всю ночь в больнице с Тайлером, — объясняю я.

— Понимаю. Томми тоже сегодня занят, — говорит она мне. — У него до сих пор совещание с Биллом Глисоном, с того самого момента, как он пришел этим утром. Я не смею их прервать.

— Все нормально, просто дай ему знать, что я вношу его в свой график на полдень завтра.

— Я обновлю его календарь. И Трей..., — она делает паузу с какой-то нерешительностью. — Я позвоню тебе сегодня после работы. Я должна была позвонить тебе раньше, но..., — ее голос снова дрожит.

— Звони мне в любое время, Бекки, — отвечаю я, пытаюсь ее успокоить. — Ты практически член семьи, поэтому не стесняйся звонить мне по любому поводу.

— Я позвоню сегодня вечером, — шепчет она устрашающим тоном, прежде чем кладет трубку.

Мне так надоели все эти тянущие чувства в животе. Основываясь на ее поведении, становится очевидным, что она что-то знает и хочет поделиться этим со мной. Я залезаю на кровать и ложусь на спину. Мне интересно, что же это может быть. Надеюсь, она имеет некоторое представление о том, что происходит. Может быть, она услышала то, что может помочь нам выяснить детали.

Мэнди

Я надеялась, что Трей поймет намек и присоединиться ко мне в душе, но, очевидно, его мозг занят другим. К тому времени, как я оканчиваю мыться, выясняется, что он уже заснул в кровати. Думаю, что он не спал всю ночь. Я надеваю халат и укладываюсь в постель рядом с ним, желая, чтобы он ненадолго проснулся, но нет. Расположившись рядом с ним, я решаю, что это, наверное, к лучшему.

Мы можем немного отдохнуть.

— Мне очень нравится, как ты пахнешь, — бормочет он со слабой улыбкой на лице. — Что у тебя?

— Я хотела бы сказать, что «траха не избежать», — хихикаю я, целуя его в щеку и кладя руку на его промежность. — Работает?

— Думаю, ты уже знаешь ответ на этот вопрос, — отвечает он, приоткрывая один глаз и сексуально глядя на меня. — Мне нужно почистить зубы.

— Не беспокойся об этом, — настаиваю я, поглаживая по всей длине растущей в его штанах выпуклости. — Я не заинтересована в любом случае сейчас целоваться. Я просто думала о том, что когда-то ты стоял в душе за моей спиной и перекатывал мои соски между пальцев. Одна только мысль о твоих руках на мне, заставила меня стать мокрой.

Я хватаю его за ремень и расстегиваю, желая вытащить его из штанов.

— Ладно... к стене, — говорит он, сразу же понимая, о чем именно я думала.

Он встает, чтобы снять брюки и трусы. Быстро расстегивает рубашку и отбрасывает в сторону, прежде чем двинуться ко мне.

— Что бы ни случилось, твои руки должны находиться на стене, — шепчет он мне на ухо, поднимая мою одежду, чтобы оголить мою задницу.

— Это угроза? — спрашиваю я, чувствуя, как через меня проходит разряд электричества только от мысли, что может произойти, если я послушаюсь его команды.

— Я позволю выяснить это тебе на собственном опыте.

Его теплые руки проходят по изгибам моей задницы и вниз по моим бедрам.

— Ты должна избавиться от этого халата.

Он тянет за пояс, позволяя халату распахнуться.

— Извини, но я не могу оторвать руки от стены, — хихикаю я, поглядывая на него.

— Ты хороша, — шепчет он, в то время как оттягивает воротник и целует меня в шею за левым ухом. Он уже понял, что это одно из моих слабых мест.

У меня мурашки бегут по всему телу, пока он терзает мою чувствительную плоть, скользя двумя пальцами между моих чувствительных складочек и выпуская соки, которые накопились внутри.

— Боже, так хорошо.

Трей

Как только Мэнди начинает стонать и извиваться, любые мысли о том, что я устал, быстро заменяются на дикое желание довести ее до невероятного оргазма. Слышать ее вздохи и чувствовать ее дрожь, когда я толкаю ее через край, стало своего рода наркотиком для меня. Видеть, как далеко я могу ее завести и найти новые способы повышения интенсивности эмоций, все это обеспечивает столь необходимый мне перерыв от всего, что происходит вокруг меня.

Я располагаю головку своего твердого члена в идеальное положение для того, чтобы подразнить ее, продолжая делать круги своими пальцами по ее клитору. Дыхание Мэнди становится затрудненным, поэтому я нежно покусываю мочку ее уха, медленно скользя в нее. *Она ощущается так потрясающе.*

— Боже мой! — вскрикивает она, и неожиданно ослабевает в локтях.

Я протягиваю свою руку и захватываю ее бедра, толкаясь глубоко в нее. Я удерживаю себя в ней на мгновение, прежде чем она начинает раскачивать бедрами напротив меня. Она опирается на колени, сжимая меня своими мышцами еще крепче, чем раньше, и начинает толкаться по направлению ко мне.

— О, твою мать... — я собирался быть единственным, кто управлял бы, но то, что сейчас происходит, не оставляет мне выбора, кроме как уступить ей власть.

Я вдруг вспоминаю, что она упоминала, как ей понравилось, когда я перекачивал ее соски между своих пальцев. Я провожу своими руками по бокам ее тела и крепко обхватываю ее грудь. Она издает тихий стон, продолжая решительно двигать бедрами. Я складываю пальцы вместе и катаю соски между ними.

— Жестче, — хнычет она, добавляя дополнительного топлива к уже палящему, горячему мгновению.

Воодушевление нарастает от того, что я вижу ее длинные, темные волосы, ниспадающие по всей длине ее спины. Я тянусь вверх правой рукой и хватаю их, в то время как левую руку оборачиваю вокруг ее талии. Я притягиваю ее ко мне и еще раз беру власть в свои руки, со всей страстью давая ей все, что могу предложить.

Необъяснимое чувство накрывает меня, когда я достигаю интенсивной кульминации. Несмотря на то, что мое тело полностью вымотано и более чем удовлетворено в сексуальном плане, глубоко внутри меня еще существует желание. Я обнимаю ее, пока мы оба начинаем восстанавливаться, все еще хватая ртом воздух. Мне жаль, что мы не можем просто остаться здесь, чтобы испытать это ощущение еще немножко подольше.

— Мне очень понравилось, — произносит, наконец, Мэнди, повернув голову назад ко мне, — Мне нравится, как это ощущается, когда ты берешь контроль в свои руки и немного

надо мной доминируешь.

— Мне нравится, быть с тобой, — отвечаю я, продолжая удерживать ее рядом. — К сожалению, я не могу сидеть на одном месте.

Я целую ее, прежде чем укладываю нас на кровать.

— Я хочу попробовать с тобой разные вещи, — говорит она, поворачиваясь ко мне лицом с легкомысленной улыбкой на губах.

— Мне это подходит.

Мысленно начинаю немедленно вызывать всякого рода возможности, открывающиеся передо мной.

— Отпусти свое воображение на волю, — шепчет она, прижимаясь ко мне под простынею. — У меня никогда не было никого, с кем мне было бы так комфортно.

Лежа рядом с ней, обнимая ее, я в очередной раз понимаю, что чувствую себя совершенно спокойно и в ладу с самим собой. Я поражен этим чувством удовлетворенности, словно ничего больше в этом мире не имеет значения, потому что все, что мне необходимо, находится здесь рядом со мной. К сожалению, недостаток сна сказывается и накрывает меня, и я быстро засыпаю.

~~~~

— Твой телефон звонит, — говорит Мэнди, выводя меня из глубокого сна.

Я смотрю на часы и вижу, что прошло несколько часов, так что я протягиваю руку и беру сотовый, чтобы посмотреть, кто звонит.

— Это мама, — говорю я ей, задаваясь вопросом, имеются ли у нее хорошие новости или она узнала о статье в газете. Я направляю ее звонок на голосовую почту, но вместо того, чтобы оставить сообщение, она снова перезванивает.

— Привет, мам, — отвечаю я, зевая.

— Прости, что разбудила тебя, но Тай очнулся и я хочу, чтобы ты пришел и увиделся с ним незамедлительно, — говорит она с большим воодушевлением, которое я не слышал от нее уже много лет. — Он не узнает никого из нас, но медсестра сказала, что ты можешь оказаться тем, кто запустит его память.

— Я буду, но мне нужно несколько минут, чтобы окончательно проснуться, — отвечаю я, жалея, что не поспал еще несколько часов.

— Приходи как можно скорее, — повторяет она. — И тогда мы сможем обсудить эту статью на первой полосе «Times».

— Прости мама, — меня передергивает от мысли, что она видела ее. — Я понятия не имел, что Перри собирается использовать их таким публичным способом.

— Откуда они взялись? — спрашивает она с растущим раздражением в голосе.

— Некоторые из шкатулки из кедра, другие — из шкафа Рея, — признаюсь я, и мне становится мгновенно стыдно, что мы сделали это за их спинами. — Я только хотел, чтобы федералы отвязались от меня. Я понятия не имел, что Перри мог сделать их достоянием общественности.

— Тебе повезло, что ты проснулся сегодня, — говорит она сухо. — В противном случае я бы, наверное, натравила на вас всех чертей.

— На самом деле, скорее всего мы квиты, — отвечаю я, чтобы вернуть ее же слова ей сторицей. — За то, что разрушила мои отношения с отцом.

После минутного молчания, она говорит:

— Давай сосредоточимся на твоём брате.

— Согласен. Буду там через час.

Я вешаю трубку и бросаю телефон на кровать. Гляжу на Мэнди и вижу, что она снова переживает по поводу обнародования писем.

— Отец убьёт меня, — произносит она, качая головой и выглядя преисполненной страха.

— Я бы разобрался с ним таким же образом, как я справился с матерью. Переложил ответственность на него, — говорю я ей. — Именно они во всем виноваты, мы просто случайно раскрыли их.

— Наверное, ты прав, — отвечает она, хмурясь.

— Давай собираться. Тай пришел в себя, — сообщаю я ей, прежде чем выбраться из постели.

Глава 17

Трей

После того, как мы бросились в больницу, Мэнди и я выходим из лифта и направляемся прямо в палату Тайлера. Когда мы подходим к двери, я слышу голос Ванессы. Я резко останавливаюсь и бросаю взгляд на Мэнди, давая ей понять, что хочу задержаться на мгновение.

— Я всегда любила тебя, Тайлер, и надеюсь, мы сможем вернуться к тому, как было раньше, — говорит она таким тоном, что кажется, будто она умоляет его. Ощущение дежавю накрывает меня, пока я стою у дверного проема, слушая ее выражение любви к нему. Я мог быть ее плечом, в которое она предпочитала плакаться, но он всегда был в ее сердце.

— Я буду стараться изо всех сил, — отвечает Тайлер, — Но мне может понадобиться некоторое время, чтобы собрать все это воедино.

— Ты держись молодцом, — перебивает мама, подходя к его постели. — Со временем все вернется.

Ванесса наклоняется и целует его в лоб, прежде чем повернуться к нам. В ту же секунду у меня возникает одномоментный порыв, так же как и десять лет назад, скрыться за углом, но я понимаю, что для этого нет больше никаких причин.

— Он очнулся! — восклицаю я, делая шаг вперед в дверной проем, держа Мэнди за руку. — Как дела, дружище?

— Он даже меня не помнит, — отвечает Ванесса за него, слезы текут по ее лицу. — Он ничего не помнит.

— Это может быть только временно, — добавляет мама, кажущаяся счастливой только от того, что он вышел из комы.

— Врач сказал, что это, главным образом, повлияло на его кратковременную память.

Я вспоминаю разговор с доктором Новачеком, когда он сообщил нам, что его кратковременная память, несомненно, будет нарушена, но есть также шансы пятьдесят на пятьдесят, что это отразится и на его долговременной памяти.

— Я просто рад, что ты пришел в себя, — говорю я ему, когда подхожу к кровати.

— Привет, — приветствует он меня с пустым взглядом на лице.

— Ты красивая, — говорит он, глядя мимо меня в сторону Мэнди.

— Спасибо, — отвечает она, протягивая ему руку. — Я — Мэнди.

— Она моя подруга, — объясняю я ему, надеясь, что он не будет больше ничего говорить о ней при Ванессе, находящейся в палате.

— Ты и Ванесса помолвлены, — говорю я ему, беря за руку Ванессу и притягивая ее к кровати. — Вот кольцо, которое ты подарил ей, — объясняю я, держа ее за руку, чтобы он мог его разглядеть.

— Ничего себе, оно огромное, — выдыхает он. — Сколько оно стоило?

С широко раскрытыми глазами он переводит взгляд от одного из нас к другому.

— Ну, не так уж много, — резко отвечает Ванесса, ее щеки краснеют.

— Ну, наверняка, кольцо-то большое, — говорит он, качая головой взад и вперед.

— Ты помнишь меня? — спрашиваю я его, присев на корточки, чтобы он лучше меня видел.

— Хмм, ты кажешься знакомым, — отвечает он, прищуривая глаза и изучая мое лицо. — Уверен, что видел тебя раньше.

Он кивает головой и продолжает изучать мои черты.

— У вас есть зеркало? — спрашиваю я, полагая, что, по крайней мере, хоть у одной из них есть зеркальце для макияжа или что-то в этом роде.

И мама и Мэнди начинают рыться в своих сумках.

— Вот, возьми, — говорит мама, первая протягивая мне маленькое зеркальце.

— Хорошо, Тайлер. Посмотри на себя в зеркало, а потом взгляни на меня, — говорю я ему, держа зеркало рядом со своим лицом, чтобы он мог посмотреть туда-сюда на нас двоих.

— Это ты, — говорит он с совершенно растерянным выражением лица.

— Нет. Это ты, — отвечаю я, наклоняя зеркало немного вниз, чтобы он мог увидеть свой больничный халат.

— Это безумие! — восклицает он, глядя то на меня, то в зеркало, а потом вниз на свою одежду. — Что я вообще здесь делаю? — спрашивает он, становясь немного взволнованным.

— Кто-то отравил тебя и чуть не убил, — начинает объяснять мама. — Это твой брат — близнец, — говорит она ему, кладя свою руку на мою.

— Ничего себе, это невероятно, — произносит он, все еще глядя в замешательстве и качая головой из стороны в сторону.

— Ты похож на меня, — добавляет он с выражением изумления на лице.

— Со временем память вернется к тебе, — говорю я ему, надеясь, что мои слова окажутся правдой.

Мы все стоим вокруг него, просто радуясь, что он выкарабкался.

— Ты тоже красивая, — говорит он Ванессе после того, как смотрел на нее в течение нескольких секунд. — Не думаю, что сказал тебе, какая ты хорошенькая.

С тех пор как я вернулся, у Ванессы впервые на лице появляется улыбка.

— Спасибо, Тай. Это все, что тебе действительно необходимо помнить.

Она наклоняется и целует его в щеку, пока он продолжает сидеть с ошеломленным выражением на лице.

— Получено токсикологическое заключение, — объявляет Тельма, когда входит, переступая порог палаты, размахивая большой стопкой бумаг в руке. — Офицеры уже в пути, чтобы забрать доктора Потатурри.

— Все так плохо? — спрашиваю я ее.

— Определенно плохо, — отвечает она, опуская голову и поднимая брови. — мескалин,

ДЭТ (*прим. пер. Диэтилтолуамид*), гидрокодон. Наверное, ты ходил, вероятно, словно опоенный, — говорит она, сочувственно глядя на Тайлера

— Это кое-что объясняет! — вздыхает Ванесса. — На самом деле, это имеет огромный смысл.

— Значит, он находился под кайфом в прошлом месяце? — спрашивает мама, глядя в недоумении.

— Можно сказать и так, — отвечает Тельма. — Такое сочетание препаратов влияет на каждого человека по-разному, но могу вас заверить, что он, наверняка, не очень хорошо помнит весь тот период времени.

Тайлер смотрит на нее, пытаясь переварить услышанное. Мама и Ванесса, кажется, находятся в шоке, и, похоже, даже не знают, о чем ее спросить. Я смотрю на Мэнди, и, очевидно, что каждый из нас думает то же самое.

— Следовательно, если кто-то хотел уничтожить память Тайлера, это был довольно хороший способ сделать это? — спрашиваю я, уже зная ответ.

— Это был гениальный способ, чтобы сотворить такое, — отвечает она, ее глаза загораются. — Давая ему большую дозу пропофола, а затем, вводя лоразепам в его внутривенное вливание, этот человек, скорее всего, позаботился об его оставшихся воспоминаниях. Это был идеальный шторм для очистки памяти.

Она протягивает руку и гладит рукой Тайлера по волосам.

— Так что, с ним все будет в порядке? — спрашивает мама, вдруг выглядя слишком взволнованной.

— Физически, думаю, с ним все будет просто отлично, — говорит она, запихивая результаты токсикологии в заднюю часть его карты. — Мы начнем сегодня кое-какое тестирование когнитивных функций, чтобы выявить базовый уровень для его кратковременной памяти. Надеюсь, что к концу дня мы будем знать больше.

— Тельма, мне нужно поговорить с тобой наедине, — говорит администратор больницы, заглядывая в палату Тайлера.

Тельма извиняется и идет с администратором в сторону сестринского поста. Когда она смотрит на нас, в ее взгляде отражается шок. Они продолжают говорить вполголоса, слишком тихо, чтобы мы могли расслышать их разговор.

— Скажите детективу, чтобы тот убедился, что судебно-медицинский эксперт сделает полное токсикологическое исследование, потому что это легко может оказаться тем, что было вызвано наркотиками, — слышу я, что она говорит, пока идет обратно в нашу сторону.

Тельма входит в дверь палаты Тайлера с расстроенным выражением на лице.

— Что случилось? — спрашиваю я, не совсем уверен в том, действительно ли она поделится этим с нами.

— Когда детективы прибыли на квартиру к доктору Потатурри, то обнаружили его лежащим посередине на полу. Мертвым, — говорит она с широко раскрытыми глазами.

— Итак, они считают, что он покончил жизнь самоубийством или его кто-то убил? — спрашивает Мэнди, также голодная, как и я, до получения дополнительной информации.

— Они еще не уверены, но нет никаких явных ранений.

Она подходит к кровати Тайлера и смотрит на него сверху вниз.

— Интересно, связано ли это с тобой?

— Уверен, что связано, — отвечаю я, бросая взгляд на Тельму и моего брата. — Я вернусь через какое-то время, но сейчас мне нужно пойти и кое-что проверить.

Мэнди

Трейд отправляет сообщение Тони, информируя, что ему нужна машина, и берет меня за руку, ведя к лифту.

По выражению его лица, я могу сказать, что для него еще один кусочек головоломки только что встал на свое место. Томми рекомендовал врача, который с тех самых пор исподволь отравлял Тая, и теперь этот доктор оказался мертв. Я вспоминаю вечер накануне, когда Ванесса кричала на него по телефону. Видимо, Томми почувствовал, что доктор становился скорее обузой, нежели полезным.

Во время поездки в старый офис Виктора, Трейд занят звонками по телефону, общаясь с детективом Келли и другими, чтобы обеспечить наилучшую безопасность. Он хочет убедиться, что Тайлера, Ванессу и его мать будут охранять двадцать четыре часа в сутки, пока что-то не разрешится с делом.

— Ты уверен, что это хорошая идея противостоять Томми прямо сейчас? — спрашиваю я, когда лимузин подъезжает к зданию «Эддисон Медиа».

— Я действительно не планирую вступать с ним в сильную конфронтацию, но хочу убедиться воочию, что происходит, — отвечает он, словно погруженный в свои мысли. — У меня было странное чувство с тех пор, как я повесил трубку после разговора с Бекки.

— А кто такая Бекки?

— Старый ассистент папы, которая теперь, кажется, работает на Томми, — объясняет он, нахмурив брови. — Если кто и знает, что происходит, то это, наверняка, она.

Я чувствую, как тревога растет внутри меня, пока лифт движется на верхний этаж. Когда двери открываются, я ощущаю, как мое сердце бешено стучит. Я тянусь к Трею и сжимаю его руку.

— Пожалуйста, будь осторожен.

— Не волнуйся, я здесь не для того, чтобы устраивать сцену, — уверяет он меня, подмигивая.

К сожалению, это подмигивание не помогает мне успокоиться.

— Ну, привет, Бекки! — говорит Трейд, входя в дверь приемной представительского класса.

— Трейд! Что ты здесь делаешь? — ее глаза мгновенно расширяются.

Я следую за Треем в офис, в котором отчетливо слышится запах пота. Очевидно, ранее здесь проходило напряженное совещание.

— Я просто хотел, чтобы ты узнала, что Тайлер вышел из комы раньше, — отвечает он, подходя и обнимая ее. — Все хорошо?

— Ой, просто прекрасно, — отвечает она, нервно проводя руками по бокам своего платья. — Кто это? — спрашивает она, глядя на меня, и, кажется, что она стремится быстрее сменить тему.

— Это — Аманда Грейсон, — отвечает Трейд. — Не знаю, знала ли ты ее отца, Рея?

— Ну, конечно, — она протягивает руки, чтобы обнять меня. — Что, ради святого, ты делаешь здесь?

— У нас произошло небольшое примирение между нашими семьями, — сообщает ей Трейд. — Ты случайно не видела «Times» этим утром, а?

— Я нет, но определенно слышала об этом, — еще щеки немного розовеют. — Это было твоих рук дело?

— На самом деле, моего адвоката, — признается он. — Мама не была в восторге от этого, но, к счастью, она фокусировала свое внимание весь день на Тайлере.

— Ну, я только рада, что такое было напечатано не про меня, — она гладит Трея по руке и качает головой. — Ты здесь, чтобы увидиться с Томми?

— Если он не занят, — отвечает он непринужденно. — В противном случае, это может подождать до завтра.

— Я дам ему знать, что ты здесь, — говорит она, поднимая трубку и звоня ему.

Через нескольких секунд Томми выходит из своего кабинета.

— Эй, неразлучная парочка! Заходите!

Он протягивает руку, чтобы пожать руку Трея, а затем приобнимает меня и лично сопровождает меня внутрь. Я в полном шоке от его нахальной манеры поведения.

— Похоже, ты, должно быть, быстро включился в работу, а? — спрашивает Трей, пока мы оба смотрит на беспорядок в бумагах на столе.

— Много всего происходит, — отвечает он, быстро рассортировывая их по нескольким кучам. — Садитесь, вы оба, и почувствуйте себя комфортно. Уверен, немного странно видеть кого-то еще в офисе твоего отца.

— Это действительно сложнее, чем я думал, — отвечает Трей, развалившись в кожаном кресле. — Я всегда ненавидел приходить сюда. Обычно это означало, что у меня какие-то неприятности.

Между прочим, он вцепился в подлокотники кресла, и я могу сказать, что он не чувствует себя хоть немножечко комфортно. Мое сердце по-прежнему бешено колотится, так что, по-видимому, только Томми единственный здесь, кто спокоен, хладнокровен и собран. Он улыбается, когда берет кресло, стоящее перед нами и спрашивает:

— Что я могу сделать для вас, ребята?

Трей

После того, как Томми вел себя во время разговора по телефону, я немного удивлен, что сейчас он поступает подобным образом. Бедная Бекки выглядела так, что готова подпрыгнуть от испуга, а он, словно вернулся после недели, проведенной в спа-салоне.

— Как Лив? Вы, ребята, весело провели время в Монако? — начинаю я разговор о том, что я думал, будет безобидной темой.

— Лив? Понятия не имею, — отвечает он, выражение его лица становится мрачнее. — Она исчезла в субботу вечером, я вернулся без нее.

— Исчезла? — его слова полностью шокируют меня.

Можно сказать, что у Мэнди просто отвисла челюсть.

— Да, мы были на вечеринке Леди Кастилло с кучей друзей, а когда пришло время возвращаться в отель, она словно испарилась, — говорит он небрежно.

— Ты сообщил, что она пропала? — ахнула Мэнди.

— Только на следующий день, — отвечает он, пожимая плечами. — Я думал, может быть, она зажигала с кем-нибудь еще, но после того, как не смог с ней связаться весь следующий день, я подал заявление о пропаже человека перед вылетом домой.

— Так ты вернулся без нее? — спрашиваю я в изумлении.

— Эй, а что я должен был делать? — он смотрит на меня, будто я задал ему нелепый вопрос.

— Ладно, надеюсь, с ней все в порядке, — добавляет Мэнди с беспокойным взглядом на

лице. — Ты до сих пор не слышал от нее вестей?

— Ни звука, — Томми меняет позу в кресле. — Это одна из вещей, которые я хотел обсудить с вами, — говорит он, возвращая свое внимание на меня. — Она когда-нибудь исчезала от тебя?

— Только после похорон отца, — признаюсь я. — Мама заявила ей, что она интересовала меня только из-за внешности.

— Это было жестоко, — добавляет Мэнди, съеживаясь.

— Она хороша собой, — Томми задумывается. — Она напомнила мне Ванессу, но в постели с ней гораздо веселее.

Я бросаю на Мэнди взгляд, демонстрируя, что его слова вызывают у меня отвращение.

— Мне только что пришло в голову, что она порвала с тобой в ту ночь, — я ерзаю в кресле, решив приступить к интересующим меня вопросам. — Что ты знаешь о докторе Потатурри?

— Докторе Потатурри? — спрашивает он, словно понятия не имеет о ком идет речь.

— Он врач, которого ты посоветовал Ванессе, чтобы помочь Тайлеру, — говорю я ему прямо.

Он, черт подери, знает, о ком идет речь.

— А, он, — Томми морщится, как будто его кто-то ущипнул. — Мой друг сказал мне, что он специалист по снятию болевого синдрома, поэтому я подумал, что он может оказаться полезным. Как Тайлер?

— Ему сейчас лучше благодаря тому, что мы поменяли врача. Он, наконец, вышел из комы, — сообщаю я ему, желая увидеть его реакцию.

— Да, неужели? — отвечает он. — Хорошая новость. Ты говорил с ним?

— Немного, но он никого из нас не узнает. Доктор Горшок проделал хорошую работу по разрушению его мозга.

Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него через стол.

— Так что, он ничего не помнит? — Томми пытается сохранять спокойствие, но клянусь, я вижу облегчение в его глазах.

— Нет, его кратковременная память была стерта, но врачи надеются, что долговременная память вернется в какой — то момент, — говорю я ему, надеясь, что это сможет удержать Тайлера вне поля зрения Томми.

— Вот это, да, можно сойти с ума, — говорит он, откинувшись на спинку стула.

— Что действительно странно, полицейские пошли поговорить с доктором Потатурри, но нашли его мертвым, — добавляю я, все еще пытаюсь оценить любое изменение в его поведении.

— Правда? — спрашивает он, наклоняясь в сторону и потирая подбородок рукой. — У них есть какая-нибудь версия по поводу того, что случилось?

— Нет, мы только слышали об этом на выходе из больницы, — сообщаю я ему, оставляя эту тему в покое.

— Почему Тайлер назвал тебя мошенником? — спрашивает Мэнди, видимо, устав от моего непринужденного подхода.

И она была именно той, кто предупреждал меня быть осторожным.

— Мошенник? — смеется он. — Тайлер ненавидит меня. Особенно после того, как узнал, что Ванесса и я обедали вместе, в то время как он и Виктор уехали из города.

Он качает головой, продолжая смеяться.

— Не знаю, зачем она рассказала ему об этом.

— Видимо, не хотела, чтобы он узнал об этом сам и подумал, будто она что-то скрывает, — парирует Мэнди, распрямляясь и принимая чуть более оборонительную позу.

— Ну, тут нечего было скрывать... не то, чтобы я не пробовал. Она по-прежнему выглядит хорошо, — добавляет он со смешком.

Звонит телефон и голос Бекки слышен через переговорное устройство:

— Томми, Карли ожидает вас на проводе.

— Вы должны ей сказать, что я перезвоню через полчаса, — огрызается он.

Его поведение так резко меняется, что я мгновенно понимаю, что это важная часть информации.

— Карли Сноу? — спрашиваю я, уточняя насчет бывшей невесты отца.

— Да, у нее пару вопросов кое о чем. У меня не было времени, чтобы получить ответы для нее, — говорит он, беря в руки папку и выскакивая из своего кресла. — Я лучше пойду, проведу кое-какие разыскания, тогда я смогу вернуться к ней. К тому же уже пять часов.

Он указывает нам на дверь.

— Ты все еще хочешь встретиться завтра за обедом? — спрашиваю я его на выходе.

— Нет, думаю, мы закончили. Я догоню вас по дороге, — отвечает он, потягивая руку и сверкая своей фирменной телевизионной улыбкой. — Замечательно было снова увидеть тебя, Мэнди. Ты решила остаться в городе?

— Пока да, — говорит ему Мэнди. — Трей нуждается во мне.

Она тычет мне в бок и улыбается.

— Да, она профессионал в снятии стресса, — поддразниваю я ее.

— Тебе виднее, — глумится Томми, — Мне бы не помешало кое-какое снятие стресса после такого дня, который был у меня.

Он идет вместе с ней и снова обнимает ее.

Мэнди

Не могу поверить, что он только что сделал это. *Что такое.* Я просто качаю головой, пока мы идем обратно в приемную. Бекки вскакивает из-за стола и быстро хватается свою сумочку.

— Уже пять, так что я собираюсь спуститься с вами, — сообщает она Трею.

— Отлично, у меня не было шансов наверстать упущенное с тобой в течение долгого времени, — отвечает он с улыбкой.

Он хотел узнать, знает ли что-нибудь Бекки.

Я смотрю на Томми, и выражение его лица говорит мне, что он не счастлив от такого развития событий.

— Мне необходимо, чтобы вы помогли мне с этой папкой, — говорит он, сверкая глазами.

Мне нужно к дантисту в 5:30, сможет ли подождать до утра? — спрашивает она.

— Ммм, полагаю, — бормочет Томми, кажется, не зная, что еще сказать. — Да, хорошо. Можете идти.

Глава 18

Трей

— Как дети? — спрашиваю я у Бекки, когда мы выходим в дверь.

Томми все еще стоит в приемной, поэтому я хочу, чтобы он услышал, что мы обсуждаем что-то совершенно безопасное.

— Ой, они все так выросли и заняты своей собственной жизнью, — вздыхает она.

— Как внуки? — задает вопрос Мэнди.

— Пока нет, но я все еще надеюсь, — смеется она, лифт издает сигнал, и двери открываются.

Мы все стоим в тишине, пока двери лифта не закрываются. Однако, я сгораю от нетерпения, зная, что Бекки так хотела поговорить со мной о чем-то. Ничего не происходит, пока лифт не начинает спускаться, и тогда она, наконец-то, начинает говорить.

— Что-то действительно не так, — произносит она. — Я никогда не видела, чтобы Билл Глисон был так рассержен.

Билл является председателем правления и одним из главных союзников отца.

— Из-за чего? — спрашиваю я, желая узнать от нее подробности.

— Я слышала только обрывки фраз, но Билл обвинял Томми в том, что тот делает. Я слышала недостаточно для того, чтобы понять, о чем речь, — шепчет она. — Но, основываясь на том, как зол он был, уходя, то это должно было быть чем-то важным.

— Ну, у нас обоих есть подозрения, что Томми как-то связан с тем, что Тайлер чуть не умер, — отвечаю я. — Как только мы доберемся до машины, я собираюсь позвонить Биллу и посмотреть, расскажет ли он мне что-нибудь.

— Я чувствую себя немного неловко от всего этого, — говорит Бекки, когда лифт останавливается в вестибюле. — Сэм сейчас в Сиэтле по делам, поэтому я планирую переночевать у своей сестры.

— Почему бы тебе не поехать с нами, — предлагаю я ей. — Мы могли бы поговорить побольше, а затем мы бы отвезли тебя к сестре. Если мы все объединим усилия, то, может быть, у нас получится разобраться во всем этом.

— Было бы замечательно, — улыбается Бекки, оглядываясь через плечо, словно полагая, что за ней могут наблюдать.

Мэнди

Бекки и я ведем светскую беседу, в то время как Трей звонит Биллу. Бекки полностью напоминает мне мою первую учительницу. Она примерно 155 сантиметров роста, темные волосы с проседью, и в очках для чтения, которые висят на цепочке у нее на шее.

— Привет Билл, это Трей Эддисон. Не мог бы ты перезвонить мне, когда получишь это сообщение? — спрашивает он, прежде чем повесить трубку.

— Он, наверное, пошел поужинать, — размышляет Бекки, глядя на свои часы.

— Итак, произошло ли что-нибудь еще, что кажется тебе странным? — спрашивает ее Трей.

— Нет, никто кроме Билла не был так рассержен. Единственная вещь, которая кажется мне странной, что Карли звонила несколько раз. Она никогда не звонила по три раза за день, — говорит она с растерянным взглядом.

— Томми сказал, что она ищет какую-то информацию, — отвечаю я, полагая, что он, возможно, переиначил ситуацию.

— Нет. Она была расстроена, я могу сказать по ее голосу. Обычно она совершенно хладнокровна, но только не сегодня.

Она вздрагивает и складывает руки на груди.

— Неужели она и Томми давно знакомы друг с другом? — спрашивает Трей, кажется, сразу насторожившись.

— О, да. Она та, кто познакомил Билла и твоего отца с Томми. Она знала его еще со времен учебы в Йеле, — сообщает она нам. — Карли всего лишь на год его старше, — добавляет она с веселой усмешкой.

— Действительно ...это интересно.

Мой мозг начинает пересматривать все факты с учетом этой новой информации. Томми и Карли знали друг друга довольно долго, она и Билл были сегодня расстроены. *Почему?*

— Почему Билл и Карли расстроились из-за Томми? — спрашивает Трей, неосознанно отражая мои мысли.

— Вопрос на миллион долларов, — отвечает Бекки с огоньком в глазах. — Я пыталась выяснить, о чем они спорили, но все хранили молчание.

— Ну, надеюсь, Билл свяжется со мной позже вечером, — отвечает Трей. — Должно быть, это что-то серьезное, так как я не помню, чтобы когда-либо видел Билла расстроенным.

— Нет, не было такого, — быстро соглашается Бекки.

Трей

После того, как мы высадили Бекки, лимузин везет нас обратно к больнице, и я притягиваю Мэнди ближе к себе. Не могу перестать думать об отношениях между Карли, Биллом и Томми, и тем фактом, что Билл и Карли рассердились на него. Возможно, это и не связано никоим образом, однако, то, как Бекки вела себя, определенно говорит, что у всего этого есть что-то общее. Я считаю новость о том, что Томми и Карли знакомы в течение многих лет, шокирующей. Но теперь, когда я раздумываю об этом, ... все начинает проясняться.

— Ты собираешься рассказать мне, о чем думаешь? — спрашивает Мэнди, становясь нетерпеливой от моего молчания.

— Да, я просто пытаюсь сложить все вместе, — отвечаю я ей. — Почему Карли и Билл сердились на Томми?

— Потому что он сделал что-то, что разозлило их обоих, — отвечает она, со смехом констатирую очевидное.

— Я знаю, но какая связь? — начинаю думать я вслух.

— Твой отец — тот, кто их объединял, — говорит она, пожимая плечами, снова указывая на очевидное.

Мой телефон звонит, когда мы начинаем мозговой штурм. Я вытаскиваю его из кармана и наклоняю его к Мэнди, чтобы показать, что звонит детектив Келли.

— Надеюсь, он отвяжется от нас, — шепчет Мэнди с блеском в глазах.

— Здравствуйте, детектив. Что случилось? — спрашиваю я, предполагая, что он звонит, чтобы сообщить мне, что я больше не являюсь целью его расследования.

— Сегодняшняя статья в «Times» на первой полосе, — говорит он, переходя сразу к сути дела. — Не могу представить, чтобы ваша мать и мистер Грейсон были слишком довольны этим.

— Да уж, это мягко сказано. Мама точно не была в восторге, — признаю я. — Но, как я объяснил ей, это была не моя идея. Я думал, что Перри собирался отправить копии только

вам, ребята.

— Ему нравится драматические эффекты, но я не понимаю, зачем ему было нужно опубликовать их, — говорит он, и подозрение сквозит в его вопросе.

— Хорошо, я хотел, чтобы он сделала так, чтобы пресса отвязалась от меня, поэтому, я полагаю, он подумал, что такой способ дискредитирует их будущие истории, — рассуждаю я. — У меня не было возможности поговорить с ним об этом.

— Вы можете передать ему поздравления от меня. Чтение было развлекательным, — смеется он. — Даже не знаю, что и думать об этом. Отчасти, это вполне логично для меня, но я не куплюсь на это.

— Хорошо, а что тогда не имеет для вас смысла? — спрашиваю я, ощущая боль в желудке от нервов.

— Почему вы не сказали офицеру Мартелло и мне о них, если это были только любовные письма? — спрашивает он, заставляя меня врасплох.

— Я до сих пор отрицаю все это. Я даже не был уверен, были ли они настоящими, — протестую я.

— Мое чутье подсказывает мне, что вы не убивали своего отца, но я по-прежнему считаю, что вы что-то замыслили, — холодно произносит он. — Но, что более важно, мне необходимо, чтобы вы заполнили несколько пробелов для меня.

— Если мы можем встретиться с вами, то расскажем вам все, что знаем, — отвечаю я, зная, что нам нужна его помощь больше, чем ему наша. — Мэнди и я играли в детективов весь день, но мы определенно в полном тупике.

— Даже не могу себе представить почему, — смеется детектив Келли. — Куда вы сейчас направляетесь?

— Назад в больницу, — говорю я ему. — Мой брат очнулся сегодня, так что мы будем находиться там в течение нескольких следующих часов.

— Я приеду туда с агентом ФБР, который был назначен на это дело, — отвечает он. — Сейчас он вместе с судмедэкспертом выясняет, имеются ли какие-нибудь предварительные результаты по доктору Потатурри.

— Хорошо, я думаю, что все это связано с убийством отца, — говорю я, желая заставить двигаться его в этом направлении. — Думаю, Тайлер узнал, что происходит, и поэтому его отравили.

— После просмотра токсикологического заключения, я должен согласиться, — отвечает он, бросая мне косточку. — Мне кажется, Потатурри пытался затуманить его мозг, а когда не сработало, то они решили убрать его.

— В точку! Я думаю, он догадался, кто убил отца, или, по крайней мере, считал, что понял, — я расслабляюсь, чувствуя небольшое облегчение и полагая, что мы, наконец, добиваемся успеха.

— Но если это так, почему он обвинил вас? — спрашивает он, возвращая нас к тому, с чего мы начали.

— Понятия не имею, — отвечаю я ему честно. — Мне чуть-чуть сразу полегчало, как только я узнал, что он был, в основном, на наркотиках и болеутоляющих.

— Так и есть! — он снова смеется. — Я увижу вас в больнице через час или около того.

Мэнди

После шероховатостей разговора с детективом, Трей роняет телефон между своих бедер и наклоняется ко мне. Его глаза выглядят такими усталыми, чувствую, как и мои, но мы оба знаем, что сначала становится плохо, перед тем как станет лучше. Я пробегаюсь рукой по его рукам, думая о том, каково было ощущать их на мне до этого. Я не знаю, как долго каждый из нас сможет выдержать все эти дни, наполненные стрессом. Слава Богу, ночи заполнены сексом.

— Все, что мы должны сделать, это рассказать детективу все, что мы знаем, и дать им разобраться с этим самим, — говорю я ему, желая снять часть бремени с нас.

— Да, ты и я довольно умны, но мы не имеем права быть так поглощены всем этим, — отвечает он, соглашаясь. — Я только хотел убедиться, что все движется в правильном направлении и подальше от меня.

— После того, как мы все разложим для них по полочкам, надеюсь, они будут также ясно видеть всю картину, как и мы, — говорю я ему, сжимая его руку в своей. — Тогда мы сможем сосредоточиться на наших семьях.

— Рею нужно приехать погостить, — предлагает он. — Мама действительно могла бы развлечься.

— А что насчет Чарльза? — мысли о нем вертятся у меня в голове с тех самых пор, как я узнала, что он живет с Сильвией.

— Он не для мамы. Чарльз на пятнадцать лет старше ее, но ведет себя так, будто ему все восемьдесят, — он закатывает глаза и качает головой с легкой улыбкой на лице. — Маме необходимо немного развлечения в ее жизни.

— Папе тоже, — отвечаю я, зная, что в течение многих лет он был, в основном, сиделкой. — Только надеюсь, что у него все еще остался задор. Казалось, что смерть мамы выбила у него почву из-под ног.

— Ему просто необходимо покинуть ферму и влиться в гушу событий, — пытается уверить меня Трей. — С ним все будет в порядке.

Телефон Трея жужжит и экран светится между его ног.

— Томми интересуется, с нами ли Бекки, — говорит он, читая сообщение.

— Не отвечай ему, — произношу я, чувствуя мгновенную реакцию кишечника. — Наверное, не знает, сколько она услышала. Могу точно сказать, что он не был счастлив от того, что она ушла с нами.

— Я даже не собираюсь открывать сообщение. Оставлю его в неведении, — глаза Трея мрачнеют. — Честно говоря, я собираюсь послать ему что-нибудь веселое, — добавляет он, взяв телефон в руки и открыв сообщение.

— Ты когда-нибудь совершал ошибку, а потом делал еще одну ошибку, стараясь прикрыть первую? Затем был вынужден совершить еще одну, пытаясь прикрыть предыдущие. В конце концов, ты обнаруживаешь, что повсюду оставлены улики, — диктует он Siri (*прим. пер. Помощник в iPhone*).

Он показывает мне сообщение с самодовольным выражением на лице, ожидая моей реакции.

— Не думаю, что это очень хорошая идея, — говорю я ему, а он ухмыляется и нажимает кнопку «Отправить».

— Ладно, теперь я тоже нервничаю.

Мы оба сидим в тишине, ожидая ответа Томми. Я сжимаю его руку так сильно, что

когда смотрю вниз, то вижу, что костяшки на моей руке даже побелели.

— Я собираюсь позвонить в одну из охранных компаний, с которыми разговаривал сегодня утром. Не волнуйся, — говорит он, поднимая мою руку к своим губам и целуя ее.

Его телефон гудит и загорается снова.

Томми: Увидишь... я не делаю ошибок.

— Он мне, однозначно, не нравится! — заявляю я, пристально глядя на Трея.

Несколько минут назад, я была готова позволить детективами ФБР заниматься этим делом. Увидев его ответ, часть меня, которая пробудилась несколько лет тому назад, кажется, вырывается на первый план. Я хочу разобраться во всем, что происходит вокруг нас и найти его ошибку. Все оставляют следы, и так как все мое обучение было направлено на выявление финансовых махинаций, именно с этого я и хочу начать. Где-нибудь окажется денежный след, который, я уверена, приведет к нему.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Трей, просидев в тишине в течение одной или пары минут.

— Ты знаешь, о чем я думаю, — отвечаю я, глядя вниз на его телефон.

— Итак, куда мы двигаемся теперь? — задает вопрос Трей с любопытством.

— Первым делом завтра утром я собираюсь позвонить Харрису и узнать, есть ли что-либо бросающееся в глаза в предыдущей компании Томми «Firefly Media», — отвечаю я, формулируя свой план вслух. — Он недавно продал свою копию, поэтому мы вступим в контакт с теми, кто ее купил.

— Мы? — улыбается он и закрывает глаза.

— Ты знаешь, что хочешь уничтожить Томми также, как и я, — говорю я ему, дав тычок под ребра. — Ты обещал своей маме, что доведешь дело до конца.

— Знаю, — он качает головой и смотрит на меня. — А ты действительно злющая, не так ли?

— Чертовски верно! Особенно, если на другой стороне такой высокомерный придурок, как он.

Я поворачиваюсь к окну и перенаправляю всю ярость, которую испытывала раньше к Виктору, на Томми.

— Я до сих пор не могу поверить, что он оставил Лив в Монако!

— Честно говоря, я немного удивлен, так как никогда не оставлял ее где-либо, — говорит он с усмешкой. — Она действительно была первоклассной занозой в заднице!

— Да, я наблюдала за этим из партера. Вот так я и узнала, что у тебя доброе сердце, потому что я никак не смогла бы мириться с ее дерьмом!

Я вспоминаю тот первый день в Женеве и задаю себе вопрос, а что если она оказалась где-нибудь на дне Средиземного моря. Один небольшой толчок, а вокруг никого нет, и довольно трудно было бы найти какие-либо доказательства. Мои мысли снова прерывает жужжание телефона Трея.

— Что на этот раз?

Трей закатывает глаза и берет в руки свой телефон. Имя Брэндона Райкера высвечивается на экране.

— Это Брэндон, — говорит он, кажется, с некоторым облегчением, видя имя друга.

Трей

— Эй, Брэндон, как дела?

— Трей, папа и я интересуемся, какого черта происходит? Тайлер почти умирает, твоя мама на первых страницах газет, а сейчас Билл. Зачем он это сделал? — спрашивает Брэндон, переходя прямо к сути дела.

— Да, мы не знаем, из-за чего Билл так переживает, но это, наверняка, как-то связано с Томми Фаулером, — говорю я ему.

— Ты не слышал? — выдыхает он. — Билл покончил жизнь самоубийством сегодня!

— Свел счеты с жизнью? Ты должно быть шутишь! Когда? — заваливаю я его вопросами, шокированный уже в третий раз за последние двадцать четыре часа.

— Думаю, пару часов назад. Один из друзей папы позвонил и рассказал нам, что жена Билла нашла его, вернувшись домой из магазина, — говорит он, отчего холодок побегает по моей спине.

Мэнди сходит с ума рядом со мной, сгорая от любопытства, о чем мы там говорим.

— Билл, видимо, покончил с собой, — шепчу я.

— Эй, Трей, папа хочет поговорить с тобой, — произносит Брэндон, прерывая меня.

— Ладно, — отвечаю я, чувствуя себя совершенно оцепеневшим.

— Трей, это Джек, — заявляет он, его глубокий голос эхом доносится из телефона. — Сначала Виктор, теперь Билл... Должно быть что-то подгнило, раз компания теряет своего генерального директора и председателя правления в течение нескольких недель. Что, черт возьми, происходит?

— Эй, Джек, там что-то действительно не так, и мы пытаемся собрать фрагменты вместе, — говорю я ему. — Честно говоря, мы встречаемся в течение часа с детективом и агентом ФБР.

— У них займет некоторое время, чтобы навести порядок, — отвечает он. — В это же время ты должен занять круговую оборону и защитить сам себя.

— Забавно, что вы это говорите, потому что сегодня утром я обзвонил несколько охранных фирм, — сообщаю я ему. — Я только что сказал Мэнди, что должен выбрать одну из них и обеспечить безопасность.

— На самом деле, именно по этой причине я и хотел поговорить с тобой. Я бы порекомендовал тебе Энтони Розена, он мой друг, который также является одним из основателей «Альфа 9», — он делает паузу, видимо, считая, что я знаю про них.

— «Альфа 9»? — смущенно спрашиваю я.

— Мне очень жаль, я всегда предполагаю, что люди слышали о них, — продолжает он. — Они — команда быстрого реагирования, которую основали три отставных морских пехотинца, три спецназовца и тремя десантника. После собственной армии это самое лучшее, и они базируются прямо здесь в городе.

— Ух, ты, звучит круто, — отвечаю я, думая о том, как я хотел бы увидеть одного из них надирающим задницу Томми. — Сколько это будет стоить?

— Неужели это важно, с учетом того, что люди вокруг тебя умирают? — спрашивает он с нотками сарказма в голосе. — Поверь, ты найдешь их цены вполне разумными.

— Да, хорошо. Мне было просто любопытно, — запинаясь я. — Как мне связаться с ним?

— Я попрошу Энтони перезвонить тебе в течение пяти минут, — говорит он решительно. — Поверьте мне, он — лучший.

— Спасибо, Джек, — я вешаю трубку и улыбаюсь Мэнди.

Приятно осознавать, что в скором времени подкрепление уже будет в пути. Особенно

если это высоко квалифицированное подкрепление. Надеюсь, они будут в состоянии обеспечить нам безопасность.

— Мистер Эддисон? — Тони смотрит в зеркало заднего вида, привлекая мое внимание.

— Да?

— Думаю, что за нами следует черный седан, сэр, — говорит он с дрожью в голосе.

— Сделайте круг вокруг квартала и посмотрите, последует ли он за нами, — говорю я ему, вспоминая, что видел такое на ТВ-шоу.

— Я уже сделал это, сэр. Они следовали за нами все четыре поворота, — отвечает он, его голос дико трескучий. — Поэтому я и не остановился у входа в больницу.

— Черт! Я жду звонка с минуты на минуту от того, кто сможет помочь нам, — сообщаю я ему. — Давайте сделаем еще один круг по кварталу. Просто убедитесь, что мы встанем там, где хорошо освещено!

Пока мы замедляемся, чтобы сделать поворот, седан подъезжает к нам, ударяя нас в бампер.

— Черт, они догадались, что мы заметили их! — кричит Тони на грани паники.

— Поверни налево и следуй за скорой! — кричу я, заметив машину скорой помощи у входа в подземный гараж.

Водитель поворачивает машину, наезжая колесами на бордюр, в результате чего я и Мэнди резко откидываемся назад.

— Держитесь! — вопит он, мы подпрыгиваем еще на одном бордюре, прежде чем несемся вниз по дороге в сторону въезда.

— О, черт! — кричит Мэнди, когда надземная дверь начинает закрываться.

— Держитесь! — орет Тони в попытке проскочить внутрь.

Происходит глухой удар по крыше машины прямо над нашими головами, антенна сорвана с крыши, наш водитель ударяет по тормозам, резко останавливаясь всего в нескольких сантиметрах от задней части машины скорой помощи, ранее въехавшей перед нами в гараж.

— Что, твою мать, происходит? — спрашивает Тони, поворачиваясь в своем кресле и глядя на нас широко раскрытыми глазами.

— Это мы и пытаемся выяснить, — восклицает Мэнди, хватаясь за мою руку и оглядываясь вокруг в поисках потенциальной опасности.

— Очевидно, мы следующие в списке, — говорю я им, чувствуя, как волна тревоги накрывает меня.

Мой телефон начинает гудеть.

— Боже, надеюсь, это Энтони.

Больше книг на сайте - Knigolub.net